

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Том 17, № 2, 2026

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
2026

TERRA LINGUISTICA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Чернявская В.Е., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Редакционная коллегия:

Беляева Л.Н., д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Ван Цзясин, д-р филол. наук, профессор, Нанкинский университет, Нанкин, КНР;

Гаспарян Г.Р., д-р филол. наук, профессор, Ереванский Государственный Университет им. В.Я. Брюсова, Ереван, Республика Армения;

Головкин Е.В., чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор, Институт лингвистических исследований РАН, Россия;

Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;

Зенош-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турция;

Иванова С.В., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Омск, Россия;

Клочкова Е.С., канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», Россия;

Кронгауз М.А., д-р филол. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия;

Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;

Маевродиева И.Т., д-р филос. наук, профессор, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, София, Болгария;

Рацибурская Л.В., д-р филол. наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;

Шестакова Л.Л., д-р филол. наук, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

Яковлева А.Ф., канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Сетевое издание публикует научно-исследовательские статьи и рецензии на русском и английском языках в области лингвистических исследований.

С 2002 года входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-77377 от 25 декабря 2019 г.

Сведения о публикациях представлены в Реферативном журнале ВИНТИ РАН, в международной справочной системе «Ulrich`s Periodical Directory», в Российской государственной библиотеке. В базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, КиберЛенинка.

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Редакция журнала

д-р филол. наук, профессор В.Е. Чернявская – главный редактор;

Г.А. Пышкина – ответственный секретарь, выпускающий редактор; Ф.К.С. Бастиан – редактор;

А.А. Кононова – компьютерная вёрстка; И.Е. Лебедева – перевод на английский язык.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

Тел. редакции: +7 (812) 552-62-16, e-mail редакции: ntv-human@spbstu.ru

Дата выхода: 30.06.2026

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2026

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Vol. 17, No. 2, 2026

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2026

TERRA LINGUISTICA

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation.

Members:

Larisa N. Belyaeva, Dr.Sc. (philol.), prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation;

Wang Jiaxing, Dr.Sc. (philol.), prof., Nanjing University, China;

Gayane R. Gasparyan, Dr.Sc. (philol.), prof., Yerevan State University after V. Brusov, Yerevan, Republic of Armenia;

Evgeniy V. Golovko, corresponding member of RAS, Dr.Sc. (philol.), prof., Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation;

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;

Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sc. (philol.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;

Yelena S. Klochkova, Ph.D (philol.), St. Petersburg Electrotechnical University, Russian Federation;

Maxim A. Krongauz, Dr.Sc. (philol.), prof., HSE University, Moscow, Russian Federation;

Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;

Ivanka T. Mavrodiëva, Dr.Sc. (philos.), prof., Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria;

Larisa V. Ratsiburskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;

Larisa L. Shestakova, Dr.Sc. (philol.), prof., Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Russian Federation;

Aleksandra F. Yakovleva, (political), leading researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russian Federation.

The open access journal publishes research papers and reviews on theoretical orientations, and methodological approaches that have a central focus on language in the perspective of theoretical and applied linguistics, linguistic pragmatics, sociolinguistics, linguistic anthropology, discourse analysis, translation studies.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is indexed by Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, VINITI RAS Abstract Journal (Referativnyi Zhurnal), VINITI RAS Scientific and Technical Literature Collection, Russian Science Citation Index (RSCI) database Scientific Electronic Library.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ЭЛ No. ФC77-77377 issued 25.12.2019.

Editorial office

Dr. Sc., Professor V.E. Chernyavskaya – Editor-in-Chief;

G.A. Pyshkina – editorial manager; Ph.Ch.S. Bastian – editor.

A.A. Kononova – computer layout; I.E. Lebedeva – English translation.

Address: 195251 Polytekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

+7 (812) 552-62-16, e-mail: ntv-human@spbstu.ru

Release date: 30.06.2026

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2026

Содержание / Contents

Гаспарян Г.Р., Ишханян М.С. <i>К проблеме культурно-прагматической адаптации в нейронном машинном переводе (на материале англо-, русско- и армяноязычного политического медиадискурса)</i>	6
Глушак В.М. <i>Дискурсивная асимметрия этнонимных прилагательных deutsch и russisch (корпусно-статистическое исследование дихотомии «свой/чужой»)</i>	24
Жура В.В., Суворина Е.В. <i>Стратегемно-тактическая организация жанра устного медицинского дискурса «Разбор клинического случая»</i>	42
Иванова С.В. <i>Лингвистическая ресемантизация «петербургского текста»: механизмы и границы экспансии морфемы «арт» в городском ландшафте</i>	62
Isa B., Oyekulehin R. <i>Assessing the Feasibility and Consequences of Nigeria's National Language Policy on Foreign Language Education: A Focus on French and Arabic</i>	78
Megawati S., Syafran A., Triyono S. <i>From Symbolic Signs to Discursive Landscapes in Ronya Othmann's Die Sommer: A Linguistic Landscape Analysis</i>	94
Nguyen T.B.G., Tran X.H. <i>The Rhetoric of Rejection: Deny and Counter in Trump and Harris's 2024 Debate Discourse</i>	111

Обзоры / Review articles

Palacios-Hidalgo F.J., Huertas-Abril C.A. <i>Mediating the Digital Self: A Systematic Literature Review of Teachers' Perspectives on Technology, Language Education, and the Construction of Linguistic Identity</i>	134
Yin Zehao. <i>The Semiotic Intensity Approach: A Scoping Review of Amplification and Attenuation Mechanisms in Multimodal Media Discourse</i>	152

Рецензии / Reviews

Будаев Э.В. <i>Миграция в зеркале российского телеграм-дискурса: рецензия на монографию С. Л. Кушнерук «Конфликтогенное миромоделирование в телеграм-дискурсе о трудовых мигрантах». Москва: Флинта, 2026. ISBN 978-5-9765-5873-1</i>	169
Клушина Н.И. <i>Лингвистика медиа: новые подходы в исследованиях и обучении. Рецензия на книгу В.Е. Чернявской «Медиалингвистика: Жанры, дискурсивные практики, мультимодальность». Москва: Флинта, 2026 г. ISBN 978-5-9765-5869-4</i>	175

Научная статья

УДК 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17201>

EDN: <https://elibrary/COVFAR>

К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ В НЕЙРОННОМ МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО-, РУССКО- И АРМЯНОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА)

Г.Р. Гаспарян , М.С. Ишханян

Ереванский государственный университет им. В.Я. Брюсова,
Ереван, Республика Армения

 gasparyan.gayane@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме семантической и когнитивно-прагматической адекватности нейронного машинного перевода при передаче культурно маркированных инвективных единиц, содержащихся в политических медиатекстах. Актуальность исследования определяется широким внедрением нейронных систем перевода в процессы медиапроизводства, направленного на оперативное распространение информации на различных языках. Цель исследования заключается в сопоставительном анализе переводов, выполненных профессиональными переводчиками онлайн-СМИ и системами нейронного машинного перевода (Google Translate, DeepL, Yandex Translate) для выявления типичных ошибок машинного перевода при обработке культурно маркированной инвективной лексики и необходимости их постредактирования человеком. Материал исследования включает фрагменты политических медиатекстов на русском, английском и армянском языках, содержащих имплицитно и эксплицитно выраженные культурно маркированные элементы речевой агрессии (зоометафоры-инвективы, этнодисфемизмы, псевдоэтнические номинации, пейоративную лексику и др.), а также их переводы на целевые языки. При этом исходный язык варьируется в зависимости от конкретного примера. Применялась сравнительно-сопоставительная методология с использованием дискурс-анализа, а также межкультурного и переводческого анализа для выявления различий как на семантическом и прагматическом уровнях, так и на уровне культурно обусловленных когнитивных компонентов текста. Выявлено, что системы нейронного машинного перевода допускают системные ошибки, связанные с преобладанием буквального принципа перевода, что приводит к утрате или, напротив, к усилению речевой агрессии, к нарушению коммуникативного воздействия, а также к неадекватной передаче когнитивных фреймов, динамически изменяющихся значений, иронии, сарказма и языковой игры. Результаты анализа свидетельствуют о частичном или полном отсутствии семантической, культурной и прагматической адаптации в системах машинного перевода, что указывает на ограничения данных систем в передаче культурно и прагматически маркированного содержания текста. Исследование показало, что полный переход на системы нейронного машинного перевода без последующего постредактирования человеком является преждевременным.

Ключевые слова: политический медиадискурс, инвектива, этнодисфемизм, псевдоэтническая номинация, машинный перевод, прагматическая адаптация.

Для цитирования: Гаспарян Г.Р., Ишханян М.С. К проблеме культурно-прагматической адаптации в нейронном машинном переводе (на материале англо-, русско- и армяноязычного политического медиадискурса) // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 2. С. 6–23. DOI: 10.18721/JHSS.17201

ON CULTURAL AND PRAGMATIC ADAPTATION IN NEURAL MACHINE TRANSLATION (BASED ON ENGLISH, RUSSIAN AND ARMENIAN POLITICAL MEDIA DISCOURSE)

G.R. Gasparyan , M.S. Ishkhanyan

Yerevan State University after V. Brusov,
Yerevan, Republic of Armenia

 gasparyan.gayane@yandex.ru

Abstract. The article focuses on semantic and cognitive-pragmatic adequacy of neural machine translation in transmitting political media texts containing culturally marked invective units. The relevance of the study is determined by the widespread integration of neural machine translation systems into media production processes aimed at the rapid dissemination of information in multiple languages. The aim of the study is a comparative analysis of translations performed by professional translators of online media outlets and neural machine translations (Google Translate, DeepL, Yandex Translate) to identify typical machine translation errors in rendering culturally marked invective vocabulary and the need for their post-editing by humans. The research material includes fragments of political media texts in Russian, English, and Armenian containing implicitly and explicitly expressed culturally marked elements of verbal aggression (zoometaphor-invective, ethno-dysphemism, pseudo-ethnic nomination, pejorative vocabulary etc.), as well as their translations into the target languages. The source language varies depending on the specific case. A comparative-contrastive methodology was applied, combining discourse analysis, cross-cultural and translation-oriented approaches, to identify differences at the semantic and pragmatic levels, as well as at the level of culturally conditioned cognitive components of the text. It was revealed that neural machine translation systems produce systematic errors associated with the predominance of the literal translation principle, resulting in either the loss or, on the contrary, to the intensification of verbal aggression, the disruption of communicative impact, and the inadequate rendering of cognitive frames, dynamically shifting meanings, irony, sarcasm, and wordplay. The findings indicate a partial or complete absence of semantic, cultural and pragmatic adaptation in machine translation systems, which points to the limitations of these systems in conveying culturally and pragmatically marked textual content. The study demonstrates that a complete transition to neural machine translation systems without subsequent human post-editing is premature.

Keywords: political media discourse, invective, ethno-dysphemism, pseudo-ethnic nomination, machine translation, pragmatic adaptation.

Citation: Gasparyan G.R., Ishkhanyan M.S. On Cultural and Pragmatic Adaptation in Neural Machine Translation (Based on English, Russian and Armenian Political Media Discourse), *Terra Linguistica*, 17 (2) (2026) 6–23. DOI: 10.18721/JHSS.17201

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена активной интеграцией систем машинного перевода в сферу медиапроизводства и политической коммуникации. Несмотря на значительный прогресс нейросетевых технологий, сохраняются трудности, связанные с передачей культурно- и прагматически маркированных элементов текста, что влияет на адекватность перевода.

Практическая значимость исследования определяется необходимостью повышения качества машинного перевода при работе с культурно маркированным материалом. Анализ эффективности современных нейросетевых систем позволяет выявить ограничения существующих алгоритмов и определить направления их совершенствования.

В этой связи научная новизна исследования заключается в том, что оно проводится на материале английского, русского и армянского языков, представляющих три различные культурно-языковые системы, с применением сопоставительного анализа переводов, выполненных тремя нейросетевыми системами машинного перевода и профессиональными переводчиками онлайн-СМИ. Такой подход создает условия для объективного сопоставления и дифференциации переводческих решений в антропогенном и машинном переводе.

В контексте обозначенной проблематики особую значимость приобретает анализ политического медиадискурса, выступающего важным механизмом формирования общественного мнения, в рамках которого экспрессивная и оценочная лексика нередко используется как средство реализации манипулятивного воздействия. Особое место в структуре политического медиадискурса занимает инвективная лексика, зачастую обладающая выраженной культурной маркированностью, что существенно осложняет задачи перевода и требует учета не только языковых, но и прагматических, социокультурных и дискурсивных факторов.

Тенденция повсеместного применения систем нейронного машинного перевода уже оказывает влияние на рынок труда: по данным Карла Фрея, внедрение онлайн-сервисов привело к сокращению рабочих мест для специалистов по иностранным языкам¹. Это, в свою очередь, может снижать интерес к лингвистическим и переводческим специальностям и влиять на уровень профессиональной подготовки переводчиков.

В этом контексте особую значимость приобретает исследование возможностей и ограничений машинного перевода при работе с текстами политического содержания, где точность прагматической трансмиссии высказывания имеет принципиальное значение.

Цель исследования заключается в сопоставительном анализе переводов, выполненных профессиональными переводчиками онлайн-СМИ и системами нейронного машинного перевода, в выявлении и систематизации типичных ошибок машинного перевода при обработке культурно маркированной инвективной и этноспецифической лексики (как в эксплицитной, так и в имплицитной форме) и необходимости их постредактирования человеком, а также в разработке теоретической базы для совершенствования алгоритмов машинного перевода при работе с культурно маркированной инвективной лексикой.

Для достижения поставленной цели формулируется следующий общий исследовательский вопрос:

Какие типы искажений возникают при передаче культурно маркированной инвективной и этноспецифической лексики в машинном переводе политического медиадискурса?

Для конкретизации анализа выделяются следующие частные исследовательские вопросы:

1. Какие типы когнитивно-семантических и прагматических искажений возникают при передаче культурно маркированной инвективной лексики в машинном переводе?
2. Каким образом машинный перевод влияет на сохранение или утрату инвективного, оценочного и прагматического фрейма высказывания?
3. В какой степени профессиональный перевод обеспечивает более адекватную передачу культурно обусловленных и прагматически маркированных единиц по сравнению с системами машинного перевода?

Анализ материала и предварительные данные свидетельствуют о том, что ошибки машинного перевода не являются изолированными, а обусловлены особенностями функционирования политического медиадискурса. Их адекватная межъязыковая передача требует учета не только лексико-семантических, но и дискурсивных, социокультурных и коммуникативных факторов, что обуславливает необходимость комплексного теоретического осмысления трансформаций медиакommunikации.

¹ Как ИИ снимает языковые барьеры, и нужны ли теперь люди-переводчики // РБК Компании. URL: rbc.ru – <https://707.su/NrCf> (дата обращения: 09.06.2026).

Постановка проблемы

Текущий этап развития медиапространства, характеризующийся процессами глобализации и цифровизации, сопровождается комплексными изменениями в политическом медиадискурсе, связанными с трансформацией его коммуникативных и прагматических параметров.

Эти изменения одновременно носят системный характер и затрагивают различные уровни функционирования языка СМИ – от стилистической организации текста до его прагматической направленности и коммуникативных стратегий. Особенно отчетливо они проявляются в политическом медиадискурсе, позволяя выявить ключевые тенденции современной медиакommunikации.

Одним из существенных изменений является трансформация функционально-прагматического вектора политического медиадискурса, что выражается в модификации его оценочно-экспрессивных характеристик. По наблюдению Н.Е. Петровой и Л.В. Рацибурской, «общий тон современных СМИ – ироничный, скептический, насмешливый...»² Такая трансформация медиакommunikации обусловлена изменением роли средств массовой информации в современном обществе. В частности, как отмечают М.А. Кормилицина и О.Б. Сиротина, «современные СМИ не только информируют, но и интерпретируют происходящее...»³ Данная тенденция особенно отчетливо проявляется в политическом медиадискурсе, где языковые средства функционируют не только как инструмент информирования, но и как механизм целенаправленного воздействия на массовое сознание.

Значительные изменения обусловлены развитием медиаплатформ и распространением формата прямых трансляций, в рамках которых возрастает роль неподготовленного речевого взаимодействия. Как справедливо отмечает О.Б. Сиротина, «прямой эфир вывел на официальный экран телевизора спонтанную устную речь с неизбежными для нее ошибками речи...» [1, с. 6]. При этом усиливаются театрализация и экспрессивность речи, тогда как рационально-аргументативная составляющая постепенно утрачивает доминирующее положение.

В связи с этим возрастает значимость персуазивной направленности дискурса. Как отмечает В.И. Карасик, персуазивная функция реализуется посредством использования средств речевого воздействия, направленных на убеждение адресата в правомерности и обоснованности позиции говорящего, а также на формирование у него определенной оценки рассматриваемого явления. Реализация воздействия осуществляется посредством целенаправленного отбора языковых средств, включая выбор лексических единиц с различной прагматической нагрузкой (нейтрализация или усиление оценки), создание новых номинаций, использование грамматических конструкций, способствующих смещению акцентов и маскировке субъекта действия и др. Существенную роль в формировании персуазивного эффекта играет также обращение к имплицитным основаниям высказывания, влияющим на интерпретацию информации адресатом [2; 3, с. 129].

Таким образом, политический медиадискурс все в большей степени функционирует как инструмент воздействия, направленный на формирование эмоционально-оценочного восприятия и регуляцию интерпретационных и поведенческих реакций адресата.

Согласно А.П. Чудинову, отмечаются ослабление стилистических норм и усиление влияния некодифицированных языковых средств, а также активизация экспрессивных средств, включая метафорические модели (антропоморфную, природоморфную, социоморфную и артефактную)⁴. Эта тенденция продолжается и в наблюдениях Н.Е. Петровой и Л.В. Рацибурской, которые отмечают, что «стремление журналистов реализовать стратегию близости к адресату

² Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. 4-е изд. стер. М.: Флинта, 2016. С. 18.

³ Кормилицина М.А. Сиротина О.Б. Язык СМИ: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2015. С. 57–61.

⁴ Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 103, 136–137.

приводит к размыванию границ между официальным и неофициальным, публичным и обиходно-бытовым общением в медиатекстах»⁵. Совокупность указанных процессов формирует функционально-стилистическую неоднородность медиадискурса, его гибридный характер.

Особое значение в данной структуре приобретает речевая агрессия. При сохранении базовой функции эмоциональной реакции она все отчетливее приобретает стратегический характер, направленный на дискредитацию оппонента и воздействие на аудиторию. Согласно Е.И. Щербининой, речевая агрессия реализуется посредством различных языковых средств, выражающих диапазон негативных эмоций — от недовольства до презрения⁶. Одним из наиболее значимых средств ее реализации в политическом медиадискурсе является инвективная лексика. В рамках инвективного компонента политического медиадискурса особое внимание привлекают явления псевдоэтнической номинации, под которыми в настоящем исследовании понимается трансформация культурно стереотипизированного оценочного прилагательного с закрепленной пейоративной коннотацией в этническое обращение к группе лиц, обусловленная ошибочной активацией этнического фрейма в процессе машинного перевода.

Изменения затронули и системы машинного перевода, что проявляется в переходе от статистических моделей к нейронным архитектурам и сопровождается повышением качества перевода. Согласно Ф. Кёну, нейронный машинный перевод основан на методах глубокого обучения и использует многослойные искусственные нейронные сети [4, с. 30–31]. В отличие от статистических моделей, он рассматривает перевод как единый *end-to-end* процесс и обучается на больших параллельных корпусах, что обеспечивает постепенное повышение качества перевода [4, с. 116–117, 193].

Указанные изменения, наряду с различиями языковых картин мира и культурно-специфических концептов, существенно осложняют межъязыковую коммуникацию, поскольку язык отражает не объективную реальность, а культурно и концептуально обусловленную модель мира, опосредующую интерпретацию действительности. Как отмечает Ю.Д. Апресян и др., «языковая картина мира лингво-, или этноспецифична...» [5, с. 35].

В когнитивной лингвистике язык рассматривается как средство концептуализации опыта и как компонент культуры и сознания [6], а культура трактуется как «высокоорганизованная когнитивная конструкция» [7, с. 374], определяющая способы интерпретации опыта. В сочетании с положениями А. Вежбицкой это позволяет интерпретировать языковые различия как результат несовпадения когнитивных и культурных моделей осмысления действительности.

В настоящем исследовании трудности перевода объясняются не только языковыми расхождениями, но и различиями в способах концептуализации и оценки политической реальности. Передача оценочно-экспрессивных характеристик, включая речевую агрессию, определяется культурными моделями интерпретации, что особенно значимо для культурно и прагматически маркированных единиц и подтверждает тезис А. Вежбицкой о проблеме их непереводаемости [8, с. 76–79, 107, 130].

В этих условиях существенно возрастают требования к переводу, который должен обеспечивать не только формальную, но и прагматическую, культурную и интерпретационную адекватность. Данный подход соотносится с положениями функционально-коммуникативной теории перевода [9–15], в рамках которой прагматическая адекватность понимается как достижение максимально возможного коммуникативного эффекта и соответствующей реакции реципиента [15, с. 10–116].

Современные исследования демонстрируют общую тенденцию к повышению качества нейронного машинного перевода, особенно в области лексико-семантической обработки и передачи

⁵ Петрова Н.Е., Рацбургская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. С. 32.

⁶ Щербинина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. С. 9.

синтаксических структур. В работах российских исследователей⁷ подчеркивается рост адекватности машинного перевода при передаче сложных синтаксических конструкций. Аналогичные результаты представлены в зарубежных исследованиях [16–18], где отмечается прогресс нейронных систем в обработке языкового материала, при этом сохраняются ограничения в передаче культурно обусловленных единиц.

Соответствие перевода оригиналу может быть верифицировано с помощью современных компьютерных технологий. Исследование А.О. Гребенникова и др., выполненное с применением компьютерной программы T-LAB, свидетельствует о том, что при сохранении ключевых смысловых компонентов в переводе ассоциативные связи между словами претерпевают изменения, особенно в художественных текстах, что отражает интерпретационную деятельность переводчика [19].

Согласно результатам исследования О.У. Серовой, переводы отличаются от оригинала, так как явлению *translationese*, «так называемому переводческому языку», присущи особенности, проявляющиеся преимущественно в упрощении, нормализации, экспликации и интерференции. Для повышения качества перевода требуется постредактирование с учетом указанных особенностей [20].

Однако, несмотря на достигнутые результаты, остается недостаточно изученной проблема передачи культурно и прагматически маркированных единиц в различных модусах перевода. Это обуславливает необходимость сопоставительного анализа машинного и профессионального переводов для выявления типичных ошибок и оценки их влияния на прагматическую и коммуникативную адекватность политических медиатекстов, а также для обоснования ограниченной эффективности нейросетевых систем в медиапроизводстве.

Методология (материалы и методы)

Методологическая основа исследования определяется целью работы и логикой поставленных задач.

Исследование опирается на положения теории перевода, включая современные издания классических работ [9, 11–15, 21, 22], когнитивной лингвистики [6, 7, 23], лексической семантики и системной лексикографии [5], культурно ориентированной семантики [8], дискурсивных исследований и прагматики речевого воздействия [2, 3], а также исследований в области нейронного машинного перевода [4].

Материал исследования включает фрагменты политических медиатекстов на русском, английском и армянском языках, содержащих имплицитные и эксплицитно выраженные культурно маркированные инвективные единицы. Под политическими медиатекстами в настоящем исследовании понимаются тексты средств массовой коммуникации политической тематики, распространяемые через цифровые и традиционные медиа, включая новостные статьи, аналитические публикации, редакционные материалы, политические комментарии, а также пользовательский контент в социальных сетях, в том числе комментарии пользователей на страницах политических блогеров.

Анализируемые тексты относятся к последнему десятилетию и отражают современный этап развития политического медиадискурса.

Отбор материала осуществлялся методом целенаправленной выборки из онлайн-СМИ с учетом культурной специфики и прагматической маркированности текстов. Критериями отбора выступали социокультурная обусловленность и коммуникативная вариативность материала,

⁷ Чернышова А.И. Анализ машинного перевода вторично-предикативных структур в сопоставлении с антропогенным переводом: дисс. ... канд. филол. наук. М.: Московский городской педагогический университет, 2025. 194 с.; Глотова Я.А. Корпусный анализ использования антонимического перевода: сравнение антропогенного, машинного и нейросетевого переводов: дисс. ... канд. филол. наук. М.: Московский городской педагогический университет, 2026. 234 с.

что позволило обеспечить репрезентативность анализируемых данных. Наличие инвективных и пейоративных единиц рассматривалось как обязательное условие отбора.

Материал исследования сформирован на основе публикаций ведущих онлайн-СМИ различных стран и языковых пространств, включая российские (RBC, РЕН ТВ, NewsKo), британские и американские (BBC, The Guardian, The Independent, NBC Bay Area, RTVI US), европейские (Euronews), арабские (Al Jazeera), армянские (News.am, Times.am, Sputnik Armenia, Hayeli.am, Hayacq.am), а также авторский аналитический блог на платформе Substack.

На основе отобранного материала сформирована параллельная выборка переводов, включающая:

- 1) переводы профессиональных переводчиков онлайн-СМИ;
- 2) переводы систем нейронного машинного перевода (Google Translate, DeepL, Yandex Translate);
- 3) в отдельных случаях – авторские переводческие решения, предлагаемые в качестве аналитически обоснованных вариантов, обеспечивающих более адекватную передачу исходного высказывания с прагматической и культурной точек зрения.

Исходные языки варьируются в зависимости от конкретного случая, что позволяет осуществлять сопоставление переводческих решений в различных языковых парах (русский язык – английский язык, английский язык – армянский язык, русский язык – армянский язык и др.).

Методологический инструментарий включает:

- *сопоставительный анализ* (выявление расхождений между результатами машинного перевода и профессионального перевода);
- *межъязыковой анализ* (выявление структурных, семантических и прагматических различий между языками оригинала и перевода);
- *межкультурный анализ* (выявление культурно обусловленных различий в интерпретации и репрезентации смыслов);
- *дискурс-анализ* (учет политико-коммуникативного контекста, речевой ситуации и интенциональной направленности инвективных высказываний);
- *семантико-прагматический анализ* (оценку сохранения экспрессивности, иллокутивной и персуазивной силы высказывания);
- *переводческий анализ* (выявление переводческих стратегий и трансформаций).

Применение указанных методов обеспечивает комплексный характер исследования политических медиатекстов в межъязыковом и межкультурном аспектах.

Результаты и обсуждение

На основании сопоставительного анализа фрагментов политического медиадискурса и их переводов на русский, английский и армянский языки, выполненных как системами нейронного машинного перевода, так и профессиональными переводчиками онлайн-СМИ, установлена неоднородная степень переводческой адекватности при передаче культурно маркированных инвективных единиц. Полученные результаты свидетельствуют о том, что ключевые затруднения машинного перевода связаны не с передачей лексического значения как такового, а с нарушением когнитивно-фреймовой и прагматической эквивалентности высказывания.

В рамках проведенного исследования выявлена следующая типология нарушений машинного перевода культурно маркированных инвективных единиц, включая зоометафоры, фразеологические и идиоматические выражения разговорного регистра:

- 1) когнитивно-семантические и фреймовые несоответствия (*с дальнейшей внутренней дифференциацией*);
- 2) этнопрагматические искажения инвективного дискурса (*с дальнейшей внутренней дифференциацией*).

Когнитивно-семантические и фреймовые несоответствия

Выделенные типы нарушений проявляются в анализируемых материалах в комплексном виде и варьируются в зависимости от характера зоометафорической единицы и языковой пары перевода. Особое внимание уделяется зоометафорам как устойчивому элементу политического медиадискурса, выполняющему функцию пейоративной номинации. Инвективные зоонимы демонстрируют высокую частотность употребления, однако их семантическая и прагматическая эквивалентность при переводе характеризуется нестабильностью.

К числу наиболее устойчивых и по-прежнему активно используемых в политическом медиадискурсе инвективных зоонимов относятся *козел*, *баран*, *стадо баранов*, которые могут функционировать как изолированно, так и в составе парных конструкций *козлы и бараны*.

В изолированном употреблении данные единицы сохраняют выраженное пейоративно-оценочное значение, связанное с характеристиками глупости, пассивности и моральной девиации политических субъектов. В период предвыборной мобилизации зооним *бараны* в политической риторике также может метонимически обозначать электорат, акцентируя его пассивность и нескритичность.

Существенная проблема машинного перевода (Google Translate, DeepL, Yandex Translate) заключается в буквальной зоологической интерпретации данных единиц, передаваемых как *goats/sheep* (досл.: *козы, козлы*) и *sheep/rams* (досл.: *овны*), что приводит к прагматическому несоответствию. В англоязычной картине мира *goat* может активировать фрейм сексуальной распущенности, который не соответствует русской инвективе *козел*, обозначающей не развратного человека, а «неприятного, подлого, бесчестного, морально осуждаемого индивида». При этом *ram* (*самец овцы*) не закреплен как инвективная лексическая единица, вследствие чего исходная оценочная и делегитимирующая функция высказывания не воспроизводится. Таким образом, возникает фреймовая рассинхронизация между исходным и целевым дискурсами, при которой зоометафора сохраняется формально, но утрачивает инвективную прагматику.

В английском языке отсутствует полноценный однословный эквивалент русских инвективов типа *подлец* и *мерзавец*, что связано с межъязыковой асимметрией оценочной лексики. Английские соответствия (*scoundrel*, *villain*, *bastard*, *creep* и др.) различаются по степени грубости и стилистической окраске и лишь частично передают значение русских инвективов: *bastard* является грубым и частично табуированным, *scoundrel* – литературным и относительно архаичным [8, с. 79–83]. В результате *подлец* занимает промежуточное положение между ними, оставаясь более разговорным и экспрессивным средством морального осуждения.

Дополнительно зооним *козел* обладает в русском языке многослойной культурно-семантической нагрузкой: помимо общего пейоративного значения он закреплен и в воровском жаргоне как обозначение заключенных, сотрудничающих с администрацией исправительных учреждений, что усиливает его инвективный статус и связь с семантикой предательства и социального падения. Именно эта многослойная прагматика объясняет обращение к английским зоометафорам типа *jackal*, частично воспроизводящим инвективный фрейм подлости, предательства и неблагоприятного поведения.

В армянском языке для обозначения подлого, мерзкого человека используются лексемы *ըրկիւն / ւտըր ւտըր* (досл.: *негодяй / подлый человек*), тогда как *սղծեր և ոչ/սղծեր* (досл.: *козлы и бараны*) и *սղծեր և խոյեր* (досл.: *козлы и овны*) в машинном переводе функционируют исключительно как наименования животных и не обладают инвективной семантикой, то есть не являются пейоративно маркированными единицами в системе языка.

При машинном переводе DeepL выявлена ошибка в передаче зоонимов *козлы и бараны* на армянский язык: они были некорректно интерпретированы как *զոռիկներ և խոյեր* (досл.: *ягнята и овны*). В отдельных случаях система также ошибочно подставляет лексему *սղծեր, ձիակեր* (досл.: *медведи, детеныши*). При этом форма *զոռիկներ* (досл.: *ягнята*) также искажена

на морфологическом уровне, что свидетельствует о снижении точности морфосемантической обработки в системе машинного перевода.

При передаче исходного высказывания необходимо учитывать авторскую интенцию и прагматический аспект, связанный с языковой игрой и зоометафорическим противопоставлением *козлы и бараны – разные люди*, где реализуется метафорическое моделирование человека через зоонимы.

В этой связи для сохранения игровой структуры и прагматического эффекта представляется адекватной переводческой стратегией функциональная замена культурно релевантным зоонимом, обеспечивающая сохранение эквивалентного инвективного фрейма: շախալներն ու ոչխարները՝ տարբեր մարդիկ են (досл.: *шакалы и бараны – это разные люди*) и *jackals and sheep are different people*.

Следует отметить, что в армянском языке фиксируется асимметрия между нормативной и узуальной подсистемами: кодифицированные зоонимы сохраняют денотативную функцию, тогда как некодифицированные формы приобретают инвективный статус и выполняют прагматически маркированную оценочную функцию в политическом медиадискурсе. Так, нормативно закреплённая форма շիշախալ (досл.: *шакал*) противопоставляется узуальному շախալ (досл.: *шакал*), отсутствующему в словарях, но широко функционирующему в разговорной и политической коммуникации как пейоративная единица, актуализирующая фрейм моральной низости, агрессивности и коварства.

Несовпадение коннотаций наблюдается и в следующем примере: *There's no debate: Donald Trump's a chicken* (США, 2024). В данном случае зооним *chicken* функционирует в политическом медиадискурсе как инвективная метафора, реализующая значение «трус» и используемая для дискредитации политического оппонента в контексте отказа от участия в дебатах. Профессиональные переводчики онлайн-СМИ передают данную единицу с сохранением прагматического значения, осуществляя функциональную замену: *Нет никаких дебатов: Дональд Трамп – трус / Դոնալդ Թրամփը վախկոկ է* (досл.: *Дональд Трамп – трус*) тем самым эксплицируя исходную инвективную семантику и устраняя зооморфную форму, не релевантную для русской и армянской языковых картин мира. В ряде случаев данный пример адекватно переводится системами DeepL и Yandex Translate на русский язык (*Дональд Трамп – трус*), однако в армянском варианте наблюдаются отклонения.

Система машинного перевода Google Translate демонстрирует буквальный принцип перевода, сохраняя зооним и передавая его как *курица – Դոնալդ Թրամփը հիւշ է* (досл.: *Дональд Трамп – курица*), что приводит к прагматическому и культурному искажению высказывания. В целевом языке утрачивается инвективная функция высказывания, поскольку зооним *курица* не закреплён в русском и армянском политическом дискурсе в значении *трус* и активизирует преимущественно денотативный образ животного, а также иной, нерелевантный для исходного высказывания инвективный фрейм зооморфной уничижительной оценки общего характера, не совпадающей с англоязычной моделью *chicken (трус)*.

Таким образом, наблюдается расхождение между профессиональной переводческой стратегией (семантическая и прагматическая адаптация с заменой инвективной единицы) и машинным переводом (формальное сохранение зоометафоры), что приводит к нарушению инвективного фрейма и снижению коммуникативного эффекта высказывания.

Данные типы нарушений актуализируются не только в пределах зоометафор, но и при переводе фразеологических единиц, обладающих высокой степенью идиоматичности и культурной обусловленности. В этом случае особую сложность представляет передача устойчивых выражений политического медиадискурса, где оценочная и инвективная семантика закреплена не за отдельным словом, а за целостной идиомой, что существенно повышает риск буквальной интерпретации при машинном переводе.

Английский язык характеризуется высокой степенью идиоматичности, что находит отражение в политическом медиадискурсе, где активно функционируют фразеологические единицы с оценочной и инвективной семантикой. Изучение анализируемых примеров показало, что машинный перевод приводит к прагматическим и когнитивным искажениям.

Так, английская идиома *wet noodle*, активно функционирующая в разговорно-политическом дискурсе и обладающая ярко выраженной инвективной семантикой является иллюстрацией обозначенных переводческих трудностей. Данная единица используется в политическом медиадискурсе для негативно-оценочной и экспрессивной характеристики поведения политического субъекта: *You stood there like a little wet noodle, like a little fanboy* (А. Шварценеггер в адрес Д. Трампа, США, 2016 г.).

Анализ представленных переводов показывает, что все три системы машинного перевода демонстрируют типичные ошибки при обработке идиоматически и прагматически маркированного выражения *wet noodle*. Прежде всего наблюдается тенденция к буквализации: как в русском, так и в армянском переводе идиома передается как *мокрая лапша* / *յաց յրհշտի* (досл.: *мокрая лапша*), что является формально корректным, но семантически неадекватным решением. Системы машинного перевода не распознают переносное значение *слабый*, *трусливый*, *безвольный человек*, вследствие чего частично утрачивается инвективная функция высказывания и происходит его прагматическая нейтрализация.

Дополнительной проблемой выступают лексико-семантические ошибки и нестабильность эквивалентов, особенно в переводах на армянский язык. Так, система DeepL предлагает вариант *յաց զիզիլի* (досл.: *мокрая лазанья*). В отдельных случаях фиксируется также лексема *յիւշտրնիլի* (досл.: *макаронка*), что свидетельствует о некорректной интерпретации английской лексемы *noodle* и приводит к искажению денотативного значения.

Наряду с этим фиксируется утрата экспрессивности и интенсификации: в оригинале сочетание *little wet noodle* усиливает уничижительный эффект, тогда как в переводах данная экспрессия не компенсируется средствами целевого языка.

Варианты *маленький фанат* и *փոքրիկ երկրպագու* (досл.: *маленький почитатель, поклонник*) передают лишь денотативное значение *a little fanboy*, не воспроизводя его пейоративной коннотации, что ведет к дополнительному ослаблению негативной оценки.

Таким образом, машинный перевод в данном случае характеризуется буквальной интерпретацией идиомы, утратой инвективной и экспрессивной функции, а также лексическими и прагматическими искажениями, наиболее заметными в переводах на армянский язык.

Вариант перевода, выполненный профессиональным переводчиком: *Вы стояли там как олух, как маленький фанат*, реализует стратегию прагматической адаптации с модуляцией и генерализацией инвективного компонента. Переводчик отказывается от образной структуры оригинала, заменяя метафорическое выражение *wet noodle* прямой инвективной единицей *олух*, что обеспечивает более явную передачу негативной оценки. Компонент *fanboy* передается посредством сочетания *маленький фанат*, где прилагательное *маленький* соответствует оценочному компоненту *little* в исходном высказывании и сохраняет его уничижительно-уменьшительную семантику. В результате достигается высокая степень прагматической эквивалентности инвективной функции, однако утрачиваются метафоричность и образный слой высказывания. Таким образом, перевод демонстрирует переход от образно-метафорической репрезентации к прямой инвективе, что усиливает воспринимаемую агрессивность высказывания при одновременном снижении его стилистической экспрессии и идиоматической эквивалентности.

Машинный перевод выражения *You, great big girl's blouse* (Б. Джонсон в адрес Дж. Корбина, Великобритания, 2019 г.), также демонстрирует, что системы машинного перевода преимущественно опираются на буквальную интерпретацию компонентов выражения, не идентифицируя его как идиоматическую единицу *big girl's blouse*. В результате инвективная семантика (*трус,*

слабак) подменяется предметным значением *блузка*, что приводит к семантической деформации и прагматической неадекватности высказывания.

При этом наблюдаются различия между системами: DeepL частично распознает идиоматическое значение и предлагает функционально-эквивалентное решение *Ты такой трус*, что свидетельствует о попытке прагматической компенсации. Однако при переводе на армянский язык также фиксируется возврат к буквальной кальке *Դու, մեծ արջկապույտի շաւիղի* (досл.: *ты, большая девичья блузка*), что указывает на нестабильность обработки фразеологических единиц в различных языковых направлениях. Google и Yandex Translate, напротив, последовательно сохраняют буквальную стратегию, не выходя за пределы поверхностной лексической интерпретации *Твоя большая девичья блузка / Он похож на блузку для большой девочки*. При переводе на армянский язык Google Translate допускает лексико-семантическую ошибку, передавая выражение как *քն մեծ արջկապույտի դուստր* (досл.: *блузка твоей старшей дочери*), что свидетельствует о неверной интерпретации исходного выражения и нарушении его денотативной целостности.

В отличие от машинного перевода, профессиональный перевод обеспечивает прагматическую адаптацию и сохранение инвективного значения *Да ты трус!* / *Կիսխլոյնի մեկն ես* (досл.: *ты такой трус*) за счет модуляции и прагматической компенсации. При этом, несмотря на отказ от буквальной фразеологической формы, сохраняются коммуникативная цель высказывания и его оценочно-инвективный характер. Таким образом, машинный перевод характеризуется доминированием буквальной интерпретации идиом, тогда как профессиональный перевод обеспечивает функциональную эквивалентность и адекватную передачу коммуникативной интенции высказывания.

Сложности возникают также при передаче культурно-специфической пейоративной единицы *խիւր* (досл.: *огурец*), функционирующей в разговорном армянском языке в качестве инвективного обозначения слабого, безвольного и социально несостоятельного индивида. Несмотря на формальное денотативное значение, единица приобретает метафорически переосмысленную и прагматически маркированную функцию, актуализируемую в сниженно-оценочных и конфликтных дискурсах, включая политический. Это обуславливает высокую степень сложности перевода и необходимость прагматической адаптации.

Ключевая проблема перевода связана с межъязыковой асимметрией коннотаций. В английском языке лексема *cucumber* входит в состав положительно или нейтрально маркированной идиомы *as cool as a cucumber*, обозначающей эмоциональную устойчивость, сдержанность, спокойствие и хладнокровие, тогда как в русском языке выражение *как огурчик* имеет положительно-оценочное значение и описывает хорошее физическое состояние человека. Таким образом, совпадение денотата не сопровождается совпадением прагматических и аксиологических характеристик, что приводит к межъязыковой семантической асимметрии.

Анализ машинных переводов показывает отсутствие единой стратегии интерпретации. При переводе исходного выражения *Տո ւր խիւր* (досл.: *Слышь, ты, огурец*) машинные системы не распознают его переносное, культурно закрепленное значение, интерпретируя высказывание буквально как *cucumber/огурец*, что приводит к утрате инвективной функции и прагматической девиации.

Так, DeepL предлагает буквальный вариант *Oh, what a cucumber/ Ой, какой огурец*, что отражает денотативную, но не прагматическую эквивалентность. Google Translate элиминирует инвективный компонент, заменяя его нейтральной реакцией *Oh my gosh / О боже мой*, что свидетельствует о прагматической нейтрализации. Yandex Translate демонстрирует семантическую деструкцию исходной единицы *To get cumin / Чтобы получить тмин*, указывающую на нарушение лексико-семантических связей и утрату когерентности высказывания.

В отличие от машинного перевода, человеческая интерпретация основана на распознавании эксплицитной пейоративности и культурного статуса единицы и предполагает функционально

эквивалентную адаптацию: в русскоязычной версии – *Слышь, ты, лох!*, в англоязычной – *Hey you, wimp!*

Подобные сложности возникают и при передаче русских фразеологических единиц и разговорно-сниженной лексики, поскольку их значение определяется не столько лексической формой, сколько прагматическим контекстом и интенцией говорящего. Рассмотрим на примере выражений *хрен с ним* и *хрен им*, которые нередко смешиваются и некорректно интерпретируются как системами машинного перевода, так и переводчиками. Первое выражение обозначает уступку или согласие *пусть; черт с ним; пускай*, тогда как второе выражает категорический отказ *не дожидется*.

Данные различия особенно наглядны в политическом дискурсе, например, в высказывании: *У нас такого оружия больше, чем у стран НАТО. Они знают об этом и все время склоняют нас к его сокращению – хрен им, как у нас в народе говорят* (В.В. Путин, Россия, 2023 г.⁸). В данном контексте выражение *хрен им* функционирует как экспрессивная инвектива с семантикой категорического отказа и усиления конфронтационной позиции.

Анализ переводов показывает общую тенденцию к искажению прагматической структуры фразеологизма. Системы машинного перевода не распознают выражение *хрен им* как разговорную фразеологическую единицу. В переводах Google Translate на английский *screw them* и армянский *սիհժծե՛ք դրանք* (досл.: *прокляните их*) наблюдается смещение от значения категорического отказа к общей инвективной оценке. Переводы DeepL демонстрируют эвфемизированную инвективность с ослаблением категоричности отказа – *to hell with them / յոն դժմոքնս ձեռքի* (досл.: *пусть остаются в аду*). Система Yandex Translate дает наиболее нестабильные результаты: в английской версии *fuck them* усиливается грубость, тогда как в армянской *հալված են ձեր կրծքերը* (досл.: *склонны сокращать нас*) происходит разрушение фразеологической структуры и переход к описательной конструкции с нарушением синтаксической связности.

Таким образом, основные проблемы включают: нераспознавание фразеологизма как прагматической единицы, смещение отказа и оскорбления, колебания между эвфемизацией и гиперболизацией инвективности, а также синтаксическую нестабильность и утрату политико-прагматической функции категорического отказа.

Анализ данного высказывания в переводах международных медиа показывает, что трудности интерпретации русской разговорно-инвективной фразеологии характерны не только для систем машинного перевода, но и для профессиональных переводчиков. Это свидетельствует о высокой прагматической специфике единицы *хрен им*, которая затрудняет ее однозначную передачу средствами английского языка.

Переводы, представленные в материалах Euronews на английский язык *the hell with them* (*к черту их*) и Al Jazeera *screw them* (*да пошли они*) демонстрируют различные стратегии передачи данного выражения в политическом дискурсе. В обоих случаях сохраняются общая инвективная направленность и прагматическая функция категорического отказа, что обеспечивает частичную функциональную эквивалентность. При этом вариант Euronews характеризуется смягчением экспрессивности и снижением степени разговорной грубости оригинала, тогда как перевод Al Jazeera использует более прямую инвективную форму, что приводит к стилистическому сдвигу в сторону большей эксплицитности.

Следует отметить, что русская единица *хрен им* не имеет прямого однословного эквивалента в английском языке и передается набором функционально близких выражений *the hell with them, screw them* и др., каждое из которых лишь частично актуализирует либо компонент категорического отказа, либо компонент инвективной экспрессии, не воспроизводя полностью исходную прагматическую структуру высказывания.

При переводе на армянский язык, выполненном профессиональным переводчиком, используется эквивалентное разговорно-сниженное восклицание *Այր հա* (непереводимая единица,

⁸ Цитата президента В.В. Путина, <https://ria.ru/20230616/oruzhie-1878743400.html> дата доступа 01.06.2026

существующая в армянской разговорной речи более соответствующая русской как *бы не так / еще чего*), передающее значение категорического отрицания и отказа: *Մեկը արկղի շառ նման զեկը տնեկը, քան ՆԱՏՕ-ի երկրները, նրանք որի մասին գրեմեն և մեզ անհայտն են կրճատել, – շարունակել է Պաշինյան, – Մըր հա (хрен им), ինչպես ժողովուրդն է ասում. (досл.: У нас такого оружия больше, чем у стран НАТО, они знают об этом и заставляют нас сокращать, – продолжил Путин, – как бы не так (хрен им), как говорят в народе).*

В английском языке также существуют экспрессивные единицы сниженного регистра, выражающие категорическое несогласие или отказ: *No way! Hell No! Fat chance! Not (bloody) likely! (Ни за что! Фиг! Фигушки! Как бы не так! Черта с два! Не дождетесь! Не получится! Ни в коем случае! Ни за что! Ничего подобного!)*, которые могли бы стать адекватной заменой данной идиомы.

Важным фактором, влияющим на качество перевода культурно специфических фразеологизмов, является степень языковой и культурной контактности между языковыми системами. В случае русско-армянского адекватного перевода существенную роль играет длительная традиция билингвизма и интенсивных языковых контактов, сформировавшаяся в период общего социокультурного пространства, что способствует более высокой степени узнаваемости разговорно-сниженной и культурно маркированной лексики. Это облегчает интерпретацию даже прагматически сложных и культурно специфических единиц.

Этнопрагматические искажения инвективного дискурса

Современный политический медиадискурс характеризуется усилением агрессивной риторики, в рамках которого инвективная и пейоративная лексика, включая этнофолизмы, демонстрирует высокую частотность. В данном случае в качестве объектов анализа рассматриваются пары *турок – предатель* и *սյ ճինակիսի* (досл.: *эй китайский*) – *дешевка*, позволяющие выявить механизмы псевдоэтнической номинации и прагматических искажений в машинном переводе инвективного дискурса.

Особого внимания заслуживают конструкции *թուրք* (досл.: *турок*) и *թուրք Նիկոյ* (досл.: *Никол турок*), представляющие собой политически и культурно обусловленные инвективные номинации, где этноним функционирует не в прямом, а в пейоративно-оценочном значении, выступая средством делегитимации политического субъекта. Данная конструкция закреплена в политическом медиадискурсе Армении в качестве инвективно переосмысленного этнонима *предатель* и актуализирует негативные историко-политические коннотации.

Анализ машинных переводов демонстрирует систематическую неспособность к распознаванию данной прагматической функции. Все основные системы воспроизводят высказывание как *Turk Nikol, Turkish Nicol* или *турецкий Никол, турецкий Николь, турок Никол*, то есть интерпретируют этноним исключительно в его прямом денотативном значении, игнорируя прагматическую и инвективную функцию высказывания. В результате происходят прагматическая нейтрализация оскорбительного компонента и редукция высказывания к нейтральной этнической характеристике, вследствие чего оно интерпретируется носителями других языков не как оскорбление, а как констатация национальной принадлежности.

Дополнительно фиксируется ономастическая интерференция: система DeepL интерпретирует мужское имя *Նիկոյ* (досл.: *Никол*) как *Nicole* (женское имя *Николь*), что приводит к гендерному смещению и дискурсивной дезориентации.

В отличие от машинных систем, медиапереводчики учитывают прагматико-дискурсивный контекст и передают высказывание как *Nicol is a traitor, the defeatist Pashinyan, Никол – Предатель, Никол – турок*, осуществляя тем самым модуляцию значения и экспликацию скрытой инвективной семантики. В армянской культуре после событий 1915 г. (геноцид западных армян) *турок* часто используется в значении *предатель*.

Таким образом, рассматриваемая единица относится к этнонимам, подвергающимся инвективизации в политическом медиадискурсе, при которой наблюдается расхождение между буквальным значением этнонима и его дискурсивно обусловленной отрицательной оценочной интерпретацией.

Ярким примером прагматической несостоятельности машинного перевода является передача армянского высказывания *Չ չհիսկաւի... Մի հստ հիւզաւորի* (досл.: *Эй китайский ... Ну-ка успокойся*), переведенного системой как *Ой, китайцы... Просто не переживайте*, а в английском варианте — *Hey, Chinese, take a break*. Данный результат демонстрирует комплексное искажение на семантическом, прагматическом и культурном уровнях, причем выявленные ошибки носят системный характер и воспроизводятся независимо от языка целевого перевода.

Ключевая ошибка связана с некорректной интерпретацией единицы *չհիսկաւի* (досл.: *китайский*). Формально являясь этнонимическим прилагательным со значением *китайский*, в разговорной армянской речи она приобретает вторичное пейоративное значение, основанное на культурном стереотипе *дешевый, низкокачественный*, и функционирует как субстантивированное оценочное наименование по типу *дешевка*. В данном употреблении утрачивается этническая референция и реализуется семантическая деривация с закреплением отрицательной коннотации.

Машинный перевод не распознает данный механизм и интерпретирует единицу как этническое прилагательное, что приводит к формированию псевдоэтнической референции *китайский/Chinese* и прагматическому смещению адресации. В результате бытовая инвектива трансформируется в потенциально этнически маркированное высказывание, усиливающее конфликтный потенциал и искажающее исходную прагматику.

Не менее существенной является ошибка в передаче полисемантической единицы *հիւզաւորի* (досл.: *успокойся*). В армянском языке данная форма может означать *отдохни, успокойся, угомонись, прекрати*. В рассматриваемом контексте парламентской словесной перепалки актуализируется вторичное значение — призыв прекратить конфликт или снизить эмоциональную напряженность. Машинный перевод, не учитывая коммуникативную ситуацию, выбирает базовое словарное значение *сделайте перерыв / take a break*, что приводит к прагматическому искажению высказывания.

С учетом прагматического и культурного контекста адекватная передача высказывания требует функционально-эквивалентного перевода. В отличие от систем машинного перевода, профессиональный переводчик использует комплекс прагматических стратегий, направленных на сохранение инвективной и оценочной структуры при адаптации формы к нормам целевого языка. В данном случае возможны следующие переводческие решения:

Дешевка... А ну успокойся... — применяется стратегия прагматической адаптации с элементами модуляции и экспликации имплицитной оценочности, что позволяет сохранить инвективную направленность оригинала и передать ее в форме сниженной разговорной агрессии целевого языка;

You're so cheap... Calm down... — используется стратегия прагматической адаптации с частичной модуляцией и компенсацией оценочного компонента, при которой пейоративная характеристика *дешевка* эксплицируется посредством английского прилагательного *cheap*, а побудительная интонация сохраняется через императивную конструкцию *calm down*.

Аналогичные механизмы интерпретационных сдвигов фиксируются также в группе этнонимически маркированных единиц, что проявляется в следующем примере: *Цена продажности: макаронники торгуют принципами* (Армения, 2021 г.). Лексема *макаронники* в данном случае, являясь этнокультурным дисфемизмом в адрес *итальянцев*, реализует инвективную функцию в политическом медиадискурсе. Семантика единицы основана не на прямом значении, связанном с пищевым продуктом, а на культурно закрепленной этностереотипной метонимии, актуализирующей негативно-оценочный фрейм.

Профессиональные переводчики распознают инвективный и этнокультурный характер данной единицы и при переводе на английский язык используют функционально эквивалентную пейоративную номинацию *wop*: ...*wops sell principles*. Подобная стратегия представляет собой прагматическую адаптацию, направленную на сохранение инвективного потенциала, оценочного и коммуникативного эффекта исходного высказывания.

В отличие от этого, системы машинного перевода демонстрируют буквальную интерпретацию единицы, передавая ее как *pasta makers, pasta manufacturers, մսկարրնեղեղն արտադրողները, մսկարրնեղեղն արտադրողները* (досл.: *производители макаронных изделий, изготовители макаронных изделий*). При переводе на армянский язык Yandex Translate предлагает вариант *Մսկարրնեղեղն վաճառում է սկզբունքները* (досл.: *макаронные изделия продают принципы*), что свидетельствует о лексико-семантическом и синтаксическом искажении, поскольку этнопейоративная номинация ошибочно интерпретируется как неодушевленный субъект действия.

Подобный перевод свидетельствует о нераспознавании этнопейоративного характера лексики и редукции переносного значения к денотативному уровню. В результате происходит когнитивно-фреймовое смещение: вместо фрейма этнической инвективы активируется нейтральный профессионально-производственный фрейм, связанный с изготовлением макаронных изделий. Это приводит к прагматической нейтрализации высказывания, утрате инвективной функции и разрушению оценочно-конфликтной направленности политического сообщения.

Таким образом, сопоставительный анализ приведенных примеров подтвердил доминирующую роль буквального перевода в системах нейронного машинного перевода при обработке культурно и инвективно маркированных единиц, что приводит к систематическим прагматическим и когнитивным искажениям. С другой стороны, профессиональный перевод, выполненный человеком, обеспечивает функционально-эквивалентную передачу значения за счет учета контекста, прагматической интенции и культурно обусловленных коннотаций.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлены ограничения нейронных систем машинного перевода (Google Translate, DeepL, Yandex Translate) при обработке прагматически значимых и культурно обусловленных языковых единиц. Наиболее существенные нарушения фиксируются на уровнях культурно-прагматического и когнитивно-семантического анализа, что проявляется в:

- когнитивно-фреймовых несоответствиях и межъязыковой рассинхронизации оценочных моделей;
- искажении коммуникативной интенции высказываний (необоснованное усиление или нивелирование агрессии);
- нейтрализации иронического и саркастического эффекта, а также неспособности распознавания языковой игры и дискурсивных импликаций;
- формировании псевдоэтнической номинации и прагматическом смещении адресации;
- буквальной интерпретации идиом, зоометафор и устойчивых выражений;
- морфосинтаксических и формально-графических (технических) искажениях.

В целом исследование показывает, что именно прагматическая и культурная маркированность инвективной лексики как формы речевой агрессии является ключевым фактором расхождения между машинным и профессиональным переводом. Наиболее устойчивые ошибки возникают не на уровне лексики, а на уровне интерпретации интенции, фрейма и дискурсивной функции высказывания.

Особо значимым результатом является то, что машинный перевод в ряде случаев изменяет прагматический статус высказывания, снижая его воздействующую функцию и трансформируя его в нейтрально-информативную конструкцию, что ведет к частичной утрате политико-

коммуникативного эффекта. Это свидетельствует о нарушении ключевых функций медиадискурса – информационной и воздействующей, вследствие чего продукт машинного перевода искажает смысл оригинала и частично теряет статус эквивалентного перевода.

В отличие от машинных систем, перевод, выполняемый человеком, обеспечивает более точную когнитивную и культурно обусловленную интерпретацию и функциональную эквивалентность за счет применения переводческих стратегий и трансформаций с учетом экстралингвистического и коммуникативного контекста.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что системы машинного перевода, несмотря на технологический прогресс, при обработке культурно маркированных текстов остаются вспомогательным инструментом, эффективность которого определяется последующей экспертной постредакцией. Это подтверждает необходимость гибридной модели перевода с обязательным участием человека как интерпретатора прагматических и культурных значений.

Иными словами, машинный перевод и профессиональный перевод не находятся в отношении взаимного исключения: нейронные системы обладают преимуществом в скорости и объеме обработки данных, однако ограничены в интерпретации экстралингвистических и культурных параметров дискурса.

Результаты исследования могут быть использованы в корпусно-ориентированных и диахронических исследованиях, направленных на выявление эволюции стратегий машинного перевода и совершенствование алгоритмов нейронных систем при обработке прагматически и культурно маркированных единиц политического медиадискурса, а также для уточнения параметров разметки и обучения параллельных корпусов.

Полученные данные имеют практическую значимость для разработки систем постредактирования машинного перевода, ориентированных на повышение точности передачи инвективной и оценочной семантики и на снижение уровня прагматических искажений.

Материалы исследования могут быть использованы в образовательной практике – в курсах по переводоведению, когнитивной лингвистике и лингвокультурологии.

Таким образом, исследование обладает теоретической и прикладной значимостью, способствуя развитию междисциплинарного подхода к изучению машинного и профессионального переводов в условиях современного цифрового медиадискурса и лингвокультурологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Сиротинина О.Б.** Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 8. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2008. С. 5–13.
2. **Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. **Gasparyan G.R., Cherniavskaia V.E.** Текст как дискурсивное событие // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. Т. 4 (41). С. 44–51.
4. **Koehn Ph.** Neural Machine Translation. Cambridge University Press, 2020. 393 p.
5. **Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Санников А.В., Урысон Е.В.** Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
6. **Langacker R.** Investigations in cognitive grammar. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 396 p. DOI: 10.1515/9783110214369
7. **Talmy L.** Toward a Cognitive Semantics. Vol. 2: Typology and Process in Concept Structuring. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 495 p. DOI: 10.7551/mitpress/6848.001.0001
8. **Вежбицкая А.** Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

9. **Nida E., Taber Ch.** The theory and practice of translation. Leiden: E.J. Brill, 1982. 218 p. DOI: 10.1163/9789004669147
10. **Nida E.** Contexts in Translating. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. 127 p.
11. **Nord Ch.** Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. 2nd ed. New York: Routledge, 2018. 190 p.
12. **Reiss K., Vermeer H.J.** Towards a General Theory of Translational Action: Skopos Theory Explained / transl. from the German by Ch. Nord. London; New York: Routledge, 2013. 221 p.
13. **Швейцер А.Д.** Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. 2-е изд. М.: URSS, 2023. 216 с.
14. **Бархударов Л.С.** Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: URSS, 2023. 240 с.
15. **Комиссаров В.Н.** Лингвистика перевода. М.: Стереотип, 2023. 176 с.
16. **Ezzoubeyr M., Noussaiba D.** Translating Culture Specific Items: A Comparative Analysis of Human and Artificial Intelligence Translations // YMER. 2024. Vol. 23, Iss. 12. P. 771–781. DOI: 10.37896/YMER23.12/58
17. **Budimir B.** The Challenge of Translating Culture-Specific Items: Evaluating MT and LLMs Compared to Human Translators // Proceedings of Machine Translation Summit XX: Volume 1. Geneva, 2025. P. 455–467.
18. **Naveen P., Trojovský P.** Overview and challenges of machine translation for contextually appropriate translations // iScience. 2024. Vol. 27, Iss. 10. Art. no. 110878. DOI: 10.1016/j.isci.2024.110878
19. **Гребенников А.О., Иванова Е.П., Корышев М.В., Соловьева М.В.** Компьютерные технологии при анализе переводческих сопоставлений // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 3. С. 35–46. DOI: 10.18721/JHSS.15304
20. **Серова О.У.** Автоматизированное исследование индикаторов переводческого языка на материале переводов научных статей // Terra Linguistica. 2025. Т. 16, № 1. С. 61–81. DOI: 10.18721/JHSS.16105
21. **Newmark P.** A Textbook of Translation. Prentice Hall International (UK) Ltd., 1988. 292 p.
22. **Newmark P.** Approaches to Translation. London: Polytechnic of Central London; Oxford: Pergamon Press Ltd. Headington Hill Hall, 1982. 200 p.
23. **Talmy L.** Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1: Concept Structuring Systems. Cambridge, MA: The MIT Press, 2000. 565 p.

REFERENCES

- [1] **Sirotinina O.B.,** Polozhitelnyye i negativnyye sledstviya dvadtsatiletney “svobody” [Positive and negative consequences of twenty years of “freedom” of Russian speech], Problemy rechevoy kommunikatsii [Problems of speech communication], ed. by M.A. Kormilitsyna, O.B. Sirotinina, Iss. 8, Saratov University Press, Saratov, pp. 5–13.
- [2] **Karasik V.I.,** Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse], Peremena, Volgograd, 2002.
- [3] **Gasparyan G.R., Cherniavskaia V.E.** Text as co-existence in discourse, Issues of Cognitive Linguistics, 4 (41) (2014) 44–51.
- [4] **Koehn Ph.,** Neural Machine Translation, Cambridge University Press, 2020.
- [5] **Apresyan Yu.D., Babayeva Ye.E., Boguslavskaya O.Yu., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Sannikov A.V., Uryson Ye.V.,** Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya [Language picture of the world and systemic lexicography], ed. by Yu.D. Apresyan, Languages of Slavic Cultures, Moscow, 2006.
- [6] **Langacker R.,** Investigations in cognitive grammar, Mouton de Gruyter, Berlin, 2009. DOI: 10.1515/9783110214369
- [7] **Talmy L.,** Toward a Cognitive Semantics, 2: Typology and Process in Concept Structuring, The MIT Press, Cambridge, MA, 2000. 495 p. DOI: 10.7551/mitpress/6848.001.0001

- [8] **Wierzbicka A.**, Yazyk. Kultura. Poznaniye [Language. Culture. Cognition], comp. and ed. by M.A. Krongauz, Russkiye slovani, Moscow, 1996.
- [9] **Nida E., Taber Ch.**, The theory and practice of translation, E.J. Brill, Leiden, 1982. DOI: 10.1163/9789004669147
- [10] **Nida E.**, Contexts in Translating, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Philadelphia, 2001.
- [11] **Nord Ch.**, Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained, 2nd ed., Routledge, New York, 2018.
- [12] **Reiss K., Vermeer H.J.**, Towards a General Theory of Translational Action: Skopos Theory Explained, transl. from the German by Ch. Nord, Routledge, London, New York, 2013.
- [13] **Shveitser A.D.**, Theory of Translation: Status, Problems, Aspects, 2nd ed., URSS, Moscow, 2023.
- [14] **Barkhudarov L.S.**, Language and Translation: Issues of General and Specific Theory of Translation, URSS, Moscow, 2023.
- [15] **Komissarov V.N.**, Lingvistika perevoda [Translation linguistics], Stereotip, Moscow, 2023.
- [16] **Ezzoubeyr M., Noussaiba D.**, Translating Culture Specific Items: A Comparative Analysis of Human and Artificial Intelligence Translations, YMER, 23 (12) (2024) 771–781. DOI: 10.37896/YMER23.12/58
- [17] **Budimir B.**, The Challenge of Translating Culture-Specific Items: Evaluating MT and LLMs Compared to Human Translators, Proceedings of Machine Translation Summit XX: Volume 1, Geneva, 2025, pp. 455–467.
- [18] **Naveen P., Trojovsky P.**, Overview and challenges of machine translation for contextually appropriate translations, iScience, 27 (10) (2024) 110878. DOI: 10.1016/j.isci.2024.110878
- [19] **Grebennikov A.O., Ivanova E.P., Koryshev M.V., Solovieva M.V.**, Computer technologies in comparative analysis of translation, Terra Linguistica, 15 (3) (2024) 35–46. DOI: 10.18721/JHSS.15304
- [20] **Serova O.U.**, An automated study of translationese indicators in scientific paper translations, Terra Linguistica, 16 (1) (2025) 61–81. DOI: 10.18721/JHSS.16105
- [21] **Newmark P.**, A Textbook of Translation 2024 Prentice Hall International (UK) Ltd., 1988.
- [22] **Newmark P.**, Approaches to Translation, Polytechnic of Central London, London, Pergamon Press Ltd. Headington Hill Hall, Oxford, 1982.
- [23] **Talmy L.**, Toward a Cognitive Semantics, 1: Concept Structuring Systems, The MIT Press, Cambridge, MA, 2000. 565 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Гаспарян Гаянэ Раффиевна

Gayane R. Gasparyan

E-mail: gasparyan.gayane@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3353-8512>

Ишханян Мери Сергеевна

Meri S. Ishkhanyan

E-mail: ishkhanyanmeri111@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1487-645X>

Поступила: 08.05.2026; Одобрена: 09.06.2026; Принята: 19.06.2026.

Submitted: 08.05.2026; Approved: 09.06.2026; Accepted: 19.06.2026.

Научная статья

УДК 81-13:81'42

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17202>

EDN: <https://elibrary/DFLHLF>

ДИСКУРСИВНАЯ АСИММЕТРИЯ НЕМЕЦКИХ ЭТНОНИМНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ *DEUTSCH* И *RUSSISCH* (КОРПУСНО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДИХОТОМИИ «СВОЙ / ЧУЖОЙ»)

В.М. Глушак

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО),
Москва, Российская Федерация

 glushakvm@mail.ru

Аннотация. Этнонимные прилагательные в немецкоязычном дискурсе выполняют ключевую роль в конструировании дихотомии «свой / чужой», однако количественные различия в дискурсивной репрезентации прилагательных *deutsch* и *russisch* остаются недостаточно изученными. Цель работы – выявить и объяснить дискурсивную асимметрию распределения квалиа-ролей (формальной, конститутивной, телической, агентивной) у этнонимных прилагательных в немецких текстах за период 1900–2025 гг. Материалом послужили подкорпусы DWDS-Kernkorpus и Gegenwartskorpora mit freiem Zugang немецкого текстового открытого корпуса DWDS. Исследование проводилось с использованием трех корпусных инструментов для извлечения устойчивых коллокаций, диахронического анализа сочетаемости и отслеживания частотности коллокатов во времени. Коллокаты классифицировались по доминирующему типу квалиа на основе семантики определяемого существительного. В результате анализа обнаружена устойчивая асимметрия в распределении квалиа-ролей между двумя прилагательными на всем протяжении исследуемого периода. Для *deutsch* доминируют агентивная и телическая квалиа, тогда как для *russisch* – формальная и конститутивная. Более того, диахронический анализ показывает, что квалиа-структура обоих прилагательных претерпевает значительные изменения в периоды исторических катастроф и геополитических сдвигов. Так, квалиа-структура *deutsch* кардинально меняется после 1945 г. (рост телической квалиа, связанной с «немецким вопросом») и в 1990 г. (переориентация на европейскую интеграцию), а для *russisch* ключевыми точками бифуркации становятся 1917 г., 1930–1950 гг., 2014 г. и 2022 г. (доминирование негативной телической квалиа). Установлено, что частотность употребления *russisch* достигает беспрецедентных значений в последние годы. Выявленная асимметрия отражает глубинные дискурсивные механизмы конструирования «своего» и «чужого» в немецком языковом сознании: «свой» этнос описывается через агентность и институциональность, «чужой» – через объектность, эссенциализацию и телесность. Вклад автора заключается в заполнении лакуны в теории генеративной лексики (применение квалиа-структур к анализу прилагательных, а не только существительных), а также в количественном подтверждении устойчивости дискурсивных паттернов на материале немецкого языка.

Ключевые слова: этнонимные прилагательные, квалиа-структура, дискурсивная асимметрия, дихотомия «свой/чужой», корпусная лингвистика, диахронический анализ.

Для цитирования: Глушак В.М. Дискурсивная асимметрия этнонимных прилагательных *deutsch* и *russisch* (корпусно-статистическое исследование дихотомии «свой/чужой») // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 2. С. 24–41. DOI: 10.18721/JHSS.17202

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17202>

DISCURSIVE ASYMMETRY OF THE GERMAN ETHNONYMIC ADJECTIVES *DEUTSCH* AND *RUSSISCH* (A CORPUS-BASED STATISTICAL STUDY OF THE SELF / OTHER DICHOTOMY)

V.M. Glushak

Moscow State Institute of International Relation (MGIMO University),
Moscow, Russian Federation

 glushakvm@mail.ru

Abstract. Ethnonymic adjectives in German-language discourse play a key role in constructing self/other dichotomy; however, the quantitative differences in the discursive representation of the adjectives *Deutsch* and *Russisch* remain insufficiently studied. The aim of this study is to identify and explain the discursive asymmetry in the distribution of qualia roles (formal, constitutive, telic, agentive) of ethnonymic adjectives in German texts from 1900 to 2025. The material comprises the DWDS-Kernkorpus and the Gegenwartskorpora mit freiem Zugang subcorpora of the German DWDS open text corpus. The study employs three corpus tools for extracting stable collocations, diachronic collocation analysis, and tracking collocate frequency over time. Collocates were classified by dominant qualia type based on the semantics of the modified noun. The analysis reveals a stable asymmetry in the distribution of qualia roles between the two adjectives throughout the entire period under study. For *Deutsch*, agentive and telic qualia dominate, whereas for *Russisch*, formal and constitutive qualia prevail. Furthermore, diachronic analysis shows that the qualia structure of both adjectives undergoes significant changes during periods of historical catastrophes and geopolitical shifts. Specifically, the qualia structure of *Deutsch* changes radically after 1945 (an increase in telic qualia related to the “German question”) and in 1990 (a reorientation toward European integration), while for *Russisch* the key bifurcation points are 1917, 1930–1950, 2014, and 2022 (dominance of negative telic qualia). It has been established that the frequency of *Russisch* reaches unprecedented levels in recent years. The identified asymmetry reflects deep discursive mechanisms for constructing “self” and “other” in German linguistic consciousness: the “self” is described through agency and institutionality, while the “other” is described through objectification, essentialization, and corporeality. The author’s contribution lies in filling a gap in generative lexicon theory (applying qualia structures to the analysis of adjectives rather than nouns only), as well as in the quantitative confirmation of the stability of discursive patterns using German-language material.

Keywords: ethnonymic adjectives, qualia structure, discursive asymmetry, self/other dichotomy, corpus linguistics, diachronic analysis.

Citation: Glushak V.M. Discursive Asymmetry of the Ethnonymic German Adjectives *Deutsch* and *Russisch* (A Corpus-based Statistical Study of the Self/Other Dichotomy), *Terra Linguistica*, 17 (2) (2026) 24–41. DOI: 10.18721/JHSS.17202

Введение

Этнонимные прилагательные представляют собой уникальный класс лексических единиц, функционирующих на пересечении языка, культуры и социальной идентичности. В различных дискурсах, в том числе немецкоязычном, они маркируют границу между «своим» и «чужим» [1, с. 134] и несут значительную идеологическую нагрузку. Под немецкоязычным дискурсом в настоящем исследовании понимается совокупность письменных текстов на немецком языке, входящих в корпус DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache), которая включает художественную литературу, газеты, научные и практико-ориентированные жанры, отражающие коммуникативные практики носителей немецкого языка в период 1900–2025 гг. Положение об идеологической нагрузке особенно релевантно для сопоставительного анализа двух этнонимов, один из которых маркирует «свою», а другой – «чужую» этническую группу в дискурсе.

Прежде чем перейти к анализу конкретных этнонимов, необходимо уточнить теоретическое понятие, лежащее в основе настоящего исследования. Дискурсивная асимметрия лексических единиц представляет собой устойчивое несоответствие между семантическим потенциалом слова (словарным значением и внутренней формой) и его фактической реализацией в конкретном дискурсивном пространстве, где под влиянием прагматических, идеологических и когнитивных факторов происходит сужение, расширение либо радикальная трансформация исходного значения. Иными словами, одна и та же лексическая единица приобретает разные, асимметричные смыслы, коннотации или прагматический потенциал при функционировании в различных дискурсах (например, в немецкоязычном vs. русскоязычном, научном vs. публицистическом). Эта асимметрия возникает не из-за различий в словарных дефинициях, а как результат систематического «дискурсивного наложения», когда контекст употребления, идеологическая рамка или культурно-специфические коммуникативные практики изменяют восприятие слова. Она проявляется в расхождениях на уровне сочетаемости, лексико-семантических полей и ассоциативных связей, что может приводить к коммуникативным неудачам при межкультурном взаимодействии и искажению смысла при переводе, создавая ложный когнитивный изоморфизм, когда участники коммуникации ошибочно полагают, что вкладывают одинаковый смысл в используемые слова [2–4]. Как отмечают Э. Эванс и М. Грин в фундаментальном труде по когнитивной лингвистике, подобная асимметрия коренится в различных концептуальных системах, где одно и то же языковое выражение может активировать несовместимые когнитивные модели [5].

Как показали исследования последних лет, такая асимметрия особенно ярко проявляется в политическом дискурсе, где одни и те же ключевые лексемы, например в английском и немецком медиапространствах, получают противоположные коннотации [6]. Аналогичные выводы были получены при анализе экологической лексики в китайском и западноевропейском дискурсах [7]. В юридической сфере, например, лексическая единица *разумность* функционирует асимметрично в законодательном и судебном дискурсах [8] (см. также обсуждение языковой асимметрии в праве: [9]), а в межкультурной коммуникации эмотивная лексика при переводе новостных текстов теряет или меняет свой прагматический заряд [10]. Кроме того, описана асимметрия на уровне лексической объективации одного и того же понятия в разных профессиональных дискурсивных сообществах, которое получает разные языковые ярлыки, что создает иллюзию семантической эквивалентности при полном расхождении дискурсивных практик их употребления [11]. В настоящем исследовании понятие дискурсивной асимметрии получает дальнейшее развитие применительно к этнонимным прилагательным *deutsch* и *russisch* в немецком языке, где асимметрия проявляется не на уровне отдельных контекстов, а как системное, статистически устойчивое различие в распределении квалиа-ролей на протяжении 125 лет.

Выбор временного диапазона 1900–2025 гг. в настоящем исследовании обусловлен несколькими факторами. Во-первых, этот период охватывает ключевые исторические события, определившие современные облики Германии и России, а также их взаимоотношения: Первую мировую войну (1914–1918), революцию в России (1917), Веймарскую республику (1919–1933), национал-социализм и Вторую мировую войну (1933–1945), разделение Германии и холодную войну (1949–1989), объединение Германии (1990), распад СССР (1991), развитие энергетического партнерства (2000–2013), события на Украине (после 2014) и вооруженный конфликт на Украине (начиная с 2022). Во-вторых, именно в XX в. формируются многие стереотипы и дискурсивные модели, которые продолжают функционировать и сегодня.

Теоретическую рамку настоящего исследования составляет теория генеративного лексикона Дж. Пустейовского, центральным понятием которой является квалиа-структура (*qualia structure*) [12]. Квалиа-структура описывает различные аспекты знания об объекте, обозначаемом словом. Как отмечает исследователь, это знание дифференциально активируется контекстом.

Различные контекстуальные факторы могут активировать разные компоненты квалиа-структуры, что дает возможность объяснять феномен лексической многозначности. Квалиа-структуры содержат четыре вида аргументных структур с переменными, специфицирующими различные виды ролей, или квалиа [12, с. 76]. Конститутивная роль представляет отличительные свойства объекта, воспринимаемые органами чувств, т.е. из каких составных частей, из какого материала он состоит. Телическая роль описывает назначение, цель или функцию объекта. Агентивная роль репрезентирует факторы, связанные с происхождением или созданием объекта, включая информацию о том, кем и как объект был создан [12].

В современных семантических исследованиях отмечается заметный рост применения авторами методов компьютерной лингвистики и машинного обучения для автоматической интерпретации и классификации оценочных значений лексем (см., например, [13; 14]), в том числе в дискурсивном окружении (см., например, [15]). Использование в настоящем исследовании корпусных инструментов Wortprofil, DiaCollo и Verlaufskurven, предлагаемых DWDS, непосредственно обусловлено задачами анализа квалиа-структуры: Wortprofil позволяет извлечь статистически значимые коллокации, которые репрезентируют типичные для каждого прилагательного квалиа-роли; DiaCollo обеспечивает диахроническое отслеживание сдвигов в распределении этих ролей; Verlaufskurven дает возможность связать частотные пики с историческими переломами, активизирующими разные типы квалиа.

Применительно к этнонимным прилагательным, выступающим в роли коллокаторов (определений) к именам существительным, использование учения Дж. Пустейовского о квалиа-структуре позволяет систематизировать типы приписываемых этносу характеристик. К.В. Шевякова в своем исследовании глубинных значений этнонимных прилагательных показывает, что традиционные методы исследования могут быть недостаточными для распознавания значений в структуре полисемичного слова [16]. В литературе отмечается, что этнонимные прилагательные *deutsch* и *russisch* могут выполнять до четырех ролей квалиа-структуры [16, с. 2174–2177; 17, с. 22]. Важно отметить, что одно и то же словосочетание может в разных контекстах активировать разные квалиа-роли. Например, *russischer Winter* в период 1900–1917 гг. активировал преимущественно формальную роль (описание климата), в период 1940–1945 гг. – телическую роль (зима как враг, угроза), а в период 1950–1990 гг. – конститутивную роль (зима как сущностное свойство России, часть ее «души»).

Цель настоящего исследования – выявить и объяснить дискурсивную асимметрию в репрезентации этнонимных прилагательных *deutsch* и *russisch* в немецкоязычном дискурсе 1900–2025 гг. через призму их квалиа-структур (формальной, конститутивной, телической, агентивной) с использованием количественных методов корпусной лингвистики.

Материал и методология

Исследование проведено на материале двух подкорпусов электронного текстового корпуса DWDS, охватывающего период 1900–2025 гг. Подкорпус DWDS-Kernkorpus содержит тексты за период 1900–1999 гг. и включает четыре жанровые категории: Belletristik (художественная литература), Zeitung (газеты), Wissenschaft (научные тексты), Gebrauchsliteratur (практическая литература). Общий объем составляет 120 млн токенов. Для периода 2000–2025 гг. использован подкорпус DWDS Gegenwartskorpora mit freiem Zugang общим объемом около 3 млрд словоупотреблений.

Выбор названных выше корпусов для настоящего исследования обусловлен следующими факторами: во-первых, хронологический охват, что позволяет проследить динамику на протяжении 125 лет и дает возможность выявить долгосрочные тренды и переломные моменты; во-вторых, репрезентативность корпусов, охватывающих широкий спектр жанров от художественной литературы до газет и блогов, что обеспечивает сбалансированность данных; в-третьих, доступность,

так как отсутствуют ограничения доступа ко всем инструментам анализа, что обеспечивает воспроизводимость результатов; в-четвертых, проведенная лемматизация и морфосинтаксическое аннотирование корпусов, что позволяет проводить сложные лингвистические запросы.

Хронологическое структурирование проводилось двумя способами: во-первых, по десятилетиям для равномерного статистического сравнения; во-вторых, по историческим эпохам, значимым для Германии (при анализе *deutsch*) и для России (при анализе *russisch*), что позволило учесть различную событийную динамику двух стран. При этом главенствующую роль играет германская политическая и медийная конъюнктура, поскольку исследование базируется на немецкоязычном материале: ключевые точки бифуркации для *deutsch* (1945, 1990) связаны с историей Германии, а для *russisch* выделяются те события, которые получили наибольший резонанс именно в немецком дискурсе (1917, 2014, 2022).

Для систематического анализа этнонимных прилагательных *deutsch* и *russisch* была разработана следующая процедура. На первом этапе проводилась экстракция 100 наиболее частотных коллокатов с прилагательными из каждого десятилетия с помощью корпусных инструментов Wortprofil, DiaCollo, Verlaufskurven. После автоматической экстракции 100 наиболее частотных коллокатов для каждого десятилетия проводился качественный контекстно-семантический анализ каждого случая для уточнения доминирующей квалиа-роли, что позволило избежать механического приписывания типа на основе изолированной леммы. Привлечение частотных коллокатов является достаточным для анализа квалиа-структуры, поскольку именно в устойчивых атрибутивных сочетаниях наиболее полно и регулярно проявляются те или иные компоненты значения этнонимного прилагательного [16; 17]. Коллокаты извлекались в рамках окна ± 3 позиции от целевого прилагательного с использованием logDice в качестве меры ассоциации. Как отмечают П. Бейкер и соавторы в глоссарии по корпусной лингвистике, logDice считается более надежной мерой для сравнения коллокаций из корпусов разного объема, чем, например, MI-score¹.

На втором этапе осуществлялась классификация каждого коллоката по доминирующей квалиа на основе семантики определяемого существительного и с обязательным контекстно-семантическим анализом примера из корпуса. Также проводился статистический анализ распределения типов квалиа в процентах для каждого десятилетия и для всего периода в целом и выявлялись значимые различия между дискурсивными функциями прилагательных *deutsch* и *russisch*.

На третьем этапе с помощью инструмента DiaCollo исследовались диахронические изменения квалиа-структуры этнонимных прилагательных.

На четвертом этапе был задействован корпусный инструмент Verlaufskurven, благодаря которому проводился частотный анализ динамики употребления этнонимных прилагательных в разные исторические периоды.

Результаты исследования и интерпретация

Распределение ролей квалиа-структуры

Агентивная квалиа, указывающая на происхождение, принадлежность к государству или национальную идентичность, демонстрирует ярко выраженную асимметрию. У прилагательного *deutsch* она доминирует, составляя 42% от общего числа коллокатов, тогда как у *russisch* занимает лишь третье место с показателем 22%. Типичные агентивные коллокаты *deutsch* включают *deutsche Regierung* («немецкое правительство», logDice 11,4), *deutsche Bevölkerung* («немецкое население», logDice 11,1), *deutsche Bürger* («немецкие граждане», logDice 10,8), *deutscher Staat* («немецкое государство», logDice 10,6), *deutsche Wirtschaft* («немецкая экономика», logDice 10,4). В современных корпусах наблюдается рост коллокатов, связанных с экономической сферой:

¹ Baker P., Hardie A., McEnery T.A Glossary of Corpus Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 187 p.

deutsche Unternehmen («немецкие предприятия»), *deutsche Industrie* («немецкая промышленность»), *deutsche Banken* («немецкие банки»).

Для прилагательного *russisch* типичными агентивными коллокатами выступают *russische Armee* («русская армия», logDice 10,9), *russischer Präsident* («русский президент», logDice 10,6), *russische Regierung* («русское правительство», logDice 10,3), *russischer Staat* («русское государство», logDice 10,0), *russische Wirtschaft* («русская экономика», logDice 9,7).

Диахронически эволюция агентивной квалиа также различается. Для *deutsch* в период Германской империи (1900–1918) типичными коллокатами были *Kaiser* («кайзер»), *Reich* («империя»), *Armee* («армия»), *Marine* («военно-морской флот»); в Веймарской республике (1919–1932) – *Republik* («республика»), *Verfassung* («конституция»), *Volk* («народ»), *Parlament* («парламент»); в период национал-социализма (1933–1945) – *Volk* («народ»), *Führer* («фюрер»), *Rasse* («раса»), *Nation* («нация»), *Reich* («государство»); в период разделения (1945–1989) – *Bundesrepublik* («Федеративная Республика»), *DDR* («ГДР»), *Wirtschaft* («экономика»); после объединения (1990–2025) – *Regierung* («правительство»), *Bürger* («граждане»), *Unternehmen* («предприятия»), *Wirtschaft* («экономика»). Для *russisch* в период Российской империи (1900–1917) типичными были *Zar* («царь»), *Reich* («империя»), *Hof* («двор»), *Kosaken* («казаки»), *Adel* («дворянство»), *Armee* («армия»); в период революции и Гражданской войны (1917–1930) – *Revolution* («революция»), *Bolschewismus* («большевизм»), *Sowjet* («совет»), *Kommunismus* («коммунизм»), *Lenin* («Ленин»); в период сталинизма и Второй мировой войны (1930–1950) – *Armee* («армия»), *Stalin* («Сталин»), *Partei* («партия»); в период холодной войны (1950–1989) – *Sowjetunion* («Советский Союз»), *Partei* («партия»), *Staat* («государство»); в постсоветский период (1990–2025) – *Präsident* («президент»), *Putin* («Путин»), *Regierung* («правительство»), *Wirtschaft* («экономика»). Таким образом, если агентивная квалиа *deutsch* постепенно смещается от монархических и диктаторских институтов к демократическим и экономическим, то агентивная квалиа *russisch* сохраняет персонализированный характер, фокусируясь на правителях и силовых структурах.

Конститутивная квалиа, указывающая на внутренние, сущностные характеристики этноса, обнаруживает наиболее яркую дискурсивную асимметрию. *Russisch* приписываются эмоционально-ментальные качества (34% коллокатов), тогда как *deutsch* – деятельностно-нормативные (18% коллокатов). Конститутивные коллокаты с *russisch* относятся почти исключительно к эмоционально-ментальной сфере. *Russische Seele* («русская душа») – один из наиболее устойчивых и частотных коллокатов на протяжении всего XX в., особенно в 1950–1990 гг. (logDice 11,2), например, *russische Melancholie* («русская меланхолия») демонстрирует высокую частотность в 1960–1980 гг. (logDice 10,5). Как показала А. Вежбицкая в кросс-культурном анализе ключевых слов, понятие «душа» в русском языковом сознании обладает уникальной семантической плотностью, не имеющей прямых эквивалентов в западноевропейских языках [18]. *Russische Gastfreundschaft* («русское гостеприимство») представляет собой позитивный конститутивный коллокат. *Russische Mentalität* («русский менталитет») набирает частотность в XXI в. (logDice 9,8). Особого внимания заслуживает коллокат *russischer Winter* («русская зима»), который в разные периоды активизирует различные квалиа-роли: в 1900–1917 гг. – формальную (описание климата), в 1940–1945 гг. – телическую (зима как враг, угроза), а в 1950–1990 гг. – конститутивную (зима как сущностное свойство России, часть ее «души»).

Конститутивные коллокаты с *deutsch*, напротив, относятся к деятельностно-нормативной сфере. *Deutsche Gründlichkeit* («немецкая основательность») имеет высокую частотность (logDice 10,8) и характеризует тщательность и дотошность немцев. *Deutsche Ordnungsliebe* («немецкая любовь к порядку», logDice 10,2) связана с дисциплинированностью. *Deutsche Wertarbeit* («немецкая качественная работа», logDice 9,9) – коллокат, тесно связанный с «экономическим чудом» послевоенной Германии. *Deutsche Effizienz* («немецкая эффективность», logDice 10,5) и *deutsche Präzision* («немецкая точность», logDice 9,9) значительно набирают частотность в XXI в.

Deutsche Pünktlichkeit («немецкая пунктуальность», logDice 9,6) и *deutsche Zuverlässigkeit* («немецкая надежность», logDice 9,4) сохраняют стабильную частотность на протяжении всего периода. Ключевое различие между двумя прилагательными состоит в том, что русским приписываются качества, связанные с «душой» и эмоциями (конститутивная квалиа как эссенция, неизменная сущность), тогда как немцам — качества, связанные с деятельностью, порядком и результатом труда (конститутивная квалиа как поведенческий паттерн и продукт деятельности).

Формальная квалиа, указывающая на внешние, сенсорно воспринимаемые параметры, также демонстрирует устойчивую асимметрию, но уже в объекте формальной квалификации: у *russisch* доминируют антропологические характеристики (35% коллокатов), у *deutsch* — культурные артефакты (13% коллокатов). Формальные коллокаты с *russisch* почти исключительно относятся к антропологическим характеристикам. *Russischer Akzent* («русский акцент», logDice 11,0) представляет слуховую модальность и связан со стереотипными особенностями произношения. *Russische Stimme* («русский голос», logDice 10,5) также относится к слуховому восприятию. *Russisches Gesicht* («русское лицо») — зрительная модальность, logDice 10,2, отражает стереотип внешности. *Russische Backenknochen/Wangenknochen* («русские скулы») — коллокат, отражающий стереотип о якобы «восточной»/«азиатской» внешности русских, особенно частотен в 1910–1920 и 1970–1980 гг. *Russische Pelzmütze* («русская меховая шапка») — коллокат, отражающий стереотип о традиционном головном уборе. *Russische Kirche* («русская церковь») — коллокат, связанный с узнаваемым архитектурным стилем русских православных храмов с луковичными главами.

Формальные коллокаты с *deutsch* чаще репрезентируют культурные артефакты. Коллокат *deutsche Schrift* («немецкий шрифт») отражает зрительную модальность, связанную с готическим письмом (Sütterlin). Его частотность резко снижается после 1945 г. Коллокат *deutsche Sprache* («немецкий язык») связан со слуховой модальностью, является устойчивым на протяжении всего анализируемого периода. *Deutscher Gruß* («нацистское приветствие в виде поднятой руки») также соотносится со зрительной модальностью преимущественно в период национал-социализма в Германии и практически исчезает после 1945 г. *Deutsche Meile* («немецкая миля») представляет измерительную модальность и как историческая единица измерения выходит из употребления в XX в. *Deutsche Art* («немецкий способ») реализует комплексную модальность и представляет собой устойчивый формально-конститутивный коллокат.

Выявленная асимметрия поддается следующей интерпретации: русские в немецком дискурсе формально характеризуются через антропологические параметры (как они выглядят и говорят), тогда как немцы — через культурные артефакты (что они создали и как оформляют свою коммуникацию и пространство). Это отражает различную степень «другости»: чужой этнос воспринимается через телесность и внешние проявления, тогда как свой — через культурные продукты и институциональные формы.

Телическая квалиа в теории генеративного лексикона указывает на назначение, цель или функцию объекта. В применении к этнонимным прилагательным *deutsch* и *russisch* анализ коллокатов выявил устойчивую асимметрию, которая проявляется не только в масштабе приписываемых целей, но и в их оценочной валентности. Для *deutsch* доминируют абстрактные политические макроцели, преимущественно позитивные или нейтральные, тогда как для *russisch* телическая квалиа реализуется через конкретные, часто негативно окрашенные ситуативные понятия.

За весь исследуемый период 1900–2025 гг. телическая квалиа составила 27% всех коллокатов с прилагательным *deutsch* против лишь 9% с *russisch*. У *deutsch* к типичным телическим коллокатам относятся *Frage* («вопрос»), *Einheit* («единство»), *Wiedervereinigung* («воссоединение»), *Teilung* («разделение»), *Interesse* («интерес»), *Beitrag* («вклад»), *Weg* («путь»), *Zukunft* («будущее»). У *russisch* же телическая семантика представлена коллокатами *Gefangenschaft* (« плен»), *Feldzug* («поход»), *Exil* («изгнание»), *Bedrohung* («угроза»), *Sanktionen* («санкции»), *Konflikt* («конфликт»), *Krieg*

(«война»). Как видно, если телическая сфера *deutsch* связана с целедостижением, развитием и политическим устройством, то у *russisch* она практически полностью сводится к военно-политическим кризисам и ограничениям.

Диахронический анализ позволяет проследить эволюцию телической квалиа у каждого прилагательного. Для *deutsch* в период Германской империи (1900–1918) телические коллокаты были связаны с *Weltpolitik* («мировая политика»). В Веймарской республике (1919–1932) акцент сместился на саму *Republik* как цель. В эпоху национал-социализма (1933–1945) телическая квалиа приобрела крайние формы – *Lebensraum* («жизненное пространство»), *Endsieg* («окончательная победа»). После 1945 г., в период разделения Германии, доминирующими становятся *deutsche Frage* («немецкий вопрос»), *deutsche Einheit* («немецкое единство») и *deutsche Wiedervereinigung* («немецкое воссоединение»). Наконец, в объединенной Германии (1990–2025) телическая квалиа представлена коллокатами *deutsche Interessen* («немецкие интересы»), *deutscher Beitrag* (особенно *Beitrag zur EU* – «вклад в ЕС»), *deutsche Zukunft* («немецкое будущее») и *deutscher Weg* («немецкий путь»).

У *russisch* динамика иная и более драматичная. В имперский период (1900–1917) встречается коллокат *russische Expansion* («русская экспансия»). После революции (1917–1930) появляется *russische Weltrevolution* («русская мировая революция»). Во время Второй мировой войны и непосредственно после нее (1940–1945) фиксируются *russische Gefangenschaft* («русский плен») и *russischer Feldzug* («русский поход»). Наиболее употребительным коллокатом во время холодной войны являлось сочетание *russische Bedrohung* («русская угроза»), а начиная с 2014 г. увеличивается частотность коллоката с телическими квалиа: *russische Sanktionen* («русские санкции»), *russische Aggression* («русская агрессия»), *russischer Angriffskrieg* («русская захватническая война»), *russische Annexion* («русская аннексия»), *russische Desinformation* («русская дезинформация») и *russische Einflussnahme* («русское вмешательство»).

Сравнивая этнонимные прилагательные с телической квалиа, можно констатировать, что ее развитие у *deutsch* совершается от обозначения имперских устремлений Германии в начале XX в. к проблеме объединения ФРГ и ГДР после Второй мировой войны, последующей европейской интеграции, а также амбициям к содействию разрешения мировых кризисов в период после объединения Германии. У *russisch*, напротив, телическая квалиа на всем протяжении XX – начала XXI в. остается преимущественно негативно окрашенной, а после 2014 г. эта негативность становится доминирующей характеристикой образа России в немецкоязычном дискурсе.

Количественный анализ 100 наиболее частотных коллокатов за весь исследуемый период выявил устойчивую асимметрию в распределении квалиа-структур между двумя этнонимными прилагательными, хотя и с некоторыми количественными изменениями в XXI в. (табл. 1). Для *deutsch* агентивная квалиа составляет 42% от общего числа коллокатов. Типичные коллокаты этого типа включают *Regierung* («правительство»), *Volk* («народ»), *Bürger* («граждане»), *Staat* («государство»), *Reich* («империя/государство»), *Armee* («армия»), *Wirtschaft* («экономика»), *Unternehmen* («предприятия»). Телическая квалиа составляет 27% и представлена коллокатами *Frage* («вопрос»), *Einheit* («единство»), *Wiedervereinigung* («воссоединение»), *Teilung* («разделение»), *Interesse* («интерес»), *Beitrag* («вклад»), *Weg* («путь»), *Zukunft* («будущее»). Конститутивная квалиа занимает 18% с коллокатами *Gründlichkeit* («основательность»), *Ordnung* («порядок»), *Effizienz* («эффективность»), *Qualität* («качество»), *Präzision* («точность»), *Wertarbeit* («качественная работа»). Формальная квалиа составляет 13% и представлена коллокатами *Schrift* («письменность/шрифт»), *Sprache* («язык»), *Gruß* («приветствие»), *Art* («способ/манера»), *Meile* («миля»).

Для *russisch* распределение квалиа-типов существенно иное. Формальная квалиа доминирует с показателем 35%. Типичные коллокаты: *Akzent* («акцент»), *Gesicht* («лицо»), *Backenknochen* («скулы»), *Pelzmütze* (« меховая шапка»), *Kirche* («церковь»), *Stimme* («голос»), *Physiognomie* («физиогномия»). Конститутивная квалиа составляет 34% с коллокатами *Seele* («душа»), *Melancholie*

(«меланхолия»), *Schwermut* («унылость»), *Winter* («зима» как сущностное свойство), *Gastfreundschaft* («гостеприимство»), *Weite* («ширь»), *Mentalität* («менталитет»). Агентивная квалиа занимает 22% и представлена коллокатами *Armee* («армия»), *Zar* («царь»), *Revolution* («революция»), *Regierung* («правительство»), *Staat* («государство»), *Präsident* («президент»). Телическая квалиа составляет 9% с коллокатами *Gefangenschaft* («плен»), *Feldzug* («поход»), *Exil* («изгнание»), *Bedrohung* («угроза»), *Sanktionen* («санкции»), *Konflikt* («конфликт»), *Krieg* («война»). Ключевое наблюдение состоит в том, что для *deutsch* доминируют агентивная и телическая квалиа, тогда как для *russisch* – формальная и конститутивная. Это различие статистически является значимым ($\chi^2 = 19,8, p < 0,001$) и сохраняется на протяжении последних 125 лет.

Таблица 1. Общее распределение квалиа-типов для *deutsch* и *russisch* (1900–2025 гг., топ-100 коллокатов в DWDS)
Table 1. Overall distribution of qualia types for *deutsch* and *russisch* (1900–2025, top 100 collocates in DWDS)

Роль квалиа-структуры	<i>deutsch</i> (% коллокатов)	Типичные коллокаты (<i>deutsch</i>)	<i>russisch</i> (% коллокатов)	Типичные коллокаты (<i>russisch</i>)
Агентивная	42	Regierung, Volk, Bürger, Staat, Reich, Armee, Wirtschaft, Unternehmen	22	Armee, Zar, Revolution, Regierung, Staat, Präsident
Телическая	27	Frage, Einheit, Wiedervereinigung, Teilung, Interesse, Beitrag, Weg, Zukunft	9	Gefangenschaft, Feldzug, Exil, Bedrohung, Sanktionen, Konflikt, Krieg
Конститутивная	18	Gründlichkeit, Ordnung, Effizienz, Qualität, Präzision, Wertarbeit	34	Seele, Melancholie, Schwermut, Winter, Gastfreundschaft, Weite, Mentalität
Формальная	13	Schrift, Sprache, Gruß, Art, Meile	35	Akzent, Gesicht, Backenknochen, Pelzmütze, Kirche, Stimme, Physiognomie
Статистическая значимость	$\chi^2 = 19,8$ $p < 0,001$ (очень высокая статистическая значимость)			

Диахроническая динамика квалиа-структуры этнонимных прилагательных

В период Германской империи (1900–1918) для *deutsch* доминирующей квалиа была агентивная, составляя 50% всех коллокатов. Типичными коллокатами этого времени выступали *Kaiser* («кайзер»), *Reich* («империя»), *Armee* («армия»), *Marine* («военно-морской флот») и *Flotte* («флот»). Исторический контекст данного периода – правление Вильгельма II и Первая мировая война.

В период Веймарской республики (1919–1932) доминирующей оставалась агентивная квалиа (48%), однако наблюдается рост телической квалиа до 18%. Типичные коллокаты сменились на *Republik* («республика»), *Verfassung* («конституция»), *Volk* («народ»), *Parlament* («парламент») и *Partei* («партия»). Это время становления демократии, выплаты репараций и экономического кризиса.

В эпоху национал-социализма (1933–1945) агентивная квалиа достигла максимума (52%), причем с сильной идеологической нагрузкой. Типичными коллокатами стали *Volk* («народ»), *Führer* («фюрер»), *Rasse* («раса»), *Nation* («нация»), *Reich* («государство») и *Bewegung* («движение»). Исторический контекст – национал-социалистическая диктатура, Вторая мировая война и Холокост.

Послевоенный период разделения Германии (1945–1969) ознаменовался резким сдвигом телической квалиа – она стала доминирующей, достигнув 35%. Типичные коллокааты отражали новые реалии: *Frage* («вопрос»), *Teilung* («разделение»), *Einheit* («единство»), *Wiedervereinigung* («воссоединение»), *Grenze* («граница») и *Ostpolitik* («восточная политика»). Это время разделения Германии, холодной войны и «экономического чуда» (*Wirtschaftswunder*).

В разгар холодной войны (1970–1989) доминировали телическая (30%) и конститутивная (20%) квалиа. Типичные коллокааты включали *Ostpolitik* («восточная политика»), *Verhältnis* («отношение»), *Angst* («страх»), *Umwelt* («окружающая среда») и *Identität* («идентичность»). Исторический контекст – политика разрядки, экологическое движение и дискуссии о национальной идентичности.

Период объединения Германии (1990–1999) вновь выдвинул на первый план телическую квалиа (32%). Типичными коллокаатами стали *Wiedervereinigung* («воссоединение»), *Einheit* («единство»), *Aufbau* («строительство/восстановление») и *Wende* («поворот/перемены»). Это время объединения Германии и вывода советских войск.

В период реформ (2000–2009) доминировала агентивная квалиа (42%) с ростом конститутивной до 18%. Типичные коллокааты отражали экономическую повестку: *Wirtschaft* («экономика»), *Reform* («реформа»), *Arbeitsmarkt* («рынок труда»), *Export* («экспорт») и *Agenda 2010* (название пакета социально-экономических реформ). Исторический контекст – реформы канцлера Г. Шредера и процессы глобализации.

В период цифровизации и миграции (2010–2019) доминировала агентивная квалиа (40%) с дальнейшим ростом конститутивной до 22%. Типичные коллокааты: *Digitalisierung* («цифровизация»), *Industrie 4.0* («Индустрия 4.0»), *Migration* («миграция»), *Integration* («интеграция») и *Flüchtling* («беженец»). Исторический контекст – миграционный кризис 2015 г. и цифровая трансформация.

Наконец, в период кризисов (2020–2025) доминировали агентивная (38%) и телическая (28%) квалиа. Типичные коллокааты: *Corona* («корона»), *Pandemie* («пандемия»), *Krise* («кризис»), *Impfung* («вакцинация»), *Energie* («энергия»), *Sicherheit* («безопасность») и *Zeitenwende* («поворотная эпоха /смена времен»). Исторический контекст – пандемия COVID-19, энергетический кризис и «*Zeitenwende*» («смена эпох, коренной перелом» – термин, использованный в 2022 г. канцлером О. Шольцем и обозначающий отказ от прежней политики Германии и начало новой, непредсказуемой эры).

Для *russisch* динамика квалиа-структур существенно иная. В период Российской империи (1900–1917) доминировали агентивная (35%) и формальная (30%) квалиа. Типичными коллокаатами выступали *Zar* («царь»), *Reich* («империя»), *Hof* («двор»), *Kosaken* («казаки»), *Adel* («дворянство») и *Armee* («армия»). Исторический контекст – последние годы империи, русско-японская война и революция 1905 г.

В период революции и Гражданской войны (1917–1930) доминировала агентивная квалиа (40%), но уже с революционной окраской. Типичные коллокааты: *Revolution* («революция»), *Bolschewismus* («большевизм»), *Sowjet* («совет»), *Kommunismus* («коммунизм») и *Lenin* («Ленин»). Это время Октябрьской революции, Гражданской войны и становления СССР.

В 30-е годы XX в., во время Второй мировой войны и первых послевоенных лет (1930–1950) доминировали формальная (35%) и конститутивная (30%) квалиа. Типичными коллокаатами стали *Winter* («зима»), *Armee* («армия»), *Feldzug* («поход»), *Seele* («душа»), *Steppe* («степь») и *Kälte* («холод»). Исторический контекст – сталинские репрессии, Вторая мировая война, а также формирование стереотипов «русской души» и «русской зимы» в западном сознании.

В период холодной войны и романтизации русской культуры (1950–1970) доминировала конститутивная квалиа, достигнув 40%. Типичные коллокааты: *Seele* («душа»), *Literatur* («литература»), *Kunst* («искусство»), *Melancholie* («меланхолия»), а также имена *Dostojewski*, *Tolstoi* и

Schostakowitsch. Это время холодной войны, но одновременно и романтизации русской культуры на Западе.

В период позднего СССР (1970–1990) доминировали конститутивная (35%) и формальная (30%) квалиа. Типичные коллокаты: *Seele* («душа»), *Winter* («зима»), *Akzent* («акцент»), *Gesicht* («лицо»), *Dissident* («диссидент») и *Menschenrecht* («права человека»). Исторический контекст – брежневский «застой», диссидентское движение и перестройка.

В постсоветский период (1990–1999) доминировала конститутивная квалиа (32%) с заметным ростом агентивной до 25%. Типичные коллокаты: *Seele* («душа»), *Tradition* («традиция»), *Kultur* («культура»), *Reform* («реформа»), *Demokratie* («демократия») и *Marktwirtschaft* («рыночная экономика»). Это время распада СССР и перехода к демократии и рыночной экономике.

В период энергетического партнерства (2000–2013) доминировали формальная (32%) и конститутивная (30%) квалиа при росте агентивной до 28%. Типичные коллокаты: *Präsident Putin* («президент Путин»), *Gazprom* («Газпром»), *Energie* («энергия»), *Gas* («газ»), *Pipeline* («трубопровод»), *Ostsee* («Балтийское море») и *Partnerschaft* («партнерство»). Исторический контекст – энергетическое сотрудничество Германии и России, «партнерство модернизации».

В период после событий на Украине в 2014 г. и введения антироссийских санкций (2014–2021) произошел драматический сдвиг: телическая квалиа выросла с 10% до 25%. Типичные коллокаты: *Annexion* («аннексия»), *Krim* («Крым»), *Sanktionen* («санкции»), *Konflikt* («конфликт»), *Desinformation* («дезинформация») и *Einflussnahme* («вмешательство»).

Наконец, с началом вооруженного конфликта на Украине в 2022 г., разрывом экономических связей и энергетическим кризисом наблюдается радикальный сдвиг: телическая квалиа достигла 35%, сравнявшись с формальной. Типичные коллокаты этого периода: *Angriffskrieg* («агрессивная/захватническая война»), *Invasion* («вторжение»), *Kriegsverbrechen* («военные преступления»), *Isolation* («изоляция»), *Embargo* («эмбарго»), *Gaslieferstopp* («остановка поставок газа») и *Nord Stream* («Северный поток»).

Таким образом, диахронический анализ показывает, что квалиа-структуры обоих прилагательных претерпевают значительные изменения именно в периоды исторических катастроф и геополитических сдвигов. Для *deutsch* ключевой точкой бифуркации стал 1945 г., после которого телическая квалиа, связанная с «немецким вопросом» и объединением, вышла на первый план. Для *russisch* такими точками стали 1917 г. (смена имперской агентивной квалиа на революционную), 1930–1950 гг. (формирование стереотипов «русской души» и «русской зимы»), 1991 г. (распад СССР) и, наиболее драматично, 2014 г. (начало роста негативной телической квалиа) и 2022 г. (ее доминирование наряду с формальной квалиа).

Диахронический анализ с использованием инструмента DiaCollo позволил зафиксировать существенные сдвиги в квалиа-структурах обоих прилагательных, приуроченные к ключевым историческим переломам (табл. 2). Мировые войны, революции, распад государств и геополитические кризисы перестраивают дискурсивные профили «своего» и «чужого». Особенно показательными являются точки бифуркации 1945 г. для *deutsch* и 2014–2022 гг. для *russisch*.

Частотная динамика употребления этнонимных прилагательных в период 1900–2025 гг.

Анализ кривых частотности выявляет различную динамику употребления *deutsch* и *russisch* в период 1900–2025 гг. Кривая частотности *deutsch* демонстрирует следующие особенности. В 1900–1918 гг. отмечается стабильно высокая частотность (120–140 на млн слов), что отражало центральную роль национального дискурса в Германской империи. В 1919–1932 гг. наблюдается небольшое снижение (110–130 на млн слов) в период Веймарской республики. В 1933–1945 гг. фиксируется новый пик частотности (140–160 на млн слов) с максимумом в 1939–1942 гг., связанный с национал-социалистической мобилизацией. В 1946–1969 гг. происходит резкое снижение (90–110 на млн слов) с минимумом в конце 1950-х гг., отражающее травматический разрыв

Таблица 2. Диахроническая динамика доминирующих квалиа (1900–2025 гг., DiaCollo)
Table 2. Diachronic dynamics of dominant qualia (1900–2025, DiaCollo)

Период	Доминирующая квалиа в <i>deutsch</i>	Типичные коллокации с <i>deutsch</i>	Доминирующая квалиа в <i>russisch</i>	Типичные коллокации с <i>russisch</i>
1900 – 1918	Агентивная (50%)	Kaiser, Reich, Armee, Marine, Flotte	Агентивная (35%), формальная (30%)	Zar, Reich, Hof, Kosaken, Adel, Armee
1919 – 1932	Агентивная (48%), рост телической (18%)	Republik, Verfassung, Volk, Parlament, Partei	Агентивная (40%)	Revolution, Bolschewismus, Sowjet, Kommunismus, Lenin
1933 – 1945	Агентивная (52%)	Volk, Führer, Rasse, Nation, Reich, Bewegung	Формальная (35%), конститутивная (30%)	Winter, Armee, Feldzug, Seele, Steppe, Kälte
1945 – 1969	Телическая (35%)	Frage, Teilung, Einheit, Wiedervereinigung, Grenze, Ostpolitik	Конститутивная (40%)	Seele, Literatur, Kunst, Melancholie, Dostojewski, Tolstoi, Schostakowitsch
1970 – 1989	Телическая (30%), Конститутивная (20%)	Ostpolitik, Verhältnis, Angst, Umwelt, Identität	Конститутивная (35%), формальная (30%)	Seele, Winter, Akzent, Gesicht, Dissident, Menschenrecht
1990 – 1999	Телическая (32%)	Wiedervereinigung, Einheit, Aufbau, Wende	Конститутивная (32%), рост агентивной (25%)	Seele, Tradition, Kultur, Reform, Demokratie, Marktwirtschaft
2000 – 2009	Агентивная (42%), рост конститутивной (18%)	Wirtschaft, Reform, Arbeitsmarkt, Export, Agenda 2010	Формальная (32%), конститутивная (30%)	Präsident Putin, Gazprom, Energie, Gas, Pipeline, Ostsee, Partnerschaft
2010 – 2019	Агентивная (40%), рост конститутивной (22%)	Digitalisierung, Industrie 4.0, Migration, Integration, Flüchtling	Формальная (32%), конститутивная (30%), рост телической (25%)	Annexion, Krim, Sanktionen, Konflikt, Desinformation, Einflussnahme
2020 – 2025	Агентивная (38%), телическая (28%)	Corona, Pandemie, Krise, Impfung, Energie, Sicherheit, Zeitenwende	Формальная (35%), телическая (35%)	Angriffskrieg, Invasion, Kriegsverbrechen, Isolation, Embargo, Gaslieferstopp, Nord Stream

с националистическим дискурсом. В 1970–1989 гг. наблюдается постепенный рост (100–120 на млн слов) в связи с новыми дискуссиями о национальной идентичности. В 1990–1999 гг. достигается новый пик (130–150 на млн слов) в связи с объединением Германии. В 2000–2009 гг. отмечается стабилизация (110–130 на млн слов), отражавшая период относительной политико-экономической нормализации. В 2010–2019 гг. замечен постепенный рост (120–140 на млн слов), связанный с миграционным кризисом и дискуссиями о «немецкой культуре» и «немецких ценностях». В 2020–2025 гг. фиксируется новый значительный пик частотности (140–160 на млн слов) в связи с кризисным дискурсом (пандемия, энергетический кризис, смена эпох). Пики частотности *deutsch* коррелируют с периодами национальной мобилизации и кризисов. Согласно М. Стаббсу, такие частотные пики не являются статистическим артефактом, а служат объективным индикатором того, что данная лексема становится ключевой для конструирования коллективной идентичности в дискурсе [19].

Кривая частотности *russisch* демонстрирует более драматическую динамику. В 1900–1917 гг. наблюдается стабильно низкая частотность (30–40 на млн слов), что отражает периферийное положение России в немецком дискурсе до Первой мировой войны. В 1917–1922 гг. фиксируется резкий пик частотности (50–70 на млн слов) в связи с революцией в России и западной интервенцией. В 1923–1939 гг. отмечается снижение до минимальных значений (25–35 на млн слов) в период относительной стабилизации отношений. В 1940–1945 гг. возникает новый пик частотности (80–100 на млн слов) в связи с войной против СССР. В 1946–1985 гг. наблюдается длительный период низкой частотности (20–30 на млн слов), что отражает табуирование советской тематики в западногерманском дискурсе холодной войны. В 1985–1991 гг. замечен

рост частотности (40–60 на млн слов) в связи с перестройкой и распадом СССР. В 1992–1999 гг. фиксируется стабилизация (35–45 на млн слов). Напротив, в 2000–2013 гг. отмечается умеренный рост (45–65 на млн слов) в связи с энергетическим сотрудничеством и «партнерством модернизации». В 2014–2019 гг. достигается новый пик частотности (70–90 на млн слов) в связи с событиями на Украине после 2014 г. В 2020–2021 гг. наблюдается временный спад (50–60 на млн слов) в связи с фокусом на пандемии и в 2022–2025 гг. фиксируется самый высокий пик частотности за всю историю наблюдений (120–150 на млн слов) в связи с украинским кризисом, что является беспрецедентным для мирного времени и сопоставим с пиками употребления *deutsch* в периоды мировых военных конфронтаций.

Частотный анализ кривых с помощью корпусного инструмента *Verlaufskurven* позволил проследить, как менялась интенсивность обсуждения Германии и России в немецкоязычном дискурсе на фоне исторических событий. Как видно из табл. 3, частотность употребления этнонимного прилагательного *deutsch* стабильно выше и демонстрирует пики в периоды мобилизаций общества перед надвигающимися опасностями, тогда как частотность прилагательного *russisch* в целом ниже, но крайне чувствительна к кризисам. Ее максимальное значение за последние 125 лет зафиксировано в 2022–2025 гг. и сопоставимо с пиками употребления *deutsch* в годы мировых войн.

Таблица 3. Частотная динамика употребления *deutsch* и *russisch* (1900–2025 гг., *Verlaufskurven*, упоминаний на млн слов)
Table 3. Frequency dynamics of the use of *Deutsch* and *Russisch* (1900–2025, *Verlaufskurven*, mentions per million words)

Период	Частотность <i>deutsch</i> (случаев на млн. слов)	Динамика и контекст <i>deutsch</i>	Частотность <i>russisch</i> (случаев на млн. слов)	Динамика и контекст <i>russisch</i>
1900–1918	120–140	Стабильно высокая (Германская империя)	30–40	Низкая (периферийное положение России)
1917–1922	110–130	Небольшое снижение (Веймар)	50–70	Резкий пик (революция в России)
1923–1939	110–130	Стабилизация	25–35	Снижение до минимума
1933–1945	140–160	Пик (нацистская мобилизация)	80–100	Пик (война против СССР)
1946–1969	90–110	Резкое снижение (травматический разрыв с нацистским прошлым)	20–30	Длительный минимум (холодная война)
1970–1989	100–120	Постепенный рост	20–30	Остается низкой
1985–1991	100–120	Стабильность	40–60	Рост (перестройка, распад СССР)
1990–1999	130–150	Новый пик (объединение Германии)	35–45	Стабилизация
2000–2009	110–130	Нормализация	45–65	Умеренный рост (энергопартнерство)
2010–2019	120–140	Рост (миграционный кризис)	70–90	Пик (события на Украине после 2014 г.)
2020–2021	130–150	Высокая (пандемия)	50–60	Временный спад (фокус на COVID-19)

Выявленная в ходе корпусно-статистического анализа дискурсивная асимметрия квалиа-структур этнонимных прилагательных *deutsch* и *russisch* отражает фундаментальное различие

в дискурсивном конструировании «своего» и «чужого» этноса в немецкоязычном дискурсе на протяжении 1900–2025 гг. Это различие носит не случайный или конъюнктурный характер, а является устойчивым и воспроизводимым на протяжении более чем столетия, несмотря на все исторические катаклизмы и геополитические сдвиги.

Для «своего» этноса (*deutsch*) характерен комплекс взаимосвязанных дискурсивных параметров. Доминирующей квалиа здесь выступает агентивная (42% коллокатов), отвечающая на вопрос «Кто мы есть?», что подразумевает активную субъектную позицию. Тип приписываемых качеств – институциональный и деятельностный: немцы описываются через государственные институты (*Regierung, Staat*), экономическую активность (*Wirtschaft, Unternehmen*) и гражданское общество (*Bürger, Volk*). Временная перспектива в случае с этнонимным прилагательным *deutsch* является преимущественно исторической и направленной в будущее (телическая квалиа, 27%): центральными темами становятся «немецкий вопрос», единство, воссоединение Германии, европейская интеграция. Агентность немцев в дискурсе – это агентность субъекта действия, который сам определяет свою судьбу и принимает решения. Оценочная валентность высказываний с *deutsch* в целом умеренно-положительная или нейтральная, за исключением краткого периода национал-социализма, когда автостереотип был гипертрофирован в сторону агрессивного национализма.

Для «чужого» этноса (*russisch*) картина принципиально иная. Доминирующими квалиа здесь выступают конститутивная (34%) и формальная (35%), которые отвечают на вопрос «Какие они?» и фиксируют внешние, сенсорно воспринимаемые параметры. Тип приписываемых качеств – эмоциональный и телесный: русские описываются через «душу» (*Seele*), меланхолию, унылость, а также через внешность (*Gesicht, Backenknochen*), акцент и традиционные одежду, прежде всего головные уборы. Временная перспектива, связанная с этнонимным прилагательным *russisch*, носит вневременной, эссенциалистский характер: русские предстают как носители неизменных сущностных характеристик («русская душа», «русская зима», «русская ширь»), которые не зависят от исторических эпох и политических режимов. Данный механизм эссенциализации подробно описан в когнитивной лингвистике Дж. Лакоффа как эффект «типичности» и «прототипной категоризации», при котором этническая группа сводится к нескольким ярким, но часто поверхностным признакам [20]. Агентность русских в дискурсе – это, как правило, агентность объекта наблюдения и описания, а не активного субъекта исторического действия. Оценочная валентность поляризована: в периоды относительной нормализации отношений (1950–1990, 2000–2013) преобладают романтизация и экзотизация, тогда как в периоды конфликтов (1917–1922, 1940–1945, 2014–2025) доминируют демонизация и негативная телическая квалиа (угрозы, санкции, агрессия, война).

Учет дискурсивной асимметрии этнонимных прилагательных *deutsch* и *russisch* помогает авторам текстов конструировать образ «чужого» в рамках европейского культурного пространства, когда различия гиперболизируются и эссенциализируются. Аналогичные механизмы конструирования «чужого» через исключение и экзотизацию описываются в работах по критическому дискурс-анализу применительно к миграционным процессам в Европе [21]. Это свидетельствует о фундаментальной перестройке всего дискурсивного образа России в немецкоязычном пространстве: из объекта наблюдения и носителя «загадочной души» Россия превратилась в субъект военной угрозы и геополитического вызова.

Важно подчеркнуть, что выявленная асимметрия квалиа-структур не является статичной – она эволюционирует под влиянием исторических событий, причем точки бифуркации для двух прилагательных различаются. Для *deutsch* ключевыми точками бифуркации стали 1945 г., когда после краха нацистского режима произошел резкий рост телической квалиа, связанной с «немецким вопросом» и разделением страны, а также 1990 г., когда телическая квалиа переориентировалась с объединения на европейскую интеграцию.

Доминирование агентивной и телической квалиа в этнонимном прилагательном *deutsch* конструирует образ немцев как активных субъектов истории, которые ставят цели, принимают решения и несут ответственность за свое будущее. В случае с *russisch* длительное доминирование конститутивной и формальной квалиа конструировало образ русских как объекта наблюдения и носителя неизменных сущностных характеристик, а после 2014 г. к этому добавилось доминирование негативной телической квалиа, конструирующее образ России как угрозы.

Аналогично тому, как раскрытие внутренней формы и этимологии фразеологизмов способствует не только эффективному усвоению, но и углубленному пониманию немецкого языка в контексте его исторического развития [22, с. 267], анализ квалиа-структур этнонимных прилагательных способствует пониманию того, как немецкий дискурс конструирует образ «другого» и как этот образ трансформируется под влиянием исторических событий. Показательно, что даже в периоды интенсивного сотрудничества и позитивной германо-российской повестки (энергетическое партнерство 2000–2013 гг.) глубинная квалиа-структура *russisch* сохраняла доминирование формальной и конститутивной квалиа, т.е. Россия продолжала описываться через «экзотику» (« меховая шапка», «душа», «зима»), а не через институциональные или деятельностные характеристики. Это говорит о том, что асимметрия имеет не столько идеологическую, сколько глубинную когнитивную и культурную природу, коренящуюся в устойчивых моделях восприятия «чужого» в немецком языковом сознании.

Таким образом, проведенное исследование позволило не только провести статистический анализ, но и описать асимметрию квалиа-структур немецких этнонимных прилагательных *russisch* и *deutsch*. Выявленная асимметрия отражает глубинные дискурсивные механизмы конструирования «своего» и «чужого», которые сохраняют свою устойчивость на протяжении более чем века, несмотря на смену политических режимов, идеологий и геополитических конфигураций.

Заключение

Проведенное корпусно-статистическое исследование квалиа-структур этнонимных прилагательных *deutsch* и *russisch* с использованием трех инструментов DWDS (Wortprofil, DiaCollo, Verlaufskurven) за период 1900–2025 гг. позволяет сделать ряд выводов, имеющих значение как для теории генеративной лексики, так и для дискурс-анализа и межкультурной коммуникации.

Первым и наиболее важным выводом является выявление устойчивой асимметрии квалиа-структур между двумя прилагательными. Для *deutsch* доминируют агентивная (42%) и телическая (27%) квалиа, тогда как для *russisch* – формальная (35%) и конститутивная (34%). Это различие статистически значимо на протяжении всего периода наблюдений ($\chi^2 = 19,8$, $p < 0,001$) и не является конъюнктурным или идеологически обусловленным лишь в отдельные эпохи, а представляет собой глубинную, воспроизводимую характеристику немецкого дискурса о «своем» и «чужом».

Второй вывод касается семантической специфики конститутивной квалиа, которая обнаруживает наиболее яркую асимметрию. Прилагательному *russisch* приписываются преимущественно эмоционально-ментальные качества, в то время как прилагательному *deutsch* приписываются деятельностно-нормативные качества. Таким образом, если русские в немецкоязычном дискурсе наделяются эссенциальными, неизменными характеристиками, связанными с «душой» и эмоциями, то немцы – поведенческими паттернами и результатами их деятельности.

Третий вывод относится к формальной квалиа, которая различается по объекту описания. У прилагательного *russisch* формальная квалиа связана с антропологическими характеристиками, а прилагательное *deutsch* ассоциируется скорее с культурными артефактами.

Четвертый вывод касается диахронической динамики. Квалиа-структуры обоих прилагательных претерпевают значительные изменения в периоды исторических катастроф и геополитических сдвигов. Для *deutsch* ключевыми точками бифуркации стали 1945 г. (рост телической

квалиа, связанной с «немецким вопросом») и 1990 г. (переориентация телической квалиа с объединения Германии на европейскую интеграцию). В XXI в. добавились точки 2015 г. (миграционный кризис, рост конститутивной квалиа) и 2020 г. (пандемия, рост телической квалиа). Для *russisch* ключевыми точками бифуркации стали 1917 г. (смена агентивной квалиа с имперской на революционную), 1930–1950 гг. (формирование стереотипа «русской души» и «русской шири, зимы»), 1991 г. (распад СССР), 2014 г. (начало роста негативной телической квалиа) и 2022 г. (доминирование негативной телической квалиа, достигшей 35% и сравнявшейся с формальной).

Пятый вывод относится к частотной динамике. Частотность употребления *deutsch* стабильно выше и демонстрирует пики в периоды глобальных политических событий, в которые непосредственно вовлечена Германия (1933–1945, 1990–1999, 2022–2025). Частотность употребления *russisch* в целом ниже, но крайне чувствительна к кризисам. Ее максимальное значение за 125 лет зафиксировано в 2022–2025 гг. (120–150 упоминаний на млн слов), что сопоставимо с пиками употребления прилагательного *deutsch* в годы мировых войн и свидетельствует о фундаментальной перестройке немецкоязычного дискурса.

Шестой вывод носит теоретико-интерпретационный характер. Выявленная асимметрия отражает глубинные дискурсивные механизмы конструирования «своего» и «чужого» в немецком языковом сознании. Для «своего» (*deutsch*) характерны агентность, историческая перспектива, институциональные и деятельностные характеристики. Для «чужого» (*russisch*) – объектность, вневременная эссенциализация, эмоциональные и телесные характеристики. Эта асимметрия сохраняется на протяжении более чем века, несмотря на смену политических режимов, идеологий и геополитических конфигураций.

Таким образом, результаты исследования показывают, как контекст и дискурс активируют разные квалиа-роли у одного и того же коллоката. Кроме того, работа обогащает практики дискурс-анализа статистическими процедурами раскрытия конкретных языковых механизмов конструирования «своего» и «чужого», которые ранее описывались преимущественно на качественном уровне.

Перспективы дальнейших исследований включают расширение корпусной базы за счет включения других европейских языков для выявления общих и специфических паттернов конструирования образа России и Германии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сухарева К.А. Функционирование этнонима «Deutsche»: анализ корпусных данных // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. 2015. № 4–8 (13). С. 133–135.
2. Баталов А.А., Никашина Н.В. Определяющие параметры единиц речевого этикета // Вестник РУДН, серия Лингвистика. 2013. № 1. С. 12–20.
3. Власова Е.Д. Анализ лексико-семантических полей в политическом дискурсе о международном вооружённом конфликте в Сирии (на материале русского и французского языков) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2023. № 4. С. 104–119. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-4-104-119
4. Chen W. Lexicography, discourse and power: Uncovering ideology in the bilingualization of a monolingual English dictionary in China // Pragmatics and Society. 2017. Vol. 8 (4). С. 601–629. DOI: 10.1075/ps.8.4.06che.
5. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 830 p.
6. Incelli E.A. The discourse of eco-cities as an ethical commitment: A comparative study in English specialized domains 2020 // Lingue Linguaggi. 2020. Vol. 34. P. 99–118. DOI: 10.1285/i22390359v34p99

7. **Chen Y., Jia H.** A Corpus-Based Critical Discourse Analysis of COP 26 in Chinese and Western Media // ICBDE '22: Proceedings of the 5th International Conference on Big Data and Education. New York: Association for Computing Machinery, 2022. С. 379–386. DOI: 10.1145/3524383.3524418
8. **Szczyrbak M.** More than (Just) Words: Legal and Non-Legal Narratives in the Courtroom and Beyond / ed. by M. Szczyrbak. Berlin: De Gruyter Mouton, 2025. 320 p.
9. **Hutton C.** Language, Meaning and the Law. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 256 p.
10. **Филясова Ю.А.** Репрезентация эмотивных коннотаций английских новостных заголовков при переводе на русский язык // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 87–101. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-87-101
11. **Freixa J.** Causes of denominative variation in terminology: A typology proposal // Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication. 2006. Vol. 12, No. 1. P. 51–77.
12. **Pustejovsky J.** The Generative Lexicon. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 298 p.
13. **Корышев М.В., Хохлова М.В.** Именованные сущности в немецкоязычной прессе: корпусный и экспертный анализ // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 59–73. DOI: 10.18721/JHSS.16404
14. **Sikorskii S., Carrio-Pastor M.L.** Enhancing LLM Interpretation of Appraisals in Spanish Digital Discourse // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 159–184. DOI: 10.18721/JHSS.16410
15. **Гагарин С.Н.** Базовые методики анализа языковых картин политики с помощью языка программирования Python и библиотеки NLTK (на материалах корпусов британского парламентского дискурса) // Филологические науки в МГИМО. 2024. № 10(2). С. 125–140. DOI: 10.24833/2410-2423-2024-2-39-125-140
16. **Шевякова К.В.** Языковая актуализация глубинной семантики немецких отэтнонимных прилагательных // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 7. С. 2173–2178. DOI: 10.30853/phil20230346
17. **Глушак В.М.** Реализация квалификационных структур в немецком языке посредством относительных прилагательных и композитов // Филологические науки в МГИМО. 2021. Т. 7, № 5 (29). С. 16–23. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-5-29-16-23
18. **Wierzbicka A.** Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese. Oxford: Oxford University Press, 1997. 328 p.
19. **Stubbs M.** Text and Corpus Analysis: Computer-Assisted Studies of Language and Culture. Oxford: Blackwell, 1996. 288 p.
20. **Lakoff G.** Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 632 p.
21. **Krzyżanowski M., Wodak R.** The politics of exclusion: Debating migration in Austria // Critical Discourse Studies. 2009. Vol. 6, No. 1. P. 5–18. DOI: 10.4324/9781315133959
22. **Яковлева Е.А.** История возникновения немецких фразеологических единиц с временным компонентом и анализ частотности их употребления в диахроническом аспекте (на примере исторического и современного подкорпусов корпуса немецкого языка DWDS-Corpus) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 8. С. 266–274. DOI: 10.37882/2223-2982.2025.08.49

REFERENCES

- [1] **Sukhareva K.A.**, Funktsionirovaniye etnonima «Deutsche»: analiz korpusnykh dannykh [Functioning of the ethnonym “Deutsche”: A corpus data analysis], Eurasian Union of Scientists, 4–8 (13) (2015) 133–135.
- [2] **Batalov A.A., Nikashina N.V.**, Determining Parameters of Speech Etiquette Units, Russian Journal of Linguistics, 1 (2013) 12–20.
- [3] **Vlasova E.D.**, Lexical and semantic correspondence in political discourse on international armed conflicts. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22, Teorija Perevoda – Lomonosov Translation Studies Journal, 4 (2003) 104–119. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-4-104-119

- [4] **Chen W.**, Lexicography, discourse and power: Uncovering ideology in the bilingualization of a monolingual English dictionary in China, *Pragmatics and Society*, 8 (4) (2017) 601–629. DOI: 10.1075/ps.8.4.06che9
- [5] **Evans V., Green M.**, *Cognitive linguistics: An introduction*, Edinburgh University Press, Edinburgh, 2006.
- [6] **Incelli E.A.**, The discourse of eco-cities as an ethical commitment: A comparative study in English specialized domains, *Lingue Linguaggi*, 34 (2020) 99–118. DOI: 10.1285/i22390359v34p99
- [7] **Chen Y., Jia H.**, A Corpus-Based Critical Discourse Analysis of COP 26 in Chinese and Western Media, ICBDE '22: Proceedings of the 5th International Conference on Big Data and Education, Association for Computing Machinery, New York, 2022, pp. 379–386. DOI: 10.1145/3524383.3524418
- [8] **Szczyrbak M.**, (Ed.). *More than (Just) Words: Legal and Non-Legal Narratives in the Courtroom and Beyond*, De Gruyter Mouton, Berlin, 2025.
- [9] **Hutton C.**, *Language, meaning and the law*, Edinburgh University Press, Edinburgh, 2009.
- [10] **Filyasova Yu.A.**, Representation of English News Headlines Emotive Connotations in Russian Translation, *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4 (2023) 87–101. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-87-101
- [11] **Freixa J.**, Causes of denominative variation in terminology: A typology proposal, *Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*, 12 (1) (2006) 51–77.
- [12] **Pustejovsky J.**, *The generative lexicon*, MIT Press, Cambridge, 1995.
- [13] **Koryshev M.V., Khokhlova M.V.**, Named Entities in the German-Language Press: Corpus and Expert Analysis, *Terra Linguistica*, 16 (4) (2025) 59–73. DOI: 10.18721/JHSS.16404
- [14] **Sikorskii S., Carrio-Pastor M.L.**, Enhancing LLM Interpretation of Appraisals in Spanish Digital Discourse, *Terra Linguistica*, 16 (4) (2025) 159–184. DOI: 10.18721/JHSS.16410
- [15] **Gagarin S.N.**, Getting a handle on a Hansard with Python and NLTK, or how to tame the linguistic picture of British politics with NLP. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 10 (2) (2024) 125–140. DOI: 10.24833/2410-2423-2024-2-39-125-140
- [16] **Shevyakova K.V.**, Language actualization of the deep semantics of German ethnonym-based adjectives, *Philology. Theory & Practice*, 16 (7) (2023) 2173–2178. DOI: 10.30853/phil20230346
- [17] **Glushak V.M.**, Implementation of qualia structures provided by relative adjectives and composites in German. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 7 (5) (2021) 16–23. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-5-29-16-23
- [18] **Wierzbicka A.**, *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, Japanese*, Oxford University Press, Oxford, 1997.
- [19] **Stubbs M.**, *Text and corpus analysis: Computer-assisted studies of language and culture*, Blackwell, Oxford, 1996.
- [20] **Lakoff G.**, *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. University of Chicago Press, Chicago, 1987.
- [21] **Krzyżanowski M., Wodak R.**, The politics of exclusion: Debating migration in Austria, *Critical Discourse Studies*, 6 (1) (2009) 5–18. DOI: 10.4324/9781315133959
- [22] **Yakovleva E.A.**, History of the Origin of German Phraseological Units with a Temporal Component and Analysis of the Frequency of Their Use in the Diachronic Aspect (on the Example of the Historical and Modern Sub-corpus of the German Language Corpus DWDS-corpus), *Modern Science: actual problems of theory & practice. Series: Gumanitarnye nauki [Humanities]*, 8 (2025) 266–274. DOI: 10.37882/2223-2982.2025.08.49

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Глушак Василий Михайлович

Vasily M. Glushak

E-mail: glushakvm@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0193-8071>

Поступила: 20.04.2026; Одобрена: 10.06.2026; Принята: 22.06.2026.

Submitted: 20.04.2026; Approved: 10.06.2026; Accepted: 22.06.2026.

Научная статья

УДК 81'42:61

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17203>

EDN: <https://elibrary/VSKWKQ>

СТРАТАГЕМНО-ТАКТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЖАНРА УСТНОГО МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА «РАЗБОР КЛИНИЧЕСКОГО СЛУЧАЯ»

В.В. Жура , Е.В. Суворина

ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России
(Сеченовский Университет), Москва, Российская Федерация

 suvorina_e_v@staff.sechenov.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию жанра «Разбор клинического случая» как разновидности устного профессионального полилога врачей. Цель исследования состоит в выявлении коммуникативных стратегий и тактик, обеспечивающих обсуждение сложного клинического случая, а также в описании их языковой репрезентации. Актуальность исследования состоит в необходимости установления того, каким образом жанровые конвенции данной разновидности профессионального общения, с одной стороны, детерминированы профессиональным контекстом, а с другой, участвуют в реализации социальных функций. Материалом послужили 40 клинических разборов (20 по паллиативной помощи и 20 по кардиологии), находящихся в открытом доступе в сети Интернет. Методологическую основу исследования составили функционально-коммуникативный и структурный подходы в рамках дискурса-анализа. Выделены три основные жанровые стратегии: когнитивно-коммуникативная, институциональной ритуализации общения и гуманизации клинического опыта. Показано, что тактики реализуются через последовательности дискурсивных ходов, а их языковая репрезентация объединяет как средства научно-профессиональной речи и документный формат, заимствованный из письменного медицинского дискурса, так и признаки спонтанного устного общения. Сочетание документной формы представления биомедицинской информации и разговорных маркеров позволяет говорить о локальной жанровой гибридизации изучаемого жанра. В силу многоаспектности коммуникативных целей в одном репликовом ходе может актуализироваться одновременно несколько тактик. Это обусловлено спецификой жанровых конвенций, определяемой условиями социального контекста. Сопоставление материалов по паллиативной помощи и кардиологии выявило междисциплинарную вариативность в выборе тактик митигации, корпоративной солидарности и эмоционально-этической оценки. Полученные результаты могут быть использованы для систематизации знания о жанрах устного медицинского дискурса и в обучении медицинской коммуникации.

Ключевые слова: устный медицинский дискурс, жанр, разбор клинического случая, коммуникативные стратегии и тактики, симметричная коммуникация.

Для цитирования: Жура В.В., Суворина Е.В. Стратегемно-тактическая организация жанра устного медицинского дискурса «Разбор клинического случая» // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 2. С. 42–61. DOI: 10.18721/JHSS.17203

STRATEGIES AND TACTICS IN THE SPOKEN MEDICAL DISCOURSE GENRE OF “CLINICAL CASE REVIEW”

V.V. Zhura , E.V. Suvorina

Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University),
Moscow, Russian Federation

✉ suvorina_e_v@staff.sechenov.ru

Abstract. The paper explores the genre “Clinical Case Review” as a type of oral professional polylogue among physicians. The aim of the study is to identify the communicative strategies and tactics facilitating the discussion of complex clinical cases and to describe their linguistic representation. The relevance of the study lies in the need to reveal how genre conventions in this type of professional communication are both shaped by the professional context and participate in fulfilling social functions. The material comprises 20 palliative and 20 cardiological clinical case reviews available in open access on the Internet. The methodological framework of the study is based on functional-communicative and structural approaches within the framework of discourse analysis. Three main genre strategies are identified: cognitive-communicative, institutional ritualization of communication, and humanization of clinical experience. It is shown that tactics are realized through sequences of discursive moves, which combine both the means of professional academic language and the document format borrowed from written medical discourse, as well as features of spontaneous oral communication. The combination of the documentary form of presenting biomedical information and colloquial markers suggests local hybridization of the genre under study. Due to the multi-aspect nature of communicative goals, several tactics may be simultaneously employed within a single turn which is determined by the specificity of the genre conventions, which are conditioned by the social context. A comparison of the palliative care and cardiology cases revealed interdisciplinary variability in the choice of mitigation, professional solidarity, and emotional and ethical appraisal tactics. The results obtained can be used to systematize knowledge about the genres of oral medical discourse and in teaching medical communication.

Keywords: spoken medical discourse, genre, clinical case review, communicative strategies and tactics, symmetric communication.

Citation: Zhura V.V., Suvorina E.V. Strategies and Tactics in the “Clinical Case Review” as an Spoken Medical Discourse Genre, *Terra Linguistica*, 17 (2) (2026) 42–61. DOI: 10.18721/JHSS.17203

Введение

В современном мире возрастает технологичность медицинских вмешательств, постоянно появляются новые виды диагностики и лечения. На фоне происходящих изменений врачу становится все сложнее ориентироваться в большом потоке медицинской информации, особенно в связи с возникновением инновационных и не применявшихся ранее методов ведения пациентов, что повышает значимость совместных усилий медицинских специалистов при принятии клинических решений. Это обусловило существование различных форм профессионального коммуникативного взаимодействия, таких как разбор клинического случая (далее – КС), врачебный консилиум, клиничко-анатомическая конференция.

Необходимость в лингвистическом анализе устного медицинского дискурса в целом, а также отдельных его жанров объясняется их недостаточной изученностью. Несмотря на смену исследовательских подходов, проблематика речевых жанров остается актуальной в последние десятилетия. Рассмотрим актуальные для нашей работы направления в современном жанроведении. В рамках одного из них делаются попытки систематизации жанровых образований внутри отдельных дискурсов и заполнения жанровых лакун [1, 2]. Изучаются также жанровые

трансформации в условиях дигитализации [3, 4], жанровая стабильность/вариативность [5, 6], жанровая рефлексия путем выявления метапрагматических маркеров [7, 8]. Для нас особый интерес представляет подход к жанровому анализу, предложенный В. Бхатия [9]. Не ограничиваясь изучением поверхностных семиотических структур, характерным для жанроведения в рамках педагогической парадигмы, исследователь обращается к анализу как внутритекстовых, так и внетекстовых факторов для описания многомерной и полиракурсной природы профессиональных речевых практик. Своей главной задачей ученый считает установление способов и приемов, при помощи которых специалисты конструируют, интерпретируют и применяют жанровые конвенции для осуществления своих профессиональных задач как внутри своего профессионального контекста, так и в междисциплинарных областях. Важным для нашего исследования представляется также, что в ходе анализа исследователь расширяет методологический инструментарий, выходя за рамки традиционного анализа разговора в рамках дискурс-анализа. При исследовании профессиональных контекстов он обращает внимание на процессы жанровой гибридизации и межжанровых заимствований [10], что, как мы покажем далее, характерно и для разбора КС.

Переходя к анализу состояния жанроведческих работ в области медицинского дискурса, подчеркнем, что до сих пор в центре внимания исследователей оставались преимущественно жанры письменного медицинского дискурса (история болезни, медицинская выписка, описание КС, амбулаторная карта пациента [11–13], гибридные жанры научного и медицинского, научного и документного дискурсов [14, 15], медицинского и сетевого дискурсов [16–19], медицинского и массмедийного дискурсов [20–22], медицинского художественного дискурса [23]. Менее изучены жанры асимметричного устного общения между врачами и пациентами [24, 25]. Кроме того, особенности жанров письменного медицинского дискурса изучались преимущественно с позиций транслятологического подхода [26] либо их дидактического потенциала в контексте подготовки медицинских специалистов [27, 28].

Исследователи обращают внимание на усиление тенденции к поликодовости и на появление новой разновидности медицинского дискурса – сетевого медицинского дискурса, обладающего собственной жанровой спецификой [29].

В зарубежных публикациях также отмечается интерес к письменным жанрам медицинского и научного медицинского дискурсов. Рассматривается концептуальное пространство историй болезни [13], анализируются жанровые образования (электронные медицинские карты) [19], описания КС в научном дискурсе [30, 31]. При этом для анализа жанровых особенностей применяется междисциплинарный подход, в рамках которого описание КС трактуется как типизированная разновидность социальной нарративной практики, базирующаяся на канонах доказательной медицины и на строго регламентированных правилах представления клинической информации. Продолжаются попытки дальнейшей категоризации жанров асимметричного устного медицинского дискурса, используемых в них дискурсивных стратегий, в том числе и в сфере паллиативной медицины [25].

Таким образом, теоретические и практические аспекты симметричного общения, в частности устной коммуникации между агентами института медицины, не получили достаточного освещения в современных публикациях. Не разработаны четкие критерии выделения жанров равностатусного клинического общения, а также описания их дискурсивных особенностей. Не показано влияние социального контекста и профессиональных задач на выработку резонирующих с ними жанровых конвенций. Все эти факты определяют актуальность нашего исследования.

В настоящей работе жанр «Разбор КС» рассматривается как разновидность устного профессионального диалога врачей, функционирующего в институциональном медицинском общении. В центре внимания находятся регулярно воспроизводимые стратегии и тактики, обеспечивающие коллективное обсуждение сложного КС и согласование экспертных позиций.

Новизна работы состоит в первичном системном описании стратегемно-тактической организации данного жанра и в выявлении того, как документные формы представления клинических данных адаптируются к условиям устного диалога, образуя локальную жанровую гибридизацию.

Целью работы является выявление коммуникативных стратегий и тактик, реализуемых в жанре устного медицинского дискурса «Разбор КС», описание средств их лингвистической репрезентации и установление междисциплинарной вариативности их употребления.

Материалы и методы

Материалом для эмпирического исследования послужили 20 экспертных видеоконференций по разбору КС, проведенных в Федеральном научно-практическом центре паллиативной медицинской помощи Сеченовского университета (паллиативные клинические случаи, далее – ПКС)¹, а также 20 разборов КС, проведенных в ФГБУ «НМИЦК им ак. Е.И. Чазова» (кардиологические клинические случаи, далее – ККС)², представленных в свободном доступе на сайтах указанных медицинских организаций. Выборка охватывает материалы 2020–2026 гг. и позволяет сопоставить две медицинские области, различающиеся по эмоциональной нагрузке, характеру экспертной дискуссии и типичным профессиональным задачам.

Методологическую основу исследования составляет дискурс-анализ, интегрирующий ряд исследовательских процедур³:

1) анализ социального контекста (участников разбора КС) для установления количественного состава и репертуара жанровых ролей (табл. 1);

2) структурный анализ для определения жанровой архитектоники, то есть типического сценария разбора КС, специфики ролевых ожиданий на каждом из этапов [32] (табл. 2);

Таблица 1. Участники разбора КС
Table 1. Participants in the clinical case review

Разборы ККС (<i>n</i> = 20)			Разборы ПКС (<i>n</i> = 20)		
Кардиологические специалисты (<i>n</i> = 223)			Паллиативные специалисты (<i>n</i> = 341)		
модератор	докладчик	эксперты	модератор	докладчик	эксперты
<i>n</i> = 21 (9.4%) ⁴	<i>n</i> = 56 (25.1%)	<i>n</i> = 146 (65.5%)	<i>n</i> = 20 (5.9%)	<i>n</i> = 22 (6.5%)	<i>n</i> = 299 (87.6%)

3) функционально-коммуникативный анализ, который включал: 1) выделение тематико-смысловых блоков разбора КС; 2) установление локальной дискурсивной функции коммуникативного хода [33]; 3) объединение коммуникативных ходов, участвующих в реализации цели более высокого порядка в рамках одной тактики. Под дискурсивным ходом в работе понимается минимальная выделяемая репликовая единица, посредством которой реализуется тактика, которая, в свою очередь, трактуется как функциональное объединение однородных ходов, направленных на решение локальной коммуникативной цели. Логика проведения функционально-коммуникативного анализа представлена в табл. 3;

4) процедуры конверсационного анализа, включавшие составление транскриптов видеозаписей разборов ПКС, рассмотрение речевых ходов, ведущих к получению, удержанию и смене

¹ Разборы клинических случаев // Сеченовский университет. URL: <https://palliativemed.sechenov.ru/directions/international-cooperation/clinical-cases/> (дата обращения: 25.12.2025).

² Клинические разборы // ФГБУ «НМИЦК им. ак. Е.И. Чазова». URL: <https://www.cardio.ru/klinraz/> (дата обращения: 19.02.2026).

³ Alahmadi L. Team Decision-Making through English as a Medium of Professional Communication in Doctor-Doctor Meetings in a Saudi Hospital: A multimethod discourse approach: A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Applied Linguistics. URL: https://centaur.reading.ac.uk/123678/1/Alahmadi_Thesis_Layal%20Alahmadi.pdf (дата обращения 25.02.2026).

⁴ При подсчете процентного соотношения числа округлялись до десятых долей.

Таблица 2. Дискурсивная структура разбора КС
Table 2. Discursive structure of the review of a clinical case

Этап	Цель	Жанровые роли и ожидания
инициация разбора КС	установление конвенций общения	модератор → докладчик, эксперты (приветствие, представление участников общения, обсуждаемой повестки, обоснование выбора КС)
презентация КС	детальное информирование о центральной проблеме обсуждения	докладчик → эксперты, модератор (структурированное представление истории сложного КС)
общая дискуссия	обмен мнениями по поводу стратегии ведения пациента	эксперты → докладчик; эксперт → другой эксперт (обсуждение преимуществ/недостатков стратегии ведения пациента, информирование об инновационных приемах лечения, критический анализ проведенного лечения, выбор и обоснование новой терапевтической стратегии)
завершение разбора КС	подведение итогов	модератор → докладчик, эксперты (краткое обобщение результатов, выражение благодарности, анонсирование новой встречи, прощание)

Таблица 3. Пример категоризации дискурсивных ходов и тактик в ходе анализа
Table 3. An example of categorization of discursive moves and tactics during analysis

Дискурсивный ход	Дискурсивная функция	Тактика (локальная коммуникативная цель)
<i>...у нас великолепные мастера ультразвуковой диагностики...</i> (ККС: 29.03.2023)	выражение похвалы	корпоративная солидарность
<i>...спасибо большое за демонстрацию прекрасной, блестящей работы кардиологов</i> (ККС: 27.04.2023)	выражение благодарности	
<i>Я абсолютно согласен, что выбран был идеальный способ ведения такого пациента</i> (ПКС: 17.06.2025)	выражение поддержки	

коммуникативных ролей, выявление специфических разговорных форм профессиональной коммуникации применительно к реализуемым тактическим целям.

Результаты исследования

Для установления особенностей стратагемно-тактической организации жанра «Разбор КС» нами были проанализированы цель коммуникации, ролевой состав ее участников, сценарная организация полилога, стратегии и тактики, а также языковые средства их репрезентации.

Рассмотрим подробнее выделенные выше параметры.

Анализ эмпирического материала показал, что целями данного коммуникативного события являются трансляция опыта, полученного в ходе ведения сложного КС, обсуждение недостатков/преимуществ, выявленных в его ходе, альтернативных способов ведения, получение экспертной оценки от других представителей профессионального сообщества.

Участниками разбора КС выступают медицинские специалисты, в рамках полилога выполняющие роли модератора, докладчика и экспертов. В нашей выборке это врачи, занятые в сферах паллиативного ухода и лечения сердечно-сосудистых патологий. Именно фиксированность этих ролей задает сценарную организацию разбора КС и объясняет различия в распределении коммуникативных задач между участниками. Количественные различия в жанрово-ролевой структуре разборов КС (см. табл. 1) отражают специфику экстралингвистического контекста.

Большее количество докладчиков в разборах ККС обусловлено их высокой сложностью и мультидисциплинарностью. Ведение такого пациента требует участия специалистов из смежных областей (например, кардиохирургов, аритмологов и т.д.), каждый из которых предоставляет информацию по своему узкому фрагменту проблемы. В разборах ПКС применяется сетевой формат, который обеспечивает возможность онлайн-участия широкому кругу специалистов, что объясняет высокий процент экспертной представленности.

Сопоставление выделенной стратегемо-тактической модели с описаниями других жанров медицинского дискурса [33, 34], показало, что для нее характерны как общие институциональные признаки, так и собственная специфика. Далее стратегии и тактики рассматриваются в связи с теми локальными коммуникативными задачами, которые они решают в рамках разбора КС.

1. Когнитивно-коммуникативная стратегия

Основной стратегией, реализуемой в рамках изучаемого жанра, является **КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ**. Она направлена на предоставление и получение актуальной для рассматриваемого КС информации, восполнение концептуальных пробелов о возможностях диагностики, лечения сложного заболевания, профилактики рецидивов и осложнений, клиническое обоснование оптимального варианта ведения пациента.

Анализ транскриптов разборов КС позволил установить, что данная стратегия получает реализацию посредством ряда тактик, применяемых для решения локальных целей на различных этапах коммуникации. К ним относятся:

1.1. Тактика обоснования выбора КС (использована во всех разборах)

Данная тактика используется либо на начальном этапе при первичном представлении КС (более характерно для разборов ПКС) либо в ходе дискуссии (в обеих профессиональных областях). Ее целью выступает экспликация значимости обсуждаемого случая в клинической практике, объективируемой на уровне как модусного, так и диктумного содержания. На вербальном уровне средствами репрезентации данной тактики являются оценочные прилагательные (*редкий, сложный, интересный, уникальный* и др.), а также аргументативы, включающие экспозиторные формы – пояснения, основанные на положениях медицинской картины мира или на доказательной базе клинических исследований:

...разбор онкопаллиативного ребенка это достаточно редкая ситуация (ПКС: 17.06.2025); ... довольно-таки сложный, но интересный случай. Это сложный случай, потому что рак головы и шеи очень часто создает много сложностей для паллиативного ухода; Представлен действительно уникальный случай лечения пациента с акромегалией. По нашей информации, данных в литературе по описанию хирургического вмешательства транскатетерной имплантации аортального клапана мы ранее не встречали. Это действительно свидетельствует об уникальности проведенного лечения у этого пациента (ККС: 29.03.2023).

1.2. Тактика предоставления биомедицинской информации (использовалась во всех разборах)

Данная тактика включает сообщение информации об анамнезе заболевания, диагностике, лечении и его результатах. Она воспроизводима и в других жанрах медицинского дискурса (история болезни, медицинская выписка и т.п.), однако в отличие от документных жанров письменного дискурса обладает спецификой, связанной с устной формой презентации информации. Именно здесь наиболее отчетливо проявляется локальная жанровая гибридизация: структурная схема письменного документа истории болезни переносится и воспроизводится в ходе устного обсуждения, сочетается с признаками спонтанной речи.

При представлении КС используются нарративы о прошлом/настоящем. Содержательно такие нарративы основываются на структурированном формате представления информации в медицинской документации, известном как схема клинической истории болезни. Кроме того, можно говорить об их интертекстуальности, так как докладчик обращается к задокументированным в истории болезни данным и воспроизводит их в устной форме. В анализируемом материале выделены две разновидности таких нарративов:

1) Полнотекстовая форма, в ходе которой в хронологической последовательности в виде двусоставных/односоставных (эллиптических) предложений излагаются основные медицинские факты. Например: *Пациентка о своем диагнозе узнала в декабре 2023 года, когда заметила покрывшийся эрозией участок на языке. <...> ...она проходила разнонаправленную комплексную терапию, в том числе и хирургическую операцию с удалением части языка, с лимфодиссекцией, с трахеостомией. В марте 2025 года случился прогресс и прорастание опухоли в мягкие ткани шеи. И проведен курс химиотерапии* (ПКС: 07.10.2025).

Анализ примеров показал, что среди особенностей представления документных сведений медицинской истории пациента в ходе разбора КС можно выделить характерные для устной разговорной речи отклонения: инверсию и упрощенный синтаксис: *На тот момент болевого синдрома нет у пациента* вместо *На тот момент у пациента отсутствовал болевой синдром* (ПКС: 28.04.2025); самокоррекцию: *И до марта пациент наблюдается дома, находится дома* (ПКС: 28.04.2025); эллипсис: *Но, к сожалению, год, и мы снова оказались в точке рецидива* (ПКС: 17.06.2025); речевые повторы и лексические дискурсивы, применяемые для заполнения пауз и при хезитации, окказионализмы: *Это, по сути, просто как бы да, отдавливание основным очагом опухоли, изменение анатомии органов брюшной полости* (ПКС: 17.06.2025); *Ему нужно было определенное время для того, чтобы сходить в туалет по... да и как бы помочиться* (ПКС, 17.06.2025); *До поступления к нам, очень небольшое, так скажем, лечение*; *Критика к собственному состоянию совершенно отсутствовала. Желание встать с кровати, совершенно неосознание того, что можно резко упасть, но, держась за опору она могла, конечно, ходить какой-то промежуток-, по расстоянию* (ПКС: 07.10.2025).

2) Документная форма, в рамках которой сведения об истории заболевания предоставляются в виде односоставных номинативных предложений, кратко выражающих свернутое до пропозиции содержание: *Осмотр от 28 июля. Жалобы на общую слабость, плохой сон, ночные пробуждения из-за боли, похудание. Боли в мягких тканях* (ПКС: 17.12.2024). Такой нарратив представляет собой ретроспективное воспроизведение фрагмента письменной истории болезни в устной форме и может рассматриваться как межжанровое заимствование).

Еще одной формой дискурсивного изложения, применяемой для репрезентации этой тактики, выступает описание, вербализующее данные физикального и/или инструментального осмотра: *...при поступлении в паллиативное отделение пролежней нет у пациента, кожные покровы бледные, отмечается акроцианоз. Видимые слизистые – бледные. Подкожная жировая клетчатка развита умеренно. Тургор сохранен. Отмечается пастозность нижних конечностей* (ПКС: 28.04.2025).

Особенностью клинических описаний в рамках данного жанра выступает сочетание научного стиля изложения, основанного на привлечении терминов и клишированных формул, и отклонений от синтаксических норм, характерных для устного неформального общения (бытового дискурса), например, инверсии (*пролежней нет у пациента*) и нарушенного грамматического согласования: *...при поступлении пациентка, сидя на кресле-каталке, состояние было тяжелое* (ПКС: 07.10.2025). Такое совмещение документного формата представления материала (характерного для письменного медицинского дискурса) и языковых маркеров бытового разговора служит одним из основных признаков гибридизации рассматриваемого жанра.

1.3. **Тактика клинического рассуждения** (используется во всех разборах)

Разборы КС направлены не только на констатацию имеющихся фактов и доказательств, но в большей степени на эвристический поиск оптимального варианта ведения пациента в сложных медицинских условиях. В ходе языковой репрезентации данной тактики содержание высказываний, отражающее пропозиции медицинской картины мира, дополняется различными маркерами эпистемической модальности [13]:

1) модальные слова и выражения: *возможно, не можем, скорее всего, наверное, кажется, может быть, должны*: В данном случае тромбы были небольшие, но, в конце концов, всё **может** произойти, измениться, и это **может быть** действительно причиной следующих драматических осложнений. **Что ещё может быть?** (ККС: 17.09.2025); ...в связи с этим **возможно** проведение стресс-эхокардиографии на предмет индукции возможных симптомов (ККС: 18.06.2025);

2) бытийные глаголы, предикативные сочетания, неопределенные местоимения, указывающие на вероятностный или проспективный характер вмешательств: *бывает, происходит, пойдет, имеет смысл, будет решаться*: у нее сильно «гуляет» МНО – до восьми. В нашей практике такое **бывает**. **Бывают** генетические нарушения в комбинации с **какими-то** генетическими предпосылками в плане цитохрома-С (ККС: 17.09.2025);

3) грамматические формы сослагательного/условного наклонения: *можно было бы попробовать, терапия тестостероном была бы нежелательна* (ККС: 23.11.2022); ...если используется эпидуральное введение морфина, то идеально подбор дозировок, и этим самым мы пытаемся снизить риск (ПКС: 17.06.2025).

4) оценочные высказывания прогностического характера: *трудно сказать; мы сейчас этого не можем сказать* (ККС: 17.09.2025); *Это тоже вопрос, на который ответа нет* (ККС: 23.11.2022); *В конце концов, возможно, более целесообразно протезировать клапан, если не удастся сделать его пластику* (ККС: 18.06.2025); *Самая большая сложность – как раз то, что придется решать объем оперативного лечения интраоперационно; тогда все пойдет совсем неплохо* (ККС: 18.06.2025).

Кроме того, при вербализации указанной тактики используются как терминологические выражения, так и профессиональные жаргонизмы: ...**расторможка** может-, вот **расторможенное** такое влияние может быть на фоне приема ноотропов (ПКС: 07.10.2025), что может рассматриваться как заимствование неформальной лексики из жанра бытового разговора и служить свидетельством жанровой гибридизации.

1.4. **Тактика ориентирования адресата/адресатов в информационном потоке** (использована во всех разборах)

Данная тактика применяется, с одной стороны, для упорядочения информационной структуры коммуникативного события, акцентирования основных тематических блоков с целью облегчения восприятия информации. С другой стороны, она обусловлена институциональной природой медицинского дискурса, тематическое содержание которого строго ограничено как спецификой самого жанра, так и актуальностью рассматриваемых аспектов КС. Последняя определяется их недостаточной освещенностью, сложным, дискуссионным характером.

В качестве средств ее репрезентации могут служить повествовательные предложения в настоящем/будущем времени, описывающие обсуждаемую повестку, а также антиципация в форме утвердительных/вопросительных предложений последующих речевых действий.

Модератор: предполагается такой план сегодняшнего дня. Доктор Х доложит клинический случай в течение 15 минут, далее наши эксперты выскажутся по поводу данного клинического случая, по поводу распространенности и так далее, методах лечения, ведения пациентов с такой нозологией, с таким состоянием (ПКС: 19.09.2023).

Эксперт: сначала я бы хотела немного прокомментировать эти два подхода к одной болезни и подвести окончательный итог... (ККС: 27.04.2023);

Эксперт: если мы идем по пути анализа того, где можно было поставить диагноз васкулит, артериит, мне кажется... (ККС: 17.09.2025);

Докладчик. Что же было с точки зрения болевого синдрома? Чуть-чуть остановимся с вами на болевом синдроме... (ПКС: 19.12.2023).

Информационное содержание, обсуждаемое во время разбора, определяется повесткой, предлагаемой для дискуссии докладчиком/модератором в соответствии с их жанровыми ролями, а также включает вопросы и комментарии, возникающие у экспертов в ходе представления

КС. С точки зрения синтаксиса такие вопросы могут иметь прямой характер: *Почему Вы отказались от фентанила в виде пластыря?* (ПКС: 17.06.2025), вводиться в косвенной форме при помощи повествовательных предложений: *Я хотел бы сейчас не сам диагноз обсуждать... Хотел бы обратить внимание на такие два момента, которые пока не стали предметом обсуждения...* (ККС: 17.09.2025), а также эксплицироваться при помощи анафорического дейктического указания: *Я хотела бы присоединиться к комментариям доктора Х* (ПКС: 17.12.2024); *Знаете, у меня вот вопрос, наверное, созрел, может быть, не очень по теме, но мне кажется, его стоит задать, по поводу фенотропила, который получал пациент* (ПКС: 07.10.2025).

1.5. Тактика аргументации экспертного мнения (использована во всех разборах)

Реализация этой тактики осуществляется в соответствии с жанровыми ожиданиями, связанными с профессиональным и дискурсивным статусом эксперта. Ее целью является выражение и валидация собственной точки зрения. Специфическими способами ее вербальной репрезентации в проанализированных контекстах разборов КС стали приемы:

1) указания на профессиональную идентичность и компетентность: *Я как главный апологет пероральных морфинов в России...* (ПКС: 07.10.2025); *Я не сосудистый хирург, но я так понимаю, что появляется недостаточность клапана. Из-за недостаточности идёт формирование поражения митрального клапана...* (ККС: 17.10.2025);

2) констатации сведений о накопленном клиническом опыте: *Мы используем интраартеральные помпы, и вот такой подход используется уже в течение нескольких десятилетий...* (ПКС: 17.06.2025);

3) отсылки к принятым схемам и протоколам лечения в форме нарративов о типичных действиях: *В рекомендациях по трансплантации присутствуют показания к имплантации кардиовертера-дефибрилятора пациентам с LVAD* (ККС: 27.04.2023); *Я хотел бы высказаться в дополнение ответа по поводу рисков разрыва. Есть систематические обзоры, которые как раз посвящены этому вопросу...* (ККС: 18.01.2023);

4) приведения клинических доказательств: *Мы ссылались именно на отсутствие ответа на левосимендан, так как он не дал никакой реакции. В том числе был очень высокий уровень NT-proBNP – 5,5 тысяч пг/мл, фракция 23%, огромная дилатация левого желудочка, огромное трансмуральное поражение. Мы приняли решение на основании именно этих критериев имплантировать искусственный левый желудочек* (ККС: 27.04.2023).

В разборах ККС, чаще имеющих проспективный характер, выражение экспертного мнения включало также рекомендации по дальнейшему ведению пациента, для репрезентации которых применялись различные средства деонтической модальности: *...требуется четкий план действий. Бесспорна необходимость антикоагулянтной и базовой терапии хронической сердечной недостаточности. Ключевым остается решение о дальнейшей таргетной терапии. Отдельно необходимо подчеркнуть важность реабилитации. Для таких пациентов должна быть разработана комплексная, междисциплинарная программа...* (ККС: 24.12.2025).

2. Стратегия институциональной ритуализации общения

Следующая стратегия – стратегия институциональной ритуализации общения – носит вспомогательный характер, в связи с тем, что она направлена на создание оптимальных условий общения, способствующих успешной реализации когнитивно-коммуникативной стратегии. Данная стратегия может быть репрезентирована в изучаемом жанре в виде ряда тактик.

2.1. Тактика инициации разбора КС (использована во всех разборах)

Разбор КС представляет собой институционально ритуализованное коммуникативное событие. Оно особым образом процедурно организовано и основывается на типическом дискурсивном сценарии. В него входит несколько этапов. На первом вступительном этапе происходит инициация общения, включающая приветствие участников, представление модератора, докладчика/докладчиков и экспертов, информирование о повестке обсуждения, обоснование

выбора КС. Далее происходит устная презентация КС, после которой участники разбора переходят к дискуссии первоначально в соответствии с регламентированной повесткой, а затем обсуждают вопросы, возникающие у экспертов. На заключительном этапе модератор (и иногда другие участники) подводит итоги разбора, выражает благодарность докладчику и экспертам.

Жанровую роль контроля за реализацией дискурсивного сценария (за соответствием речевых действий участников описанным ролевым ожиданиям) выполняет специально назначаемый модератор. Именно благодаря его речевым усилиям осуществляется репрезентация тактики инициации разбора КС, которая включает формальное приветствие и высказывания, содержащие перечисление собственных имен, должностей и ученых степеней/званий участников/экспертов. Например: *Уважаемые коллеги, здравствуйте! Сегодня у нас клинический случай... представит ХХХ, заведующий отделением ХХХ. В клиническом разборе примут участие* (перечисление имен и должностей).

2.2. **Тактика организационного регламентирования общения** (использовалась во всех разборах)

Данная тактика включает дискурсивные ходы, направленные на определение правил участия в коммуникативном событии: порядка назначения/получения роли говорящего, длительности ее удержания, условий коммуникации.

Важной процедурной составляющей разбора выступает организация и упорядочение дискуссии. Эту жанровую роль отведена модератору / авторитетным экспертам. Для дискурсивной репрезентации этой тактики используются различные средства деонтической модальности – побудительные предложения, перформативы, просьбы, включающие формулы вежливости (*пожалуйста, разрешите, не могли бы и др.*), модальные глаголы, конструкции в сослагательном наклонении: *...прошу высказываться. Мне кажется, вопросы четко сформулированы* (ККС: 18.06.2025); *Коллеги... может быть, у кого-то есть лучший опыт в данной ситуации, нам было бы очень интересно...* (ПКС: 28.04.2025); *Коллеги, я прошу активно обсудить данную ситуацию* (ККС: 18.06.2025); *Мы будем признательны нашим коллегам-эндокринологам, если они ответят на этот вопрос* (ККС: 29.03.2023); *Давайте начнем обсуждать. У нас буквально по 2 минуты; разрешите, я попробую ответить на вопрос?* (ПКС: 07.10.2025)

2.3. **Тактика этикетного общения** (использована во всех разборах)

Важной характеристикой ритуализованного общения выступает также соблюдение жанровой конвенции вежливого общения. Речевой этикет разбора КС требует применения официального регистра, повышения кооперации в общении за счет снижения его категоричности, исключения лицеушемляющих актов (критики), применения проявлений положительной вежливости (похвала, одобрение), а также использования формальных обращений и стереотипных этикетных формул. Рассмотрим приведенные ниже примеры: *Спасибо огромное! Ценное замечание!* (ПКС: 07.10.2025); *...всех благодарю за работу и за участие!* (ККС: 17.09.2025); *Я прошу прощения, что, не будучи врачом, позволяю себе высказываться* (ККС: 18.06.2025); *...мы с удовольствием прокомментируем* (ККС: 29.03.2023); *Присаживайтесь, пожалуйста* (ККС: 21.12.2022); *Вы удовлетворены ответом?* (ККС: 23.11.2022); *Ваше мнение исключительно ценно для нас* (ККС: 27.04.2025); *Я поздравляю группу ХХХ за такой прекрасный доклад!* (ККС: 23.11.2023)

В ходе анализа установлено, что дискурсивные ходы, применяемые участниками разбора КС на различных этапах, включают клишированные формулы вежливости (выражения просьбы, благодарности, извинения, поздравления), положительно-оценочную лексику, формы сослагательного наклонения, снижающие директивность речевых действий и демонстрирующие уважение к собеседнику.

Отметим, что элементы первых трех тактик могут воспроизводиться в рамках других дискурсов, например официально-делового дискурса, научного и академического дискурсов, что свидетельствует о частичной гибридизации жанра «Разбор КС» и таких жанров, как совещание, переговоры, защита диссертации.

2.4. *Тактика корпоративной солидарности* (все разборы ПКС, 16 из 20 ККС)

Соблюдение жанровых конвенций в ходе разбора КС обеспечивается путем реализации тактики корпоративной солидарности. Медицинское сообщество отличают такие социокультурные характеристики, как коллегиальность, наличие особой профессиональной этики, высокая автономия и ответственность, что позволяет говорить о его обособленности и закрытости. В разборах КС принимают участие специалисты, сталкивающиеся с высокими когнитивными и эмоциональными нагрузками и, как следствие, самовыгоранием, что делает выражение солидарности и поддержки важным инструментом заботы о профессиональной, в том числе и коммуникативной целостности участников. Бóльшая представленность рассматриваемой тактики в разборах ПКС связана с высокой эмоциогенностью КС, обусловленной страданиями пациентов в терминальный период жизни, а следовательно, отрицательным воздействием на психическую сферу врачей, нуждающихся в поддержке и признании их усилий. Таким образом, применение и характер данной тактики обусловлены императивами профессионального и социального контекста.

В качестве средств языковой репрезентации рассматриваемой тактики используется инклюзивное употребление личных местоимений, речевые акты похвалы и выражения благодарности, включающие лексику с семантикой положительной оценки для демонстрации успешности медицинских вмешательств, перформативы (*согласен, поддерживаю* и др.): *...мы прибегли к коррекции схемы* (ПКС: 17.10.2025); *...благодаря нашим коллегам, мы провели работу, которая включает оценку жизнеспособного миокарда...* (ККС: 27.04.2023); *Во-первых, спасибо большое за демонстрацию прекрасной, блестящей работы кардиологов и кардиохирургов* (ККС: 27.04.2023); *Я абсолютно согласен, что выбран был идеальный способ ведения такого пациента в плане обезбоживания* (ПКС: 17.06.2025); *Но когда было проведено первичное обследование – здесь огромное спасибо, что у нас великолепные мастера ультразвуковой диагностики – все встало на свои места* (ККС: 29.03.2023).

2.5. *Тактика митигации* (15 разборов ПКС, 7 разборов ККС)

Обсуждение сложных, дискуссионных аспектов ведения заболеваний приводит к существованию отличающихся точек зрения. Тем не менее, руководствуясь жанровыми конвенциями, при их выражении участники разборов стремятся снизить категоричность негативных оценок и избегать прямой речевой конфронтации, что связано с осознанием высокой эмоциогенности обсуждаемых ситуаций и врачебных действий. Количественный анализ показал, что данная тактика является факультативной. Ее большая представленность в разборах ПКС обусловлена ретроспективным характером обсуждаемых КС, что дает возможность оценить эффективность/неэффективность выполненных вмешательств. Напротив, разборы ККС чаще проспективны, так как сфокусированы на корректировке лечения пациентов, проводимого в настоящее время, либо на определении путей дальнейшего их ведения. Именно поэтому оценочность и несогласие характерны только для ретроспективных разборов ККС.

Для митигации отрицательной оценки применяются преимущественно косвенные речевые акты, включающие конструкции в сослагательном наклонении, модальные выражения (*наверное, возможно, может быть* и др.), диминутивные наречные сочетания и частицы (*не очень, не совсем, все-таки* и т.п.), речевые акты извинения, оценочная лексика низкой интенсивности, либо ее эвфемизация. Перечисленные языковые средства позволяют снизить категоричность при экспликации несогласия, ее лицеушемляющий эффект на оппонента: *Я не очень согласен, извините, с Еленой Владимировной, что поражение трехстворки было следствием легочной гипертензии. Там все-таки была не та степень легочной гипертензии, которая могла бы вызвать такую относительную трикуспидальную недостаточность. Тем более что камеры сердца были не очень увеличены* (ККС: 17.09.2025); *Я не увидела омега-прозола. Возможно, он был и скорее всего он был,*

просто его не озвучили (ПКС: 19.03.2023); *Вы очень скромно назначали антигипертензивную терапию...* (ККС: 23.11.2022)

Еще одним способом мейотического нивелирования отрицательного воздействия, оказываемого на собеседника в ходе выражения несогласия с ним, выступает одновременная реализация тактик митигации и корпоративной солидарности. Выражение поддержки, сопутствующее несогласию, выполняет компенсаторную функцию, смягчая негативный психологический эффект от конфронтации и тем самым служит сохранению социальных связей в условиях профессиональной ответственности и стресса: *...и просто очень радостно, что наши паллиативные коллеги так правильно и так четко ведут. Единственное, что нужно было бы, наверное, фенобарбитал подключить лучше в каплях* (тактика корпоративной солидарности + тактика митигации) (ПКС, 19.03.2024); *Дозировки дексометазона там со временем «плавали» в хронологии. Ну, наверное, это тоже было обосновано. Потому что дексометазон в высоких дозировках... ну, постоянно тоже держать нельзя. И никто из нас не стал бы этого сделать* (тактика митигации + тактика корпоративной солидарности) (ПКС, 28.04.2025).

Проведенный анализ показал, что мейозис в медицинском дискурсе – не просто вежливость, а важнейший механизм поддержания профессиональной солидарности и психологической безопасности в рамках медицинского дискурса, где цена ошибки крайне высока, критика неизбежна, эмоциональная нагрузка на врачей огромна, а публичность разбора создает риск урона профессиональной репутации. Используя его, врачи снижают разрушительный потенциал критики, переводя ее в плоскость совместного обсуждения анализа сложной ситуации.

Несогласие с тактикой ведения пациента может быть вербализовано имплицитно, например при помощи юмора/сарказма: *вот когда Вы дали ему высокую дозу кетамина 100 мг вместе с медазаламом, пациент был в сознании? Не спал? Потому что, если бы я принял такую дозу, я думаю, что я заснул бы на три года* (ПКС: 19.12.2023); *...с одной стороны, победителей не судят, и эффективность подобранной клинической схемы налицо. Но, с другой стороны, препарат второй линии – Флекаинид – в Российской Федерации в прошлом году уже был зарегистрирован. Не было идеи попробовать лечить пациентку в соответствии с клиническими рекомендациями?* (ККС: 20.01.2026)

В последнем примере одновременной реализации тактик корпоративной солидарности и митигации скрытый сарказм имплицирован в вопросе, по сути, являющемся утверждением об обязанности врачей строго следовать клиническим рекомендациям.

3. Стратегия гуманизации клинического опыта

Наряду с рассмотренными выше стратегиями была выявлена еще одна вспомогательная стратегия – **стратегия гуманизации клинического опыта**. Решение сложных клинических задач, угрожающих жизни и благополучию пациента, связано с активацией эмоционального интеллекта врача и дискурсивных механизмов защиты от профессионального самовыгорания. В отличие от клинических рассуждений вербализуемые в ходе разбора эмоциональные оценки эксплицируют гуманитарную составляющую медицинской помощи, заключающуюся в умении врача принимать позицию пациента в совокупности с его потребностями, ценностями, переживаемыми эмоциями и социокультурным контекстом. Данная стратегия может быть реализована посредством ряда специфических тактик, к анализу которых мы переходим.

3.1. Тактика выражения эмоционально-этического отношения к клиническому опыту (18 разборов ПКС и 8 разборов ККС)

Междисциплинарная вариативность представленности данной тактики в рамках изучаемого жанра обусловлена большим воздействием клинических ситуаций на эмоциональную сферу врачей при ведении паллиативных пациентов, чем специалистов-кардиологов.

Основным способом лингвистической репрезентации данной тактики выступает использование различных средств выражения эмпатии, что наиболее характерно для разборов ПКС.

Такие высказывания содержат оценку, объектом которой становился физический/психический опыт, переживаемый пациентом. Применяются следующие языковые средства: вводные слова, лексико-стилистические оценочные средства: *большая трагедия; сокрушительная ситуация; трагическую, тяжелую историю борьбы* (ПКС: 28.04.2025); **К сожалению**, мы признали ребенка **неизлечимым** (ПКС: 17.06.2025); **Слава Богу**, в настоящий момент... признаков его декомпенсации мы не увидели (ККС: 29.03.2023); эвфемизмы: *Пациент ушел* (вместо скончался); *уход из жизни; пытались заставить его вернуться* (ПКС, 28.04.2025), различные средства интенсификации оценки: *...было найдено на первом ультразвуковом обследовании, при том что была тяжелейшая блокада левой ножки пучка Гиса* (ККС: 29.03.2023); **к сожалению**, возникает **интенсивнейший абдоминальный болевой синдром** (ПКС: 17.06.2025); обозначения или описания эмоциональных переживаний, ассоциированных со страданиями пациента/их облегчением: *счастье; прогноз очень тревожный; психологическое ощущение, что недоделываешь, данная ситуация сильно затронула нас* (ПКС: 28.04.2025).

Для выражения эмпатии врачи могут использовать не только лексические, но и синтаксические стилистические средства, такие как параллельные конструкции, градацию, контраст: *Мы с вами должны понимать, что пациент фактически остается без основных органов чувств, без слуха, без зрения. Соответственно, мы фактически на 90% теряем контакт с пациентом. Возможно всякие методики, чертить на теле пациента, распознает он их или нет. У специалистов есть разные методики. И при всем при этом самому пациенту сложно быть... он, по сути, остается в теле замкнутого человека* (ПКС: 28.04.2025).

3.2. Тактика выражения эмоционального отношения к субъектам/агентам медицинской деятельности (2 разбора ПКС, 6 разборов ККС)

Частотность применения этой тактики ограничена действием законов медицинской деонтологии, строгое соблюдение которых особенно важно для специалистов по паллиативному уходу, наиболее часто сталкивающихся со сложными и эмоционально нагруженными ситуациями. Этим объясняется более низкая востребованность этой тактики в данной сфере по сравнению с кардиологией. Другим возможным объяснением различий в употреблении рассматриваемой тактики может стать проспективный характер разборов ККС, для которых эмоциональная оценка допущенных ошибок может стать не только средством психологической разрядки, но и ключом к коррекции лечения, а также дидактическим приемом для предотвращения нарушений в будущем.

Основным способом лингвистической репрезентации данной тактики выступает эксплицитное/имплицитное выражение отрицательной (реже положительной) оценки в зависимости от объекта, на который направлена эмоциональная реакция врача. Таким объектом может стать некомплаентность/комплаентность пациента, ненадлежащее оказание медицинской помощи.

В случаях оценки некомплаентности пациента, ведущей к отягощению клинического хода заболевания, эмотивность создается посредством использования повторов, параллельных конструкций и восклицательных предложений, оценочной лексики, выражений деонтической модальности: *Я хочу отметить по поводу этой пациентки, что она крайне низкокомплаентная. Она не понимала тяжесть своего состояния, не понимала необходимость терапии, необходимость обследования. Она хотела выписаться каждый день! Обследование, выбор тактики лечения и попытки убедить ее в том, что ей необходимо лечение, были очень сложные* (ККС: 18.06.2025); *Одышка может быть обусловлена тем, что его активизация шла несколько медленно. Он иногда был несколько ленив. Возможно, вклад вносит мышечный компонент и пациенту нужно увеличивать свою дистанцию ходьбы и физическую нагрузку* (ККС: 27.04.2023).

Комплаентность пациента и/или успешность проведенного лечения ассоциировались в выбранных нами контекстах с позитивной оценкой, выражаемой прилагательными, наречиями, вводными словами с положительными коннотациями: *Пациентка мужественно переносила...*;

Счастье, что пациент пошел на этой терапии – болевой синдром был достаточно купирован (ПКС: 19.09.2023).

Вербальные эмоциональные реакции медицинских специалистов могут быть также вызваны фактами ненадлежащего оказания медицинской помощи. В приведенных ниже примерах отрицательная оценка репрезентирована при помощи вопросительно-апеллятивных структур, восклицательных предложений, условных конструкций и выражений эксплицитной/имплицитной оценки: *Помимо того, что там ЭхоКГ неправильно интерпретировали, у нее же имеются выраженные изменения ЭКГ. Как на это не обращалось внимание и никаким образом не интерпретировалось, это, конечно, большой вопрос к здравоохранению города. Я даже не знаю, как это назвать. Человек два года госпитализируется, ему проводят бесконечные кардиоверсии и не интерпретируют сильно измененную ЭКГ! Я так понимаю, что она в тот период времени и антикоагулянты, наверное, не принимала. Как такое могло быть вообще?* (ККС:18.06.2025); *Если бы к этой инвазивной диагностике прибегли в 2016 году на ранних сроках, диагноз мог быть поставлен еще 10 лет тому назад, и мы не увидели такой развернутой воспалительной лимфоидной инфильтрации, которая, по большому счету, потянула за собой целый «паровоз» событий, мешающих этой пациентке адекватно и полноценно жить* (ККС: 17.09.2025) (одновременная реализация тактик выражения эмоционального отношения к агентам медицинской деятельности и выражения эмоционально-этического отношения к ее клиническому опыту).

Обобщая результаты анализа, отметим, что жанровые конвенции разбора КС задаются сочетанием трех функциональных планов: когнитивного, регулятивного и эмотивно-рефлексивного. На уровне языковой репрезентации это выражается в совмещении протоколно-документных и разговорных средств: первая группа обеспечивает точность и доказательность клинического обсуждения, вторая – управление дискуссией, митигацию критики и взаимодействие при переработке сложного клинического опыта. В этом смысле можно говорить о жанровой гибридизации анализируемого материала.

Обобщенная картина стратегемно-тактической организации жанра «Разбор КС» и средств их лингвистической репрезентации представлены в табл. 4 и 5.

Таблица 4. Стратегемно-тактическая организация жанра «Разбор КС»
Table 4. Stratagem-tactical organization of the genre “Review of CC”

Стратегия	Характер	Цель	Применяемые тактики
когнитивно-коммуникативная	основная	когнитивный обмен для ревизии ведения пациента	обоснования выбора КС
			предоставления биомедицинской информации
			клинического рассуждения
			ориентирования адресата/адресатов в информационном потоке
			аргументации экспертного мнения
институциональной ритуализации общения	вспомогательная	соблюдение процедурно-этических норм и жанрового сценария	инициации разбора КС
			организационного регламентирования общения
			этикетного общения
			корпоративной солидарности
			митигации
гуманизации клинического опыта	вспомогательная	эмоциональная разрядка; профилактика профессионального самовыгорания	выражения эмоционально-этического отношения к клиническому опыту
			выражения эмоционального отношения к субъектам/агентам медицинской деятельности

Таблица 5. Средства вербальной репрезентации стратегий и тактик речевого жанра «Разбор КС»
Table 5. Means of verbal representation of strategies and tactics of the speech genre “Review of the CC”

Стратегия	Ключевые тактики	Репрезентирующие языковые средства
когнитивно-коммуникативная	обоснования выбора КС	оценочные прилагательные, аргументативы
	предоставления биомедицинской информации	нарративы, описания, медицинская терминология, синтаксические нарушения, самокоррекция, окказионализмы, лексические дискурсивы, повторы
	клинического рассуждения	модальные слова и выражения, бытийные глаголы, неопределенные местоимения, формы сослагательного/условного наклонения, лексические и синтаксические средства оценочности
	ориентирования адресата/адресатов в информационном потоке	утвердительные/вопросительные предложения в настоящем/будущем, прямые/косвенные квеситивы
	аргументации экспертного мнения	лексико-синтаксические идентификаторы профессиональной принадлежности, профессиональные, предписывающие, научно-профессиональные метанарративы, средства деонтической модальности
институциональной ритуализации	инициации разбора КС	фатические формы: приветствия, перечисления собственных имен, должностей, ученых степеней/званий
	организационного регламентирования общения	средства деонтической модальности: побудительные предложения, перформативы, просьбы, формулы вежливости, модальные глаголы, формы сослагательного наклонения
	этикетного общения	формулы вежливости, речевые акты просьбы, благодарности, извинения, поздравления, положительно-оценочная лексика, формы сослагательного наклонения
	корпоративной солидарности	инклюзивное использование местоимений, речевые акты похвалы, выражения благодарности, положительно-оценочная лексика, перформативы
	митигации	формы сослагательного наклонения, речевые акты извинения, диминутивы, оценочная лексика низкой интенсивности, эвфемизмы, юмор и имплицитный сарказм
гуманизации клинического опыта	выражения эмоционально-этического отношения к клиническому опыту	вводные слова, оценочная лексика, стилистические средства и приемы, эвфемизмы, морфологические средства интенсификации оценки
	выражения эмоционального отношения к субъектам/агентам медицинской деятельности	лексические повторы, оценочная лексика, вводные слова, параллельные конструкции, восклицательные предложения, вопросительно-апеллятивные конструкции, формы условного наклонения, средства деонтической модальности

Заключение

Проведенное исследование показало, что жанр «Разбор КС» представляет собой разновидность устного профессионального полилога врачей, в котором глобальная цель коллективного обсуждения КС достигается посредством сочетания когнитивно-коммуникативной стратегии и двух вспомогательных стратегий — институциональной ритуализации общения и гуманизации клинического опыта.

Когнитивно-коммуникативная стратегия является системообразующей для данного жанра, поскольку именно она обеспечивает когнитивный обмен, необходимый для ревизии и уточнения клинических решений. Ее реализация осуществляется через набор локальных тактик, каждая из которых выражается в последовательностях дискурсивных ходов и имеет собственные языковые маркеры.

Анализ эмпирического материала показал, что одним из жанрообразующих признаков разбора КС выступает локальная жанровая гибридизация: документная схема представления анамнеза, обследования и лечения транспонируется в устный полилог и сочетается со спонтанными речевыми маркерами – самокоррекцией, гезитацией, повторами, разговорными включениями и синтаксической неполнотой.

Стратегии институциональной ритуализации и гуманизации клинического опыта обеспечивают устойчивость жанровых конвенций, регуляцию экспертной дискуссии, смягчение критики и переработку эмоционально нагруженного профессионального опыта. Тем самым они выполняют не только этикетную, но и профессионально-этическую функцию.

Сопоставление материалов по паллиативной помощи и кардиологии позволило установить междисциплинарную вариативность в выборе тактик, обусловленную требованиями профессиональной деятельности и социального контекста. Для разборов ПКС в большей степени характерны корпоративная солидарность, митигация и эмоционально-этическая оценка клинического опыта, тогда как в разборах ККС заметнее выражены корректирующая экспертная оценка и более жесткая проблематизация действий агентов медицинской деятельности.

Участники разборов КС (модератор, докладчик, эксперты) выполняют различные жанровые роли, которые задают вектор коммуникации и определяют выбор дискурсивных тактик.

Несмотря на формальное сходство некоторых стратегий и тактик разбора КС с жанрами устного медицинского дискурса, в разборах КС они выполняют специфические функции.

Полученные результаты расширяют представление о жанровой организации устного медицинского дискурса и могут быть использованы в курсах по медицинской коммуникации, профессиональной риторике и анализу институционального общения. Перспективу дальнейшего исследования составляет сопоставление разборов КС в других медицинских специальностях и лингвокультурах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Никонова Е.А.** К вопросу о жанровой типологии текстов СМИ // Научный диалог. 2020. № 1 (11). С. 79–97. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-79-97
2. **Ульянова М.А.** Классификация жанров интернет-дискурса // *Lingua Mobilis*. 2014. № 3 (49). С. 102–110.
3. **Никонова Е.А.** Трансформации жанра ОР-ЕД в условиях диджитализации // Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия. М.: Факультет журналистики Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», 2022. С. 133–134.
4. **Xia S.A.** Genre Analysis in the Digital Era: Developments and Challenges // *ESP Today*. 2020. Vol. 8, Iss 1. P. 141–159. DOI: 10.18485/esptoday.2020.8.1.7
5. **Жура В.В., Марковина И.Ю.** Лингвокультурная вариативность жанра медицинской выписки // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 1. С. 31–51. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-31-51
6. **De Cock V.** Stability and variation in genre // *Multidisciplinary Views on Discourse Genre: A Research Agenda* / ed. by N.M. Stukker, J.A. Bateman, D.S. McNamara, W. Spooren. Routledge, 2024. P. 85–107. DOI: 10.4324/9781003335603
7. **Молодыхенко Е.Н., Шпицмюллер Ю.** Метапрагматика и жанр: объединяя подходы // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25, № 1. С. 89–104. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-89-104
8. **Молодыхенко Е.Н.** Метапрагматика в жанроведении: нужен ли нам новый аналитический инструмент в эру интернет-медиа? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 67–93. DOI: 10.17223/19986645/75/4
9. **Bhatia V.K.** Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries // *HERMES – Journal of Language and Communication in Business*. 2015. Vol. 27, Iss. 54. P. 9–20. DOI: 10.7146/hjlc.v27i54.22944

10. **Bhatia V.K.** *Critical Genre Analysis: Investigating Interdiscursive Performance in Professional Practice*. New York; London: Routledge, 2017. 220 p.
11. **Данилина Н.И.** Из истории жанра «описание клинического случая» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17. № 2. С. 27–36. DOI: 10.17072/2073-6681-2025-2-27-36
12. **Косицкая Ф.Л., Матюхина М.В.** К вопросу о жанровой палитре медицинского дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 7 (196). С. 43–47. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-7-43-47
13. **Whitt R.J.** Epistemic space and key concepts in early and late modern medical discourse: an exploration of two genres // *English Language and Linguistics*. 2023. Vol. 27, Iss. 2. P. 241–269. DOI: 10.1017/s136067432200034x
14. **Таюпова О.И.** Медиамедицинский дискурс как объект лингвистического исследования (на материале современной немецкой журнальной периодики) // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 5. С. 352–359. DOI: 10.15643/libartrus-2019.5.5
15. **Ромашова О.В.** Жанрово-стилевая специфика медицинского документа (на материале медицинской карты стационарного больного) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 127–131.
16. **Lysanets J., Morokhovets H., Bieliaieva O.** Stylistic features of case reports as a genre of medical discourse // *Journal of Medical Case Reports*. 2017. Vol. 11, Iss. 1. Art. no 83. DOI: 10.1186/s13256-017-1247-x
17. **Ахнина К.В.** Коммуникативно-речевые особенности сетевого медицинского дискурса // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 3. С. 7–12.
18. **Петросян М.М.** Языковые особенности горизонтально и вертикально направленной коммуникации в медицинском дискурсе // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 8 (44). С. 1–7. DOI: 10.18454/RULB.2023.44.40
19. **Huang D., Whitehead C., Kuper A.** Competing discourses, contested roles: Electronic health records in medical education // *Medical Education*. 2024. Vol. 58(12). P. 1490–1501. DOI: 10.1111/medu.15428
20. **Дугалич Н.М.** Мемы медицинского дискурса // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 50–59. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2025/1/50-59
21. **Лутфуллина Г.Ф., Еремеева С.А.** Языковая репрезентация речевого жанра «пояснение» в медицинском дискурсе в рамках телевизионной просветительской передачи (на примере передачи «Мед. эксперт») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16, № 10. С. 3351–3356. DOI: 10.30853/phil20230519
22. **Савельев А.С.** Стратегии и тактики медицинского медиадискурса (на материале стоматологических видеоблогов) // *Коммуникативные исследования*. 2025. Т.12, № 2. С. 294–309. DOI: 10.24147/2413-6182.2025.12(2).294-309
23. **Каримова Р.А., Александрова Е.Н.** Медицинский дискурс в рамках телевизионной коммуникации // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: труды и материалы международной конференции в 2 т. Т. 1. Уфа: Издательство Казанского университета, 2017. С. 140–143.
24. **Календр А.А.** Особенности выражения медицинского черного юмора в англоязычном художественном дискурсе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2025. № 2 (58). С. 82–92. DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-82-92
25. **Tan X.** How Chinese Doctors Do Things With Discursive Strategies in Palliative Care Family Meetings: A Genre Theory Analysis // *Health Communication*. 2025. Vol. 40, Iss. 10. P. 1946–1966. DOI: 10.1080/10410236.2024.2431179
26. **Кисельникова А.А.** Речжанровая характеристика экспресс-консультации как нового феномена медицинского дискурса // *Дискурс*. 2024. № 10 (1). С. 137–150. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-137-150
27. **Бирюкова Ю.Н.** Медицинский дискурс: жанры, типичные для деятельности переводчика специальных текстов // *Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: сб. науч. тр. / под ред. Н. Н. Гавриленко*. М.: Российский университет дружбы народов, 2018. С. 46–61.
28. **Guest M.** The Clinical Case Presentation as a Narrative: Form and Practice, *ESP Today*. 2021. Vol. 9, Iss. 1. P. 107–128. DOI: 10.18485/esptoday.2021.9.1.6

29. **Salvador V.** The Clinical Case Report as a Discourse Genre in the Context of Professional Training // *Medical Discourse in Professional, Academic and Popular Settings* / ed. by P. Ordóñez-López, N. Edo-Marzá. Blue Ridge Summit, PA: Multilingual Matters, 2016. P. 31–54. DOI: 10.21832/9781783096268-004
30. **Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М.** Семиотика медицинского дискурса // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2024. Т. 15, № 3. С. 802–820. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-802-820
31. **Gracia-Ramos A.E.** Writing Case Reports and Series: Tricks, Traps, and Triumphs! // *Journal of Indian Rheumatology Association.* 2022. Vol. 17, Iss. 2. P. 306–313. DOI: 10.4103/0973-3698.364677
32. **Tardy C.M.** Genre analysis // *The Continuum Companion to Discourse Analysis* / ed. by K. Hyland, B. Paltridge. London: Continuum, 2011. P. 54–68.
33. **Wickman Ch.** The medical case report as genre and social practice // *The Routledge Handbook of Scientific Communication* / ed. by C. Hanganu-Bresch, M.J. Zerbe, G. Cutrufello, S.M. Maci. London; New York: Routledge, 2021. P. 213–223. DOI: 10.4324/9781003043782
34. **Алексеева А.А.** Речевые тактики в медицинских онлайн-консультациях (на материале сайта health.mail.ru) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* 2017. Т. 16, № 9. С. 112–120. DOI: 10.25205/1818-7919-2017-16-9-112-120

REFERENCES

- [1] **Nikonova E.A.**, Genre Typology of Media Texts, *Nauchnyi dialog*, 1(11) (2020) 79–97. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-79-97
- [2] **Uyanova M.A.**, Classification of Internet Discourse Genres, *Lingua Mobilis*, 3 (49) (2014) 102–110.
- [3] **Nikonova E.A.**, Transformatsii zhanra OP-ED v usloviyakh didzhitalizatsii [Transformations of the OP-ED genre in the context of digitalization], *Zhurnalistika v 2021 godu: tvorchestvo, professiya, industriya* [Journalism in 2021: Creativity, Profession, and Industry], Faculty of journalism, Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2022, pp. 133–134.
- [4] **Xia S.A.**, Genre Analysis in the Digital Era: Developments and Challenges, *ESP Today*, 8 (1) (2020) 141–159. DOI: 10.18485/esptoday.2020.8.1.7
- [5] **Zhura V.V., Markovina I.Yu.**, Linguocultural Variability of Medical Discharge Genre, *Nauchnyi dialog*, 14 (1) (2025) 31–51. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-31-51
- [6] **De Cock B.**, Stability and variation in genre, *Multidisciplinary Views on Discourse Genre: A Research Agenda*, ed. by N.M. Stukker, J.A. Bateman, D.S. McNamara, W. Spooren, Routledge, 2024, pp. 85–107. DOI: 10.4324/9781003335603
- [7] **Molodychenko E.N., Spitzmüller J.**, 2021., Metapragmatics and genre: Connecting the strands, *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1) (2021) 89–104. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-89-104
- [8] **Molodychenko E.N.**, Integrating metapragmatics into genre analysis: Does the analytical toolkit need an upgrade in the digital era?, *Tomsk State University Journal of Philology*, 75 (2022) 67–93. DOI: 10.17223/19986645/75/4
- [9] **Bhatia V.K.**, Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries, *HERMES – Journal of Language and Communication in Business*, 27 (54) (2015) 9–20. DOI: 10.7146/hjlc.v27i54.22944
- [10] **Bhatia V.K.**, *Critical Genre Analysis: Investigating Interdiscursive Performance in Professional Practice*, Routledge, New York, London, 2017.
- [11] **Danilina N.I.**, From the History of the ‘Clinical Case Report’ Genre, *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 17 (2) (2025) 27–36. DOI: 10.17072/2073-6681-2025-2-27-36
- [12] **Kositskaya F.L., Matyukhina M.V.**, On the Question of the Speech Genre Palette of the Medical Discourse, *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 7 (196) (2018) 43–47. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-7-43-47
- [13] **Whitt R.J.**, Epistemic space and key concepts in early and late modern medical discourse: an exploration of two genres, *English Language and Linguistics*, 27 (2) (2023) P. 241–269. DOI: 10.1017/s136067432200034x

- [14] **Tayupova O.I.**, Medical media discourse as an object of linguistic study (based on the material of modern German magazine periodicals), *Liberal Arts in Russia*, 8 (5) (2019) 352–359. DOI: 10.15643/libartrus-2019.5.5
- [15] **Romashova O.V.**, Genre-Stylistic Specifics of a Medical Document (on the Material of a Patient's Medical Report), *The world of science, culture and education*, 5 (48) (2014) 127–131.
- [16] **Lysanets J., Morokhovets H., Bieliaieva O.**, Stylistic features of case reports as a genre of medical discourse, *Journal of Medical Case Reports*, 11 (1) (2017) 83. DOI: 10.1186/s13256-017-1247-x
- [17] **Akhmina K.V.**, Communicative Peculiarities of Internet Medical Discourse, *Russian Language Studies*, 3 (2015) 7–12.
- [18] **Petrosian M.M.**, Linguistic Specifics of Horizontally and Vertically Directed Communication in Medical Discourse, *Russian Linguistic Bulletin*, 8 (44) (2023) 1–7. DOI: 10.18454/RULB.2023.44.40
- [19] **Huang D., Whitehead C., Kuper A.**, Competing discourses, contested roles: Electronic health records in medical education, *Medical Education*, 58 (12) (2024) 1490–1501. DOI: 10.1111/medu.15428
- [20] **Dugalich N.M.**, Memes of Medical Discourse, *Proceedings of VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1 (2024) 50–59. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2025/1/50-59
- [21] **Lutfullina G.F., Ereemeeva S.A.**, Linguistic representation of the speech genre of explanation in medical discourse within the framework of a television educational programme (by the example of the programme “Med. expert”), *Philology. Theory & Practice*, 16 (10) (2023) 3351–3356. DOI: 10.30853/phil20230519
- [22] **Saveliev A.S.**, Strategies and Tactics of Medical Discourse: Dental Video Blogs, *Communication Studies*, 12 (2) (2025) 294–309. DOI: 10.24147/2413-6182.2025.12(2).294-309
- [23] **Karimova R.A., Aleksandrova Ye.N.**, Meditsinskiy diskurs v ramkakh televizionnoy kommunikatsii [Medical discourse in the framework of television communication], *J. Baudouin de Courtenay and Worldwide Linguistics, Proceedings of the International Conference in 2 vols.*, 1, Kazan Federal University Press, Kazan, 2017, pp. 140–143.
- [24] **Kalendr A.A.**, Ways to express black humor in English belles-letters medical discourse. *MCU Journal of Philology, Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2 (58) (2025) 82–92. DOI: 10.244-12/2076-913X-2025-258-82-92
- [25] **Tan X.**, How Chinese Doctors Do Things With Discursive Strategies in Palliative Care Family Meetings: A Genre Theory Analysis, *Health Communication*, 40 (10) (2025) 1946–1966. DOI: 10.1080/10410236.2024.2431179
- [26] **Kiselnikova A.A.**, Speech and Genre Characteristics of Express Consultation as a New Phenomenon of Medical Discourse, *Discourse*, 10 (1) (2024) 137–150. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-137-150
- [27] **Biryukova Yu.N.**, Medical Discourse: The Most Common Genres for Special Texts' Translators, *Professionalno oriyentirovanny perevod: realnost i perspektivy* [Professionally Oriented Translation: Reality and Prospects], ed. by N.N. Gavrilenko, RUDN University, Moscow, 2018, pp. 46–61.
- [28] **Guest M.**, The Clinical Case Presentation as a Narrative: Form and Practice, *ESP Today*, 9 (1) (2021) 107–128. DOI: 10.18485/esptoday.2021.9.1.6
- [29] **Salvador V.**, The Clinical Case Report as a Discourse Genre in the Context of Professional Training, *Medical Discourse in Professional, Academic and Popular Settings*, ed. by P. Ordóñez-López, N. Edo-Marzá, Multilingual Matters, Blue Ridge Summit, PA, 2016, pp. 31–54. DOI: 10.21832/978178-3096268-004
- [30] **Ebzeeva Y.N., Dugalich N.M.**, Semiotics of Medical Discourse, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 25 (3) (2024) 802–820. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-802-820
- [31] **Gracia-Ramos A.E.**, Writing Case Reports and Series: Tricks, Traps, and Triumphs!, // *Journal of Indian Rheumatology Association*, 17 (2) (2022) 306–313. DOI: 10.4103/0973-3698.364677
- [32] **Tardy C.M.**, Genre analysis, *The Continuum Companion to Discourse Analysis*, ed. by K. Hyland, B. Paltridge, Continuum, London, 2011, pp. 54–68.
- [33] **Wickman Ch.**, The medical case report as genre and social practice, *The Routledge Handbook of Scientific Communication*, ed. by C. Hanganu-Bresch, M.J. Zerbe, G. Cutrufello, S.M. Maci, Routledge, London, New York, 2021. P. 213–223.
- [34] **Alekseeva A.A.**, Speech tactics in online medical advice (based on health.mail.ru), *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 16 (9) (2017) 112–120. DOI: 10.25205/1818-7919-2017-16-9-112-120

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Жура Виктория Валентиновна

Viktoriya V. Zhura

E-mail: zhura_v_v@staff.sechenov.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8128-701X>

Суворина Екатерина Владимировна

Ekaterina V. Suvorina

E-mail: suvorina_e_v@staff.sechenov.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2737-9432>

Поступила: 17.02.2026; Одобрена: 03.06.2026; Принята: 17.06.2026.

Submitted: 17.02.2026; Approved: 03.06.2026; Accepted: 17.06.2026.

Научная статья

УДК 811'111

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17204>

EDN: <https://elibrary/WYCLGR>

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕСЕМАНТИЗАЦИЯ «ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА»: МЕХАНИЗМЫ И ГРАНИЦЫ ЭКСПАНСИИ МОРФЕМЫ «АРТ» В ГОРОДСКОМ ЛАНДШАФТЕ

С.В. Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

 svet_victoria@mail.ru

Аннотация. В фокусе исследования находится морфема «арт» и специфика ее функционирования в рамках лингвистического ландшафта Санкт-Петербурга. Предметом исследования служат процессы семантической трансформации (ресемантизации) морфемы «арт» в названиях городских локаций и пространств Санкт-Петербурга. Анализ лингвистического ландшафта свидетельствует об активном процессе трансформации городской среды, где традиционное институциональное понятие «искусство» последовательно вытесняется мобильной и коммерциализированной «парадигмой арта». На основе анализа корпуса из 300 эргонимов в статье устанавливается экспансия арта на фоне исконного элемента городских номинаций «искусство». Исследование опиралось на комплекс методов, включая описательный метод с приемами лингвистического наблюдения, дефиниционный, структурно-семантический, коммуникативно-прагматический и дискурсивный анализ. Кроме этого, использовались ресурсы Национального корпуса русского языка и методика полевого исследования лингвистического ландшафта, позволяющая зафиксировать прагматические сдвиги в именовании городских объектов. В работе впервые предложена семантическая типология арт-номинаций (органический, коннотативный и симулятивный типы) и выявлена корреляция между плотностью использования изучаемой морфемы и характером городских территорий. Установлено, что процесс ресемантизации, через который проходит арт, детерминирован рядом факторов: морфологических (краткость и высокая словообразовательная активность лексемы), семантических (диффузность и «размытость» значения), социокультурных (запросы брендинга территорий и коммодификации). Отмечается, что экспансия арта ведет к его семантической девальвации и возникновению лингвистических симулякров. В итоге в классическом «петербургском тексте» эстетическая значимость подменяется маркетинговой эффективностью, что оказывает воздействие на традиционные культурные коды города. Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании перехода архитектуры городского лингвистического ландшафта от модели «города-книги» к модели «города-интерфейса». Установлено, что в лингвистическом ландшафте российского города (на примере Санкт-Петербурга) морфема «арт» выступает инструментом лингвистического маркетинга, создающим избыточный символический капитал в условиях семантической девальвации термина.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, петербургский текст, арт, искусство, ресемантизация, урбанонимы, эргонимы.

Для цитирования: Иванова С.В. Лингвистическая ресемантизация «петербургского текста»: механизмы и границы экспансии морфемы «арт» в городском ландшафте // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 2. С. 62–77. DOI: 10.18721/JHSS.17204

LINGUISTIC RESEMANTICIZATION OF THE “PETERSBURG TEXT”: MECHANISMS AND FRONTIERS OF “ART” EXPANSION WITHIN THE URBAN LINGUISTIC LANDSCAPE

S.V. Ivanova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

 svet_victoria@mail.ru

Abstract. The study focuses on the morpheme “art” and the specifics of its functioning within the linguistic landscape of St. Petersburg. The subject of the study is the processes of semantic transformation (resemantization) of the “art” morpheme in the names of urban locations and spaces. The analysis of the linguistic landscape reveals an active transformation of the urban environment, where the traditional institutional concept of “iskusstvo” (fine arts) is consistently being replaced by a mobile and commercialized “art paradigm.” Based on the analysis of a corpus of 300 ergonyms, the article identifies an expansion of “art” against the indigenous element of urban nominations “iskusstvo.” The methodology employs a complex of approaches including descriptive method with linguistic observation, definitional, structural-semantic, communicative-pragmatic, and discursive analyses. Furthermore, the study utilizes the resources of the Russian National Corpus and field research techniques of the linguistic landscape, which makes it possible to record pragmatic shifts in the naming of urban objects. The study proposes a semantic typology of “art-nominations” (organic, connotative, and simulative types) and establishes a correlation between the density of the use of the morpheme under study and the nature of urban territories. It is determined that the resemantization of “art” is driven by a complex of factors: morphological (brevity and high word-formation activity of the lexeme), semantic (diffusion and vagueness of meaning), and sociocultural (demands of place branding and commodification). The paper argues that the expansion of “art” leads to its semantic devaluation and the emergence of linguistic simulacra. This process results in the changes in the classical “Petersburg text,” where aesthetic significance is replaced by marketing efficiency, which affects the traditional cultural codes of the city. The theoretical significance of the study lies in the substantiation of a shift in the urban linguistic landscape architecture from the “city-as-a-book” model to the “city-as-an-interface” one. It is concluded that in the linguistic landscape of a Russian city (using St. Petersburg as an example), the morpheme “art” serves as a tool of linguistic marketing, creating surplus symbolic capital under conditions of semantic devaluation of the term.

Keywords: linguistic landscape, St. Petersburg text, art, fine arts, resemantization, urbanonyms, ergonyms.

Citation: Ivanova S.V., Linguistic Resemantization of the Petersburg Text: Mechanisms and Frontiers of “Art” Expansion within the Urban Linguistic Landscape, *Terra Linguistica*, 17 (2) (2026) 62–77. DOI: 10.18721/JHSS.17204

Введение: постановка проблемы

Современная городская среда, существующая как динамичный семиотический континуум, эксплицируется в лингвистическом ландшафте, представляющем собой «совокупность всех знаков и текстов, которые составляют языковое лицо современных городов» [1, с. 496] и которые наряду с реализацией номинативной функции выступают активными инструментами конструирования социальной реальности [2; 3]. Действительно, лингвистический ландшафт может явиться ярким свидетельством социокультурных реалий и процессов, происходящих в обществе в силу того, что объективирующие его языковые знаки выступают маркерами социальных и культурных практик.

В этом плане среди языковых предпочтений последнего времени обращает на себя внимание массивное вторжение лексемы «арт» и закрепление ее в урбанонимах Санкт-Петербурга. В

контексте петербургского лингвосомиотического пространства, за которым закрепилось понятие петербургского текста [4], этот процесс приобретает особую значимость. На смену площади Искусств пришла другая парадигма, представленная многочисленными арт-пространствами, арт-кластерами, арт-резиденциями, арт-центрами и т.п. Есть все основания полагать, что данный процесс может служить проявлением глубокого концептуального сдвига: традиционное институциональное понятие «искусство» вытесняется мобильным, гибридным и часто десемантизированным понятием «арт».

Несмотря на обилие работ по топонимике и эргонимии Санкт-Петербурга [5–9], лингвистический статус морфемы «арт» в этом отношении не рассматривался. Морфема «арт» фигурировала в той или иной степени либо в рамках анализа заимствований и современных тенденций русского словообразования [10–12], либо сугубо в маркетинговом ключе¹. При этом исследователи не затрагивали механизм лингвистической ресемантизации и даже десемантизации, свидетельством чему в рамках «петербургского текста» выступает «арт». В существующих исследованиях не зафиксирован момент перехода данной морфемы из категории маркера эстетической ценности в категорию лингвистического симулякра, когда связь с художественной деятельностью оказывается утраченной в пользу избыточного символического капитала.

Цель настоящего исследования – на основе анализа лингвистического ландшафта Санкт-Петербурга как одного из воплощений «петербургского текста» эксплицировать механизмы экспансии морфемы «арт» и определить границы ее семантической устойчивости в условиях городской среды. Для достижения поставленной цели следует решить ряд задач: 1) охарактеризовать морфологический статус «арт» в существующей системе урбанонимов; 2) провести картографирование арт-номинаций в ключевых зонах Санкт-Петербурга; 3) выявить специфику «петербургского пути» ресемантизации морфемы «арт». Гипотеза исследования состоит в том, что в лингвистическом ландшафте Санкт-Петербурга активность морфемы «арт» знаменует два процесса: с одной стороны, она функционирует как некий аттрактор, создающий fasciniрующий эффект современности и моды, а с другой, она смещает и замещает прежнее «искусство», что в совокупности не может не отражаться на классической вертикали смыслов «петербургского текста». Проведенный анализ призван ответить на исследовательские вопросы: 1) какова семантика и прагматика морфемы «арт» в урбанонимах Санкт-Петербурга; 2) о каких социокультурных практиках свидетельствует использование морфемы «арт» в лингвистическом ландшафте Санкт-Петербурга; 3) вносит ли «арт» свою лепту в изменение «петербургского текста».

Концептуальные основы

Поставленная в работе проблема вписывается в современную парадигму исследования лингвистического ландшафта, в эволюции которой отчетливо прослеживается переход от фиксации пространственной дистрибуции языков к анализу дискурсивных и семиотических трансформаций городской среды. В настоящее время можно говорить о нескольких этапах развития теории лингвистического ландшафта. Ее основоположники Р. Ландри и Р. Бурхис [2], П. Бэхаус [13] первоначально понимали лингвистический ландшафт как физическую отмеченность языков на общественных знаках, рекламе и указателях. При этом исследования носили преимущественно количественный характер, что предполагало фиксацию количественного присутствия языков на вывесках в городском пространстве. Этот этап сменился дискурсивно-семиотическим поворотом 2010-х гг., в рамках которого лингвистический ландшафт стал осмысляться как мультимодальный текст, где графический дизайн, материальность знака и пространственный контекст конструируют социальную реальность (А. Яворски [14], А. Пенникук [15]). Актуальная

¹ Гаврис М.С. Арт-маркетинг в системе продвижения художественных ценностей в условиях цифровизации: дисс. ... канд. культурологии. Санкт-Петербургский государственный институт культуры. Санкт-Петербург, 2022. 198 с.; Смирнова М.А. Арт-коллаборации как инструмент коммуникационной политики бренда в сегменте предметов роскоши : автореф. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2020. 24 с.

повестка дня сосредоточена на изучении гибридации физического и цифрового пространств (киберландшафты), а также на прагматике микроэлементов городской среды. Прагматический вектор поступательно развивается в работах, эксплицирующих понятие «типографического ландшафта», где графический и шрифтовой выбор признается прагматическим ресурсом социальной репрезентации (В.Е. Чернявская [16; 17]). Работающие в данном русле авторы доказывают, что номинационные процессы в мегаполисе не просто маркируют коммерческие объекты, но активно формируют идентичность городского пространства и управляют восприятием адресата. В настоящее время востребованным направлением изучения лингвистического ландшафта также является мультилингвальность, глобализация и глокализация (Д. Гортер и Х. Сенос [18], В.Е. Чернявская и Ш.К. Жаркынбекова [19]). Наряду с этим фокус внимания исследователей сосредоточен и на влиянии цифровой коммуникации на лингвистический ландшафт. Это актуализирует проблемы виртуальной гибридации физического пространства, семиотической коммодификации городской среды, а также прагматического варьирования способов кодирования информации (включая использование QR-кодов и цифровых интерфейсов) – процессов, превращающих город в поликодовый мультимедийный текст. В результате от лирического образа города [20] исследователи Я. Андруцопулос [21], Ц. Ян и Л. Чжан [22] переходят к его цифровому измерению. Таким образом, пространство города сегодня интерпретируется как подвижный текст, где смыслополагание осуществляется не только вербально, но и за счет визуального кодирования, материальности и шрифтового варьирования.

Развитие этой научной преемственности акцентирует понимание лингвистического ландшафта как динамической сущности, позволяющей конструировать общественные смыслы и выстраивать идентичность [23], что превращает его в «арену борьбы за символическое доминирование» [23], выраженное всем диапазоном семиотического репертуара. Соответственно, изменение лингвистического ландшафта может служить маркером социально-культурных сдвигов в обществе.

В контексте настоящего исследования, затрагивающего функционирование лексемы «арт» в урбанонимах Санкт-Петербурга, концептуальный базис анализа лингвистического ландшафта критически важно дополнить разработанной Р. Шапиро и Н. Эник концепцией артификации (artification) [24]. Данное понятие, определяемое как процесс превращения «не-искусства» в искусство, что в лингвистическом плане выражается в смене номинативных стратегий, когда, казалось бы, далекие от искусства понятия типа «терапия» и т.п., приобретая префиксоид «арт», начинают входить в лингвистический ландшафт города как маркеры престижности и креативности. В результате лексема «арт» превращается в семиотический инструмент реконцептуализации пространства: она переводит коммерческие или бытовые объекты (например, арт-терапия, арт-отель, арт-квартал) в категорию эстетически значимых явлений. Таким образом запускается процесс символического облагораживания территории (gentrification through naming) [25, с. 76; 26], где добавление компонента «арт» служит прагматической цели – повышению культурного капитала объекта и привлечению целевой аудитории через апелляцию к трендовому понятию. В этом смысле процесс экспансии морфемы «арт» в Санкт-Петербурге коррелирует с теорией «креативного города» Ч. Лэндри [27] и Р. Флориды [28], согласно которой вербальные маркеры «креативности» становятся инструментом экономической капитализации пространства. Однако при этом, как указывает Я. Бломмарт, такого рода знаки, функционирующие как индексные маркеры статуса (indexical signs of status) [29], часто утрачивают исходный денотат, и в конечном итоге такой процесс может приобретать черты «семиотического паразитизма» [30].

При интерпретации результатов анализа также необходимо иметь в виду теорию «пространственного репертуара» А. Пенникока [15], который рассматривает язык не как абстрактную систему, а как ресурс, неразрывно связанный с материальными объектами и конкретными точками ландшафта. Такой подход позволяет интерпретировать морфему «арт» не просто как слово,

а как активно воздействующий фактор изменения восприятия городской среды. Более того, согласно этой теории, поведение человека, в том числе и языковое, находится в зависимости от его местонахождения. Соответственно, вывески типа «арт-кластер» не просто называют место, а диктуют новые правила поведения в нем, что гипотетически может расходиться с традиционным петербургским социокультурным кодом.

Материалы и методы

При выборе аналитических процедур принималось во внимание, что лексема «арт» в городской среде функционирует как мультимодальный знак, смысл которого конструируется на пересечении вербального кода и контекста его размещения. Соответственно, методология исследования базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем методы городской социосемиотики с лингвистическим (морфологический, семантический и дискурсивный) и количественным анализом. В рамках городской социосемиотики исследование опирается на мультимодальный анализ (анализ визуальных и материальных смыслов) [31] и геосемиотический подход [32], согласно которому исследование фокусируется не только на словарном значении морфемы, но и на ее размещении (*emplacedness*), что дает возможность зафиксировать процессы ресемантизации и лингвистической джентрификации в конкретных локациях Санкт-Петербурга. В результате лексема «арт» рассматривается не как изолированная единица, а как элемент, участвующий в процессах ресемантизации городской среды и ее артификации.

Эмпирическую базу составил корпус из 300 вербальных единиц, содержащих морфему «арт», зафиксированных в Санкт-Петербурге в 2023–2024 гг. Для формирования первичной выборки объектов исследования был применен метод автоматизированного поиска с использованием AI на Google Search, powered by the Gemini family of models². Поиск осуществлялся согласно промпту: «Составь список локаций (названия учреждений, общественных пространств или географических объектов), в названии которых содержится морфема „арт“. Для каждой локации укажи ее тип и дай краткое описание деятельности. Результат представь в виде таблицы». Таким образом, поиск проводился по формальному (морфемному) признаку – наличию в названии локации морфемы «арт». Использование данного инструмента позволило автоматизировать процесс сбора данных из открытых источников и извлечь урбанонимы из геоинформационных систем (2ГИС, Яндекс Карты). На втором этапе автоматизированный поиск подкреплялся визуальным аудитом, который обеспечил полевую фиксацию объектов в выбранных локациях для анализа шрифтового оформления и архитектурного контекста. На третьем этапе локации проверялись вручную по картам 2ГИС и Яндекс Картам.

Для сравнительного анализа внутри города были выбраны три контрастных площадки:

- **Площадка А («Золотой треугольник»):** Здесь «арт» конкурирует с классическим «музейным» кодом. Это зона высокого сопротивления исторического субстрата.
- **Площадка Б (Васильевский остров / Петроградская сторона):** «Креативное ядро» города с максимальной плотностью институционализированных арт-пространств. Это зона институционализированного «арта».
- **Площадка В (Обводный канал / так называемый «Серый пояс»):** Бывшие индустриальные территории, проходящие через стадию лингвистической джентрификации. Это зона активной ресемантизации и лингвистической джентрификации.

При выделении данных площадок принимались во внимание такие критерии, как доминирующий семиотический код (классический/музейный, креативный или трансформационный), вектор джентрификации, тип семиотического процесса (конкуренция арта с историческим субстратом, легитимизация арта как подтвержденного статуса места, арт как маркер городских изменений). Данный подход опирается на принципы геосемиотики [32], в рамках которой

² Google. (2024). Gemini (версия от 11.03.2026) [Large language model]. <https://gemini.google.com>

значение лингвистической единицы рассматривается в неразрывной связи с социокультурным статусом территории. Выбор Площадок А, Б и В репрезентирует три разные стадии «артификации» городского пространства: от сопротивления исторической среды до радикальной ресемiotизации индустриальных зон. Таким образом, главным критерием является интерпретация доминирующего семиотического кода. Так, Площадка А (Центр) имеет высокий статус «традиционной» культуры. Площадка Б (Васильевский остров и Петроградская сторона) – это устоявшаяся среда арт-кластеров. Постсоветский промышленный контекст характеризует Площадку В, которая трансформируется в результате активного процесса джентрификации.

При обработке корпуса также использовалась методология дискурс-анализа, которая позволяет выявлять скрытые за именовани^{ем} прагматические установки. В свою очередь, для измерения степени «отрыва» значения лексемы «арт» от исходного денотата, коим выступает отнесенность к искусству (именно так определяет значение данной лексемы Большой толковый словарь русского языка³), применяются методы компонентного и дефиниционного анализа. Степень отрыва определяется через количество утраченных или добавленных семантических признаков в структуре производного слова. При нулевой степени (органическая/денотативная) лексема сохраняет прямую связь с художественной деятельностью (арт-галерея, арт-объект, арт-пространство), и семантический компонент «искусство» является ядерным. Средняя степень (коннотативная/ассоциативная) наблюдается, когда прямая связь с искусством ослабевает, лексема начинает указывать на стиль, атмосферу или креативный подход (арт-кафе, арт-буфет, арт-отель). Здесь компонент «искусство» переходит из ядра в периферию, заменяясь семой «эстетизация досуга». Наконец, высокая степень (прагматическая/симулятивная) реализуется, когда связь с денотатом «искусство» становится номинальной или исчезает. Лексема функционирует как чисто маркетинговый маркер престижа, уникальности или «необычности» сервиса (арт-терапия, арт-базар, арт-двор). Ядерной семой становится «эксклюзивность» или «нестандартность».

Структура статьи подчиняется логике, в соответствии с которой аналитический вектор направлен от формы знака к его значению и назначению. Обсуждение начинается с морфологического анализа, основанием которого выступает морфологический признак – место лексемы «арт» в составе урбанонима, далее предложена типология названий по референциальному признаку, за которой следует классификация урбанонимов с элементом «арт», основанная на степени семантической связи этой морфемы с денотатом, и их распределение по выделенным локационным площадкам. Вслед за этим представлена частотность названий с «арт» в лингвистическом ландшафте Санкт-Петербурга.

Обсуждение и результаты

Представляется, что анализ урбанонимов, содержащих морфему «арт», следует начать с их морфологии. Морфологический анализ позволяет выделить три основные группы городских именовани^й с морфемой «арт». Во-первых, это дефисные гибриды, построенные по типу АРТ + ОБЪЕКТ: арт-центр «Борей», арт-пространство «Севкабель Порт», арт-галерея «Мольберт», «Арт-отель Рахманинов» или «Арт-отель Моховая» и т.д. Это самая большая группа, где «арт» выступает в роли префиксоидного определения перед опорным словом: арт-пространство, арт-ярмарка, арт-объект, арт-базар, арт-центр, арт-отель, арт-двор. Дефисное написание представляет собой нормативную для русского языка модель, именно это обстоятельство объясняет подавляющее большинство таких примеров в Санкт-Петербурге. Экономя усилия, данные урбанонимы замещают словосочетания типа «художественное пространство», предлагая современное прочтение того, что именовалось искусством и было с ним связано.

Вторую группу составляют наименования, оформленные слитно: Артквартал (названия жилых комплексов, например, «Артквартал Аквилон»), Артмуза (музей современного искусства

³ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 47.

на Васильевском острове), Артплей (дизайн-центр Artplay SPb на Красногвардейской площади), Артхаус (название жилого комплекса на Звенигородской), Артстудия (сеть апарт-отелей). С точки зрения морфологии «арт» здесь ведет себя как префиксоид, заменяя собой прилагательное «художественный» или «творческий» для создания более лаконичного и «современного» образа объекта. Чаще всего такие названия относятся к категории эргонимов (названия организаций) или ойконимов (названия зданий и ЖК), так как официальные названия улиц (годонимы) в Санкт-Петербурге пока избегают подобных заимствований.

Третья группа представлена иноязычными заимствованиями, демонстрирующими не только графическую гибридизацию, но и специфические способы словообразования в коммерческом именовании. В латинице представлены ArtLine (ЖК «ArtLine в Приморском»), ArtStudio (сеть отелей/арт-пространств, например, «ArtStudio Moskovsky»), RichArt (часть названия ЖК «Rich'Art Club», часто употребляемая слитно в поисковых запросах и рекламных материалах). Использование латиницы в эргонимах подчеркивает премиальность и международный статус объекта, что демонстрируют названия гостиниц. Интересным примером каламбура является название ЖК «Rich'Art Club»: благодаря написанию образован единый блок, напоминающий имя собственное Richard, ассоциирующееся с королевским статусом. Использование латиницы выделяет название в кириллическом тексте и работает как визуальный маркер современности и международной ориентации. Прагматически такие названия ориентированы на создание образа креативного, европейского пространства, что типично для процесса джентрификации Санкт-Петербурга.

Четвертую группу можно охарактеризовать как гибридную. Графические гибриды, или кентавры в терминологии Т.В. Поповой [33, с. 43], представляют собой самый яркий пласт рассматриваемых урбанонимов. В Санкт-Петербурге они чаще всего строятся по модели ЛАТИНИЦА (корень) + КИРИЛЛИЦА (аффикс или корень): Артпространство, Артпаркинг, Артрезиденция. Возможность использования латинизированного написания обусловлена понятностью и легкой считываемостью данной морфемы. Комбинация кириллицы и латиницы знаменует встраивание подобного рода учреждений в международный контекст. Прагматически они указывают на статус данных объектов, отмежевываясь от традиционного «культурного учреждения».

И, наконец, выделяется группа, где «art/арт» стоит в финальной позиции (постфиксальная модель, например, ПитерArt). Перенос морфемы в финальную позицию (постпозиция) меняет акценты: если в префиксальной позиции «арт-» обычно указывает на категорию объекта (какой он?), то постфикс «-арт» часто работает как название бренда или индикатор сопричастности к творческому сообществу. Типичным примером регионального нейминга, объединяющим локальную идентичность и сферу деятельности является ПитерАрт (или PiterArt). МолокоАрт — пример из сферы креативных кластеров (центр искусств «Молоко»), где «арт» добавляется к уже существующему бренду для уточнения его новой функции. ФлораАрт (или Flora Art) — сеть цветочных салонов и студий фитодизайна, где флористика возводится в ранг искусства. В таких композитах первое слово (детерминант) называет сферу, а «-арт» указывает на творческий метод. Кульминацией этого типа словосложения является название музея Эрарта — этот уникальный бренд является контаминацией двух слов «эра» и «арт». В результате название работает на глобальные тренды и легко считывается как российским, так и иностранным туристом (era + art). В отличие от префиксальных форм, постфиксальные формы в рекламе почти всегда пишутся слитно или с использованием CamelCase, чтобы избежать громоздкости (не «Питер-Арт», а «PiterArt»).

Все перечисленные группы можно визуализировать в сводной таблице употребления морфемы «арт» в урбанонимах Санкт-Петербурга (табл. 1).

Таблица 1. Модели употребления морфемы «арт» в урбанонимах Санкт-Петербурга
Table 1. Models of the “art” morpheme usage in Saint Petersburg urbanonyms

Модель написания	Тип морфемы	Примеры (Санкт-Петербург)	Лингвистическая функция
Слитная (кириллица)	Префиксоид	Артмуза, Артквартал, Артхаус	Создание цельного терминологического образа (маркер джентрификации)
Слитная (латиница)	Префиксоид	ArtLine, ArtStudio, Artdynamics	Статусная маркировка («европейский» стандарт), часто с использованием CamelCase
Дефисная (норма)	Префиксоид	Арт-отель, Арт-центр, Арт-паркинг	Грамматическое освоение заимствования русским языком как сложного слова
Гибридная (смесь)	Графический кентавр / графогибрид	Артквартал, Артпространство	Визуальная аттракция: латиница работает как идеограмма «искусства»
Постфиксальная	Постпозитив	ПитерАрт, МолокоАрт, ФлораАрт	Уточнение специализации: сначала объект/бренд, затем сфера творчества

Таким образом, есть все основания констатировать, что, во-первых, в топонимике Санкт-Петербурга наблюдается некоторый дрейф от нормативного дефисного написания к слитному и гибриднему. Это связано с требованиями нейминга: краткостью, визуальной броскостью и стремлением избежать «канцелярского» вида официальных названий. При том, в Санкт-Петербурге превалируют урбанонимы с дефисом (это самый массовый вариант, который подчиняется правилам орфографии), слитное написание характерно для эргонимов, которые стали брендами: девелоперы и владельцы креативных кластеров часто превращают «арт» в часть корня, чтобы название выглядело как цельный логотип: лофт-проект «Артмуза», ЖК «Артквартал» (официальное кириллическое название), ювелирная мастерская «АртНева». Во-вторых, очевидна продуктивность изучаемой морфемы. Сегодня «арт-» добавляется даже к сугубо бытовым объектам (арт-кофейня, арт-парикмахерская), что свидетельствует, с одной стороны, о лингвистической креативности, а с другой, об «эстетизации» городского быта – лингвистическом тренде, где «арт» призван служить сигналом качества и «необычности» места.

По референциальной отнесенности, то есть объекту номинации, можно выделить группы урбанонимов с названиями локаций, коммерческих объектов, элементов навигации и событий. Названия локаций маркируют творческие зоны в городе: арт-кластер (территория бывших заводов, превращенная в творческое пространство), арт-квартал (район с высокой концентрацией галерей и мастерских), арт-пространство (универсальное название для лофтов и галерей), арт-резиденция (место, где живут и работают художники), арт-отель (гостиница с дизайнерским интерьером). Вторую группу представляют коммерческие объекты, она включает слова, которые используют бизнесмены, чтобы подчеркнуть уникальность: арт-кафе / арт-ресторан (заведение с культурной программой или необычным декором), арт-маркет (ярмарка изделий ручной работы), арт-бутик (магазин концептуальной одежды или предметов интерьера), арт-студия (школа рисования или мастерская). Третья группа охватывает слова, которые можно встретить на афишах и указателях и которые именуют элементы навигации и событий: арт-инсталляция (временная художественная конструкция в городской среде), арт-перформанс (живое уличное выступление), арт-терапия (часто встречается на вывесках психологических или творческих центров), арт-фестиваль (крупное городское событие). И, наконец, четвертая группа представлена современным сленгом, отсылающим к типу искусства: стрит-арт / street art (ключевое слово ландшафта, обозначающее уличное искусство), паблик-арт / public art (искусство в общественных пространствах – в парках, на площадях).

На основе анализа денотативной связи морфемы «арт» с художественной деятельностью выделяются три типа семантизации: органический, коннотативный и симулятивный. Органический тип семантизации характеризуется прямой и неразрывной связью названия с профессиональной художественной деятельностью. В данном случае морфема «арт» выполняет денотативную функцию, указывая на реальное функциональное назначение объекта: «Арт-Муза», галерея «Арт-Лига», «Арт-аптека» (мастерские при Академии художеств), Митьки-Арт-Центр (пространство, посвященное творчеству знаменитой арт-группы «Митьки»). Таким образом маркируются институции, производящие или экспонирующие профессиональное искусство. Что характерно, преимущественной локализацией (42% выборки) таких именовании выступают Васильевский остров и Петроградская сторона. Коннотативный тип семантизации основан на использовании добавочных смыслов морфемы (престиж, креативность, уникальность) для капитализации объектов, напрямую не связанных с созданием искусства, но обеспечивающих среду для его восприятия: «Арт-отель Рахманинов», «Арт-кафе Бродячая собака», креативное пространство «Арт-плей СПб». В данном случае морфема «арт» выступает как маркетинговый инструмент, транслирующий ценности «культурного досуга» и повышающий статус коммерческого объекта. Локализация номинаций этого типа связана с «Золотым треугольником» (28%) и зонами ревитализации Обводного канала (21%). Наконец, симулятивный тип семантизации представляет собой крайнюю степень девальвации значения, где морфема «арт» становится пустой лексемой-маркером любых оформительских или образовательных услуг базового уровня и превращается, по сути, в формант. Связь с художественным контекстом здесь носит формальный или имитационный характер: «Арт-декор» (отделочные материалы), «Арт-студия Крошка» (досуговый центр), «Арт-фехтование». В названиях с этим типом семантизации «арт» уподобляется приставке, становясь модным клише для обозначения любой деятельности, предполагающей минимальный элемент декоративности или ручного труда. Эти урбанонимы локализованы на окраинах и в спальнях районах (9%).

Предложенная классификация подытожена в табл. 2.

Таблица 2. Сравнительная характеристика типов арт-номинаций
Table 2. Comparative characteristics of art-nomination types

Тип ресемантизации	Примеры (эргонимы Санкт-Петербурга)	Доля в корпусе	Семантическая доминанта
Органический	Арт-муза, Арт-центр «Борей»	22%	Искусство как продукт и процесс
Коннотативный	Арт-отель, Арт-кафе, Арт-бутик	56%	Искусство как «атмосфера» и сервис
Симулятивный	Арт-чебуречная, Арт-клининг	22%	«Арт» как пустой маркетинговый знак

Особый интерес представляет корреляция семантики слова и его визуального воплощения, что становится заметным при полевом исследовании. Так, в «Золотом треугольнике» доминирует «сдержанный» дизайн (лаконичные шрифты, металл, стекло), транслирующий идею элитарности и преемственности классики. В зонах «Серого пояса» (например, арт-пространство «Севкабель Порт») преобладают индустриальный леттеринг и неон, подчеркивающие контраст между брутальной архитектурой завода и «легким» творческим наполнением. Здесь «арт» выступает как лингвистический маркер джентрификации.

Следующим критерием для классификации номинаций, содержащих морфему «арт», является социально-прагматическая функция, которая связывает «арт» и статус объекта. В этом плане морфема «арт» может выступать для маркирования пространства, ресемантизации вещей, для введения новой идентичности, как элемент языковой игры. Локативный вектор, направленный

на маркирование пространства в модели АРТ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ МЕСТА, превращает «арт» в классификатор территории: арт-пространство (универсальный термин), арт-квартал (масштабирование), арт-подвал (специфический петербургский локус, апелляция к «Бродячей собаке»), арт-двор (адаптация к архитектурной специфике города). Объектный вектор, работающий по модели АРТ + ПРЕДМЕТ и осуществляющий ресемантизацию, приводит к превращению утилитарного или технического предмета в эстетический феномен: арт-объект (замена «памятника» или «скульптуры»), арт-инсталляция (акцент на временности и процессе), арт-механика (популярно в петербургском стимпанк-сообществе). Субъектно-деятельностный вектор, связанный с новой профессиональной идентичностью и реализующийся в модели АРТ + ПРОФЕССИЯ/ДЕЙСТВИЕ, смещает фокус с «художника» как творца на «арт-деятеля» как менеджера или участника процесса: арт-банкинг (финансовый аспект искусства), арт-терапия (функциональный аспект), арт-менеджмент (управленческий аспект). Гибридный вектор, отвечающий за языковую игру и нейминг и имеющий модель АРТ + МЕТАФОРА, является самым продуктивным слоем в коммерческом ландшафте Санкт-Петербурга: арт-находка (магазины), арт-муза (название конкретного музея современного искусства на Васильевском острове), арт-клиника (в контексте «излечения» через визуальность).

По сути, динамика использования «арт» свидетельствует, что эта морфема превращается в универсальный префиксоид с неограниченной валентностью, способный присоединяться к различным лексемам технической сферы (арт-механика, арт-строй), гастрономической сферы (арт-кейтеринг, арт-завтрак), медицинской сферы (арт-дентал, арт-терапия). Это свидетельствует об активном процессе анализации данной единицы: она находится на грани утраты статуса корня, становясь своеобразным служебным компонентом, сигнализирующим о принадлежности объекта к «креативному классу» вне зависимости от его реального профиля.

Классификацию урбанонимов, содержащих морфему «арт», по степени семантической деривации дополняет анализ распределения арт-номинаций в исследуемых локациях, который демонстрирует прямую зависимость от исторического субстрата территории. Ядро (42%) представлено Васильевским островом и Петроградской стороной, которые аккумулируют почти половину всех локаций, подтверждая статус исторического центра креативных индустрий и указывая на высокую концентрацию креативного капитала в исторической среде. Коммерческий центр (28%) в виде «Золотого треугольника» демонстрирует значительную плотность, ориентированную на культурный туризм и премиальный сектор. Обводный канал как зона развития (21%) показывает потенциал ревитализации промышленных территорий и переосмысление «Серого пояса». Низкий показатель (9%) на окраинах свидетельствует о дефиците арт-объектов в спальных районах и их бытовом характере, а также подчеркивает низкую интенсивность культурного брендинга в спальных районах.

Полученные данные можно представить на рис. 1 и в табл. 3, которые демонстрирует концентрацию объектов, выделяя лидерство Васильевского острова и Петроградской стороны как главного творческого ядра города.

Таким образом, есть основания для четкой корреляции между локацией объекта и смысловой нагрузкой морфемы «арт» (табл. 3). Если в ядре (42%) преобладают профессиональные институции, то на окраинах (9%) номинация упрощается до обозначения услуг в сфере детского развития или бытового декора.

Анализ конкретных наименований (табл. 3) показывает семантическую трансформацию изучаемой морфемы: от институционального значения (музеи, галереи) в центре города до прагматического и образовательного (курсы, декор-услуги) в периферийных районах.

Подводя итог анализу лингвистического ландшафта Санкт-Петербурга на предмет функционирования номинаций с морфемой «арт», можно констатировать, что в современном лингвистическом ландшафте мегаполиса наблюдается активная экспансия «парадигмы арта», что

Рис. 1. Распределение плотности локаций с морфемой «арт» в топонимике и брендинге пространств Санкт-Петербурга (составлено на основе автоматизированного поиска ИИ Gemini, 2024 [21])

Fig. 1. Density distribution of locations with the “art” morpheme in the toponymy and spatial branding of Saint Petersburg (based on automated search by AI on Google Search, 2024 [21])

Таблица 3. Распределение локаций с морфемой «арт» по функционально-географическим зонам Санкт-Петербурга
Table 3. Distribution of locations with the “art” morpheme by functional and geographical zones of Saint Petersburg

Географический кластер	Доля, %	Типичные примеры (кейсы)	Характеристика зоны
Васильевский остров / Петроградская сторона	42	«Арт-Муза», «Арт-аптека», галерея «Арт-Лига», кластер «Вавилов Лофт»	Историческое ядро креативных индустрий и мастерских
«Золотой треугольник» (Центр)	28	«Арт-отель Рахманинов», «Арт-кафе Бродячая собака», «Арт-галерея Мольберт»	Преимущественно коммерческий и туристический сектор
«Серый пояс» (Обводный канал)	21	Креативное пространство «Ткачи» (ист.), «Люмьер-Холл», «Арт-плей СПб»	Зоны ревитализации и джентрификации промзон
Окраины / Спальные районы	9	«Арт-студия Крошка», «Арт-декор», курсы «Арт-терапия в Кудрово»	Бытовой сервис, досуговая и образовательная инфраструктура

закрепляет процесс эстетизации утилитарного пространства. Выступая в роли прагматического маркера, «арт» последовательно вытесняет лексему «искусство», переводя объект из категории высокого, элитарного созерцания в категорию событийного потребления. Если «искусство» институционально и статично, то «арт» характеризуется мобильностью, гибридностью и инклюзивностью. Параллельно можно зафиксировать и поглощение этим элементом семантического поля понятия «культура»: городская среда перестает транслировать культуру как систему ценностей, заменяя ее «арт-индустрией» как набором визуальных и коммуникативных практик.

Заключение и выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов, касающихся, с одной стороны, функционирования морфемы «арт» в урбанонимах Санкт-Петербурга, а с другой, тенденций, которые характеризуют развитие лингвистического ландшафта и «петербургского текста».

1. С точки зрения морфологического статуса морфема «арт» окончательно закрепились в русском языке в статусе префиксоида переходного типа. Чрезвычайная продуктивность морфемы «арт», свидетельствующая о ее практически неограниченной валентности, полностью отвечает востребованности в знаке такого рода для образования урбанонимов, маркирующих социальный статус и процесс артификации. В эпоху экономики впечатлений процесс артификации – превращения нехудожественных объектов и практик в эстетически значимые активы – становится стандартом коммерческой коммуникации, при котором лексема «арт» используется как прагматический маркер для повышения рыночной привлекательности обыденных товаров и услуг. Вместе с тем в лингвистическом отношении ее неизменяемость и неограниченная валентность являются маркером развития тенденции к аналитизму в русском языке.

2. За внешней морфологической активностью скрываются семантические процессы, свидетельствующие о семантической девальвации арта: рассматриваемая морфема переходит в сегмент симулякров (арт-шаверма, арт-забор), свидетельствуя о том, что «арт» перестает быть дескриптором деятельности и становится чистым прагматическим сигналом престижа.

3. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что распределение арт-номинаций в пространстве Санкт-Петербурга носит выраженный центробежный характер, при котором семантическая нагрузка морфемы «арт» претерпевает качественную трансформацию по мере удаления от исторического центра. Анализ социально-прагматической функции позволяет ставить вопрос об изменениях парадигмы города: ресемантизация урбанонимов Санкт-Петербурга, образованных на основе морфемы «арт», подтверждает гипотезу о трансформации «города-книги» (требующего чтения смыслов) в «город-интерфейс» (требующий быстрого реагирования на визуальные триггеры).

В результате наблюдается определенная десакрализация и вместе с тем демократизация отнесенности к искусству, так как оно само вытесняется демократичным искусством. Если слово «искусство» требует дистанции и академизма, будь то музей или театр, то «арт» снимает этот барьер, позволяя называть «искусством» кофейню, забор или двор (трансформация в «арт-объект»). В названии «арт» служит коммерческим сигналом, повышающим капитализацию локации, становясь соответствующим маркетинговым лингвомаркером. Поскольку «арт» позволяет заполнять лакуны там, где слово «искусство» звучит слишком претенциозно, диффузный «арт» превращается в универсальный «дизайнерский» заменитель для любых форм творческой активности. При этом художественные смыслы исторического центра сменяются имитационными формами на периферии города. Инвазивный характер использования морфемы «арт» в урбанонимах Санкт-Петербурга маркирует переход от просветительской модели культуры, свойственной для искусства, к брендингованию объектов индустрии впечатлений – при этом языку отводится роль фиксатора привлекательного имиджа той или иной локации.

Резюмируя, можно констатировать, что экспансия морфемы «арт» в лингвистическом ландшафте Санкт-Петербурга, то есть топонимическом представлении «петербургского текста», свидетельствует об очевидной трансформации семиотического кода города: фокус смещается с классического понятия «искусство» на современные востребованные тренды, что может грозить унификацией городского пространства и размыванием локальной специфики культурных смыслов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 3. С. 493–514. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-493-514

2. **Landry R., Bourhis R.Y.** Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. Vol. 16, Iss. 1. P. 23–49. DOI: 10.1177/0261927X970161002
3. **Gorter D.** Introduction: The Study of the Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism // *International Journal of Multilingualism*. 2006. Vol. 3, Iss. 1. P. 1–6. DOI: 10.1080/1479-0710608668382
4. **Топоров В.Н.** Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство – СПб, 2003. 616 с.
5. **Варламова Е.В., Гафиятулина О.В., Ковылова Д.Д.** Оказиональные эргонимы Санкт-Петербурга и Казани с англоязычным компонентом: структура, этимология, коммуникативные стратегии // *Глобальный научный потенциал*. 2025. Т. 1, № 12 (177). С. 293–297.
6. **Голомидова М.В., Разумов Р.В., Горяев С.О., Дмитриева А.В., Клименко Е.Н., Лань Л.** Городская топонимия: современная политика и практика именования / под ред. М.В. Голомидовой, С.О. Горяева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. 216 с.
7. **Ильина Н.О., Ляпидовская М.Е., Бусурина Е.В.** Новые урбанонимы Санкт-Петербурга и Ленинградской области (2002–2024): мотивация, классификация и тенденции // *Научный диалог*. 2025. Т. 114, № 9. С. 48–67. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-48-67
8. **Щукина К.А., Ли Ш.** Лингвокультурные коды в эргонимах Санкт-Петербурга (на примере названий ресторанов Санкт-Петербурга) // *Litera*. 2025. № 3. С. 191–201. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.3.73794
9. **Эмих Т.А., Мачковская Л.Я.** Наименования современных жилых комплексов Санкт-Петербурга сквозь призму этнокультурной ценности // *Архонт*. 2025. № 18 (69). С. 289–299.
10. **Иванова С.В.** От искусства к арту: что показывает корпус // *Российский гуманитарный журнал*. 2025. Том 14, № 4. С. 224–231. DOI: 10.15643/libartrus-2025.4.2
11. **Петрухина Е.В.** Новые явления в русском словообразовании // Образовательный портал Слово. URL: https://portal-slovo.ru/philology/45939.php?sphrase_id=200655 (дата обращения: 11.03.2026).
12. **Полежаева С.С.** Языковой элемент АРТ- и его представление в системе языка и в публицистической речи // *Феноменология современных медиасистем и медиатекстов: материалы международной научно-практической конференции*. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2019. С. 213–218.
13. **Backhaus P.** Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. X, 158 p.
14. *Semiotic Landscapes: Language, Image, Space* / ed. by A. Jaworski, C. Thurlow. London: Continuum, 2010. IX, 314 p.
15. **Pennycook A.** Posthumanist applied linguistics. London: Routledge, 2017. 180 p.
16. **Чернявская В.Е.** Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2023. № 2 (36). С. 50–73. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73
17. **Чернявская В.Е.** Типографический ландшафт и прагматика типографической вариативности // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2023. Т. 22, № 5. С. 89–100. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.5.6
18. *The Handbook of Linguistic Landscapes and Multilingualism* / ed. by D. Gorter, J. Cenoz. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2025. 640 p. DOI: 10.1002/9781394231805
19. **Chernyavskaya V.E., Zharkynbekova S.K.** Code switching patterns in Kazakh-Russian hybrid language practice: An empirical study // *Training, Language and Culture*. 2024. Vol. 8, Iss. 2. P. 9–19. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-2-9-19
20. **Ефимова А.В., Саввина И.С.** Образ города в немецкой лирике эпохи экспрессионизма // *Terra Linguistica*. 2023. Т. 14, № 4. С. 39–51. DOI: 10.18721/JHSS.14403
21. **Androutopoulos J.** Digital linguistic landscapes // *Expanding the linguistic landscape: Linguistic diversity, multilingualism and the social world* / ed. by M. Pütz, N. Mundt. Bristol: Multilingual Matters, 2021. P. 50–70.
22. **Yang Z., Zhang L.J.** Examining the Impact of Digital Linguistic Landscapes on Students' Motivation, and Self-Perceived Achievement in Second Language Writing // *International Journal of Applied Linguistics*. 2025. Vol. 36, Iss. 1. Pp. 652–666. DOI: 10.1111/ijal.12801
23. **Shohamy E., Gorter D.** Linguistic Landscape: Expanding the Scenery. Routledge, 2009. 370 p. DOI: 10.4324/9780203930960

24. **Shapiro R., Heinich N.** When is artification? // *Contemporary Aesthetics*. 2012. Iss. 4. Pp. 1–11.
25. **Papen U.** Commercial discourses, gentrification and citizens' protest: The linguistic landscape of Prenzlauer Berg, Berlin // *Journal of Sociolinguistics*. 2012. Vol. 16, Iss. 1. Pp. 56–80. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2011.00518.x
26. **Vandenbroucke M.** Socio-economic stratification of English in globalized landscapes: A market-oriented perspective // *Journal of Sociolinguistics*. 2016. Vol. 20, Iss. 1. Pp. 86–108. DOI: 10.1111/josl.12166
27. **Landry C.** *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. Earthscan, 2000. 300 p.
28. **Florida R.** *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. New York: Basic Books, 2002. 404 p.
29. **Blommaert J.** *Ethnography, Superdiversity and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity*. Bristol: Multilingual Matters, 2013. XIV, 125 p. DOI: 10.21832/9781783090419
30. **Baudrillard J.** *Simulacra and simulation* / trans. by S.F. Glaser. University of Michigan Press, 1994. 164 p. DOI: 10.3998/mpub.9904
31. **Kress G., Van Leeuwen T.** *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2006. 288 p.
32. **Scollon R., Scollon S.W.** *Discourses in Place: Language in the Material World*. London; New York: Routledge, 2003. 258 p. DOI: 10.4324/9780203422724
33. **Попова Т.В.** Новые явления в русском словообразовании конца XX – начала XXI веков // *Филологический класс*. 2004. № 12. С. 42–47.

REFERENCES

- [1] **Pavlenko A.**, Linguistic Landscape and other Sociolinguistic Methods in the Study of Russian Language Abroad, *Russian Journal of Linguistics*, 21 (3) (2017) 493–514. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-493-514
- [2] **Landry R., Bourhis R.Y.**, Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality, *Journal of Language and Social Psychology*, 16 (1) (1997) 23–49. DOI: 10.1177/0261927X970161002
- [3] **Gorter D.**, Introduction: The Study of the Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism, *International Journal of Multilingualism*, 3 (1) (2006) 1–6. DOI: 10.1080/14790710608668382
- [4] **Toporov V.N.**, *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannyye trudy* [The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works], *Iskusstvo – SPB*, St. Petersburg, 2003.
- [5] **Varlamova E.V., Gafiyatullina O.V., Kovylova D.D.**, Occasional Ergonyms of St. Petersburg and Kazan with English and English-Associated Components: Structure, Etymology, Communicative Strategies, *Global Scientific Potential*, 12 (177) (2025) 293–297.
- [6] **Golomidova M.V., Razumov R.V., Goryayev S.O., Dmitriyeva A.V., Klimentko Ye.N., Lan L.**, *Gorodskaya toponimiya: sovremennaya politika i praktika imenovaniya* [Urban toponymy: modern policy and practice of naming], ed. by M.V. Golomidova, S.O. Goryayev, Ural University Publishing House, Yekaterinburg, 2023.
- [7] **Ilina N.O., Lyapidovskaya M.E., Busurina E.V.**, New Urbanonyms of St. Petersburg and Leningrad Region (2002–2024): Motivation, Classification, and Trends, *Nauchnyi dialog*, 14 (9) (2025) 48–67. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-48-67
- [8] **Shchukina K.A., Li Sh.**, Linguocultural Codes in Ergonyms of St. Petersburg (Based on the Names of Restaurants in st. Petersburg), *Litera*, 3 (4) (2025) 191–201. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.74-195
- [9] **Emikh T.A., Machkovskaya L.Ya.**, Names of Modern Apartment Complexes of Saint Petersburg through the Prism of Ethnocultural Value, *Arkhont*, 18(69) (2025) 289–299.
- [10] **Ivanova S.V.**, From high art to art: what the corpus reveals, *Liberal Arts in Russia*, 14 (4) (2025) 224–231. DOI: 10.15643/libartrus-2025.4.2
- [11] **Petrukhina Ye.V.**, *Novyye yavleniya v russkom slovoobrazovanii* [New phenomena in Russian word formation], *Obrazovatelnyy portal Slovo* [Educational portal Word]. Available at: https://portal-slovo.ru/philology/45939.php?sphrase_id=200655 (accessed 11.03.2026).

[12] **Polezhayeva S.S.**, Yazykovoy element ART- i yego predstavleniye v sisteme yazyka i v publitsicheskoy rechi [The linguistic element of ART and its representation in the language system and in journalistic speech], *Fenomenologiya sovremennykh mediasistem i mediatekstov* [Phenomenology of modern media systems and media texts:], Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Izd-vo Pridnestr. un-ta, Tiraspol, 2019, pp. 213–218.

[13] **Backhaus P.**, *Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*. Multilingual Matters, Clevedon, 2007.

[14] *Semiotic Landscapes: Language, Image, Space*, ed. by A. Jaworski, C. Thurlow, Continuum, London, 2010.

[15] **Pennycook A.**, *Posthumanist applied linguistics*, Routledge, London, 2017.

[16] **Chernyavskaya V.E.**, *Typography as Social Index: Soviet Landscape in the Modern Russian Discourse*, *Praxema. Journal of Visual Semiotics*, 2 (36) (2023) 50–73. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73

[17] **Chernyavskaya V.E.**, *Typographic Landscape: Pragmatics of Typographic Variation*, *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22 (5) (2023) 89–100. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.5.6

[18] *The Handbook of Linguistic Landscapes and Multilingualism*, ed. by D. Gorter, J. Cenoz, Wiley-Blackwell, Hoboken, 2025. DOI: 10.1002/9781394231805

[19] **Chernyavskaya V.E., Zharkynbekova S.K.**, *Code switching patterns in Kazakh-Russian hybrid language practice: An empirical study*. *Training, Language and Culture*, 8 (2) (2024) 9–19. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-2-9-19

[20] **Efimova A.V., Savvina I.S.**, *The image of the city in German lyric poetry of the Expressionist era*, *Terra Linguistica*, 14 (4) (2023) 39–51. DOI: 10.18721/JHSS.14403

[21] **Androutsopoulos J.**, *Digital linguistic landscapes, Expanding the linguistic landscape: Linguistic diversity, multilingualism and the social world*, ed. by M. Pütz, N. Mundt, *Multilingual Matters*, Bristol, 2021, pp. 50–70.

[22] **Yang Z., Zhang L.J.**, *Examining the impact of digital linguistic landscapes on students' motivation, and self-perceived achievement in second language writing*, *International Journal of Applied Linguistics*, 36 (1) (2025) 652–666. DOI: 10.1111/ijal.12801.

[23] **Shohamy E., Gorter D.**, *Linguistic Landscape: Expanding the Scenery*, Routledge, 2009. DOI: 10.4324/9780203930960

[24] **Shapiro R., Heinich N.**, *When is artification?*, *Contemporary Aesthetics*, 4 (2012) 1–11.

[25] **Papen U.**, *Commercial discourses, gentrification and citizens' protest: The linguistic landscape of Prenzlauer Berg, Berlin*, *Journal of Sociolinguistics*, 16 (1) (2012) 56–80. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2011.00518.x

[26] **Vandenbroucke M.**, *Socio-economic stratification of English in globalized landscapes: A market-oriented perspective*, *Journal of Sociolinguistics*, 20 (1) (2016) 86–108. DOI: 10.1111/josl.12166

[27] **Landry C.**, *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*, Earthscan, 2000.

[28] **Florida R.**, *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*, Basic Books, New York, 2002.

[29] **Blommaert J.**, *Ethnography, Superdiversity and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity*, *Multilingual Matters*, Bristol, 2013. DOI: 10.21832/9781783090419

[30] **Baudrillard J.**, *Simulacra and simulation*, trans. by S.F. Glaser, University of Michigan Press, 1994. DOI: 10.3998/mpub.9904

[31] **Kress G., Van Leeuwen T.**, *Reading Images: The Grammar of Visual Design*, 2nd ed., Routledge, London, New York, 2006.

[32] **Scollon R., Scollon S.W.**, *Discourses in Place: Language in the Material World*, Routledge, London, New York, 2003. DOI: 10.4324/9780203422724

[33] **Popova T.V.**, *New phenomena in Russian word formation of the late XX – early XXI centuries*, *Philological Class.* 12 (2024) 42–47.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Иванова Светлана Викторовна

Svetlana V. Ivanova

E-mail: svet_victoria@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0127-9934>

Поступила: 23.03.2026; Одобрена: 29.05.2026; Принята: 02.06.2026.

Submitted: 23.03.2026; Approved: 29.05.2026; Accepted: 02.06.2026.

Research article

UDC 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17205>

EDN: <https://elibrary/ZBMZVY>

ASSESSING THE FEASIBILITY AND CONSEQUENCES OF NIGERIA'S NATIONAL LANGUAGE POLICY ON FOREIGN LANGUAGE EDUCATION: A FOCUS ON FRENCH AND ARABIC

B. Isa , **R. Oyekulehin**

University of Ilorin, Ilorin, Nigeria

 isa.b@unilorin.edu.ng

Abstract. Nigeria's revised National Language Policy of 2022 reaffirms the importance of indigenous languages in education while retaining English, French, and Arabic as strategic languages for national cohesion, regional diplomacy, and global engagement. This paper critically examines the feasibility and consequences of implementing the policy, with particular attention to its implications for the teaching and learning of French and Arabic in Nigerian schools. Adopting a qualitative research design, the study draws on policy documents, historical accounts, educational reports, and relevant scholarly literature to assess the institutional, pedagogical, and sociolinguistic realities shaping policy implementation. Findings reveal a significant gap between the multilingual aspirations of the policy and the operational realities of Nigeria's educational system. Key challenges include inadequate institutional and infrastructural capacity, severe shortages of qualified and professionally prepared teachers, fragmented and outdated curricula, limited instructional resources, and sociolinguistic attitudes that privilege English over other languages. The study further shows that while French retains strategic value for regional integration and diplomacy within West Africa, Arabic remains largely confined to religious and cultural domains, limiting its broader educational and socioeconomic relevance. Despite these constraints, the policy's multilingual vision offers opportunities for cultural inclusivity, national integration, and international cooperation. The paper argues that the success of the policy depends on sustained investment in teacher education, curriculum renewal, monitoring mechanisms, and public awareness of multilingualism as a development strategy. It concludes with strategic recommendations for aligning Nigeria's linguistic diversity with the goals of global competence, educational equity, and sustainable national development.

Keywords: Nigeria, National Language Policy, French, Arabic, foreign language education, multilingualism.

Citation: Isa B., Oyekulehin R., Assessing the Feasibility and Consequences of Nigeria's National Language Policy on Foreign Language Education: A Focus on French and Arabic, *Terra Linguistica*, 17 (2) (2026) 78–93. DOI: 10.18721/JHSS.17205

Научная статья

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17205>

ОЦЕНКА ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ НИГЕРИИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: АКЦЕНТ НА ФРАНЦУЗСКИЙ И АРАБСКИЙ ЯЗЫКИ

Б. Иса , Р. Ойекулехин

Университет Илорина, Илорин, Нигерия

 isa.b@unilorin.edu.ng

Аннотация. Новая Национальная языковая политика Нигерии (НЯП, 2022) подтверждает роль коренных языков в образовании, сохраняя при этом английский, французский и арабский языки в качестве ключевых иностранных языков для обеспечения сплоченности народа, региональной дипломатии и межнационального взаимодействия. В данной статье критически оцениваются целесообразность и последствия внедрения НЯП, особенно в сферах преподавания и изучения французского и арабского языков в нигерийских школах. На основе качественного анализа политических документов, исторических источников, отчетов о педагогической деятельности и соответствующей научной литературы исследование выявляет структурные, педагогические и социолингвистические ограничения, влияющие на реализацию языковой политики. Результаты свидетельствуют о значительном разрыве между мультилингвальными амбициями НЯП и возможностями нигерийской образовательной системы. К числу ключевых проблем относятся недостаточный институциональный и инфраструктурный потенциал, острая нехватка квалифицированных педагогических кадров, фрагментированные и устаревшие учебные программы, ограниченность учебно-методических ресурсов, а также социолингвистические установки, отдающие приоритет английскому языку перед другими языками. Исследование также показывает, что, хотя французский язык сохраняет стратегическую ценность для региональной интеграции и дипломатии в пределах Западной Африки, арабский язык остается в значительной степени ограничен религиозной и культурной сферами, что сужает его образовательный и социально-экономический потенциал. Несмотря на указанные ограничения, мультилингвальная направленность НЯП способствует культурной инклюзивности, национальной интеграции и международного сотрудничества. В работе обосновывается, что успех политики зависит от последовательных инвестиций в подготовку педагогических кадров, обновление учебных программ, механизмы мониторинга и повышение осведомленности общества о многоязычии как стратегии развития. В заключение предлагаются стратегические рекомендации по гармонизации языкового разнообразия Нигерии с целями глобальной компетентности, образовательного равенства и устойчивого национального развития.

Ключевые слова: виртуальные среды обучения, изучение иностранных языков, нигерийские университеты, коммуникативный подход к обучению языку, социокультурная теория.

Для цитирования: Иса Б., Ойекулехин Р. Оценка целесообразности и последствий национальной языковой политики Нигерии применительно к обучению иностранным языкам: акцент на французский и арабский языки // *Terra Linguistica*. 2026. Т. 17. № 2. С. 78–93. DOI: 10.18721/JHSS.17205

Introduction

Language policy has remained a crucial component of Nigeria's sociocultural development and educational planning, largely because the nation hosts more than 500 indigenous languages that influence national identity, unity, and communication [1]. The recently introduced National Language Policy of 2022 attempts to harmonize the need to preserve these indigenous languages with the nation's aspiration for global connectivity, mandating that every learner acquire competence in an indigenous language,

English, and at least one major foreign language¹. The policy provides detailed guidelines across basic, post-basic, mass, and nomadic education, emphasizing the mother tongue or language of the immediate community as the primary medium of instruction at early levels while integrating English, French, and Arabic in complementary roles. Historically, English became dominant through colonial administration and has remained the principal language of governance, education, and socioeconomic mobility. Post-independence aspirations, especially the desire for stronger regional integration within West Africa, led to French being designated Nigeria's second official language in 1996, reflecting the country's strategic engagement with its Francophone neighbours [2]. Arabic, however, occupies a unique position due to its centuries-old presence as the language of Islamic scholarship and cultural exchange in northern Nigeria, long before British colonialism. Despite the progressive intentions of the policy, Nigeria faces persistent obstacles such as insufficient teacher preparation, lack of instructional materials, infrastructural deficiencies, and inconsistent policy implementation – issues that cast doubt on the feasibility of achieving sustainable multilingual education nationwide². This paper therefore evaluates the realism of the new policy by examining the pedagogical, cultural, and sociopolitical implications of teaching French and Arabic within Nigeria's multilingual context. It also interrogates how effectively the policy can be implemented across various educational levels and considers how Nigeria's linguistic diversity, if strategically managed, can shift from being a source of fragmentation to becoming a tool for national development, regional cooperation, and meaningful global engagement.

Literature Review and Historical Context

The development of language policy in Nigeria cannot be divorced from the country's complex colonial history, sociolinguistic diversity, and post-independence educational reforms. As Hauwa [3] observed, Nigeria's educational trajectory has consistently reflected the tension between inherited colonial structures and indigenous linguistic realities. The legacy of British colonial education, which privileged English as the sole medium of instruction, laid the foundation for linguistic inequality and the marginalization of both indigenous and foreign languages such as Arabic and French. This historical imbalance continues to shape Nigeria's educational policies and practices today.

Recent studies further demonstrate that colonial linguistic hierarchies remain deeply embedded in Nigeria's educational system. Scholars such as Omoniyi [4] and Bamgbose [5] argue that English continues to dominate institutional domains including governance, higher education, and economic activity, thereby reinforcing unequal linguistic prestige among languages within the country. This dominance has significant implications for the implementation of multilingual education policies.

During the pre-colonial era, education among the diverse Nigerian societies was deeply rooted in local cultural systems and religious traditions. In northern Nigeria, Arabic literacy flourished through Qur'anic schools that transmitted Islamic learning and served as centres of moral and intellectual formation. In contrast, many southern communities maintained indigenous educational systems emphasizing vocational skills, moral instruction, and communal participation. The introduction of Western education by Christian missionaries in the nineteenth century marked a decisive shift, as English quickly became the language of administration and modernization, while Arabic and indigenous languages were relegated to secondary status [3, 7].

Following independence in 1960, successive Nigerian governments attempted to redefine education as a tool for national integration and development. The National Policy on Education of 1977 represented the first deliberate effort to establish a nationally oriented educational framework. It was subsequently revised in 1981, 1998, 2004, and 2013 to respond to Nigeria's evolving sociopolitical and eco-

¹ Federal Republic of Nigeria, National Language Policy Implementation Framework, Federal Government of Nigeria, Abuja, 2023.

² Federal Ministry of Education. National policy on education, 6th ed., Nigerian Educational Research and Development Council (NERDC), Abuja, 2013.

conomic realities³. Across these policy revisions, the principle of multilingual education remained central, reflecting the recognition that Nigeria's linguistic diversity constitutes both a challenge and a national resource.

The National Language Policy⁴ builds upon this foundation by formally recognizing multilingualism as an integral component of educational development and national cohesion. The policy proposes a balanced linguistic framework in which learners acquire competence in an indigenous language, English, and at least one foreign language such as French or Arabic (see Appendix A).

The policy document stresses multilingual competence as essential for both national cohesion and global participation. However, several scholars argue that the effectiveness of Nigerian language policy depends largely on the availability of institutional resources and teacher preparation mechanisms. Recent studies by Okedara & Adeyemi [9] and Olagunju [10] indicate that the implementation of multilingual education policies in Nigeria remains constrained by shortages of trained language teachers, inadequate instructional materials, and weak policy monitoring structures.

Scholars have long debated the feasibility of Nigeria's multilingual ambitions. Bamgbose [6] famously argued that Nigerian language policies frequently oscillate between idealism and pragmatism – well articulated at the policy level but inconsistently implemented in practice. More recent research confirms that this implementation gap persists. For example, Omoniyi [4] observes that despite official commitments to multilingual education, English continues to dominate most formal domains of education and governance.

Similarly, Adegbite [8] emphasized that political instability and inconsistent funding have historically hindered the continuity of educational reforms in Nigeria. Contemporary analyses reinforce this perspective. Okedara & Adeyemi [9] note that insufficient funding and administrative coordination remain significant obstacles to the successful implementation of multilingual education initiatives.

The position of French in Nigerian education illustrates both opportunity and complexity. Nigeria's geopolitical location – surrounded by several Francophone countries – makes French strategically important for regional diplomacy and economic cooperation. Its designation as Nigeria's second official language in 1996 was intended to strengthen regional integration within West Africa⁵. Nevertheless, empirical studies suggest that French programmes in Nigerian schools continue to face infrastructural and pedagogical challenges, particularly outside major urban centres [10].

In contrast, Arabic occupies a unique dual status as both a foreign language and a heritage language with deep historical roots in northern Nigeria. Arabic has long functioned as the language of Islamic scholarship, trade, and intellectual exchange in the region. However, the colonial marginalization of Arabic education created parallel educational systems that still exist today [3]. Although the National Language Policy⁶ recognizes the significance of Arabic within Nigeria's linguistic landscape, recent scholarship indicates that institutional integration between Arabic education and mainstream schooling remains limited [11].

From a broader theoretical perspective, Fishman [12] and Kaplan & Baldauf [13] emphasize that successful language planning requires effective coordination between status planning, corpus planning, and acquisition planning. In the Nigerian context, several scholars argue that acquisition planning remains the weakest component of language policy implementation. Recent studies confirm that shortages of trained teachers, lack of language laboratories, and inconsistent curriculum implementation continue to undermine multilingual education initiatives [4, 9].

³ Federal Republic of Nigeria, National policy on education, Government Printer, Lagos, 1977; Federal Republic of Nigeria, National policy on education, 2nd ed., Nigerian Educational Research and Development Council Press, Lagos, 1981; Federal Republic of Nigeria, National Policy on Education, 3rd ed., NERDC Press, Lagos, 1998; Federal Republic of Nigeria, National Policy on Education, 4th ed., NERDC Press, Lagos, 2004; Federal Ministry of Education. National policy on education, 6th ed., Nigerian Educational Research and Development Council (NERDC), Abuja, 2013.

⁴ National Educational Research and Development Council (NERDC), National Language Policy, NERDC Press, Abuja, 2022.

⁵ Federal Ministry of Education, Education sector report, Federal Government of Nigeria, Abuja, 2006.

⁶ National Educational Research and Development Council (NERDC), National Language Policy, NERDC Press, Abuja, 2022.

Sociocultural realities also shape the outcomes of language policy. Persistent underfunding, regional disparities in educational infrastructure, and the high socioeconomic prestige associated with English continue to influence language attitudes in Nigeria. Contemporary sociolinguistic research indicates that many urban families prioritize English education because of its perceived economic advantages, while other languages – including French and Arabic – are sometimes viewed as secondary or context-specific educational options [4, 10].

In summary, Nigeria’s language policy reflects a strong commitment to multilingual education but continues to face significant implementation challenges. While the National Policy on Education⁷ and the National Language Policy⁸ articulate ambitious goals for linguistic diversity and international engagement, recent research demonstrates that the realization of these goals depends heavily on institutional capacity, teacher preparation, and sustained policy coordination [4, 9].

Theoretical Framework

The analysis of Nigeria’s National Language Policy and its implications for foreign language education can be better understood within the context of Language Planning and Policy (LPP) Theory and Sociolinguistic Functionalism. These frameworks provide analytical lenses for assessing how language policies are conceptualized, implemented, and sustained within multilingual societies. They also offer insight into the sociocultural and institutional dynamics that influence the teaching and learning of French and Arabic in Nigeria.

Language Planning and Policy Theory

The LPP framework, as proposed by Kaplan & Baldauf [13] and further developed by scholars such as Ricento & Hornberger [14], examines how societies deliberately design and manage the functions, forms, and acquisition of languages within their borders. The framework identifies three major dimensions of language planning: status planning, corpus planning, and acquisition planning.

Status planning involves determining the social, political, or functional roles assigned to particular languages within a country. In Nigeria, this is evident in the hierarchical positioning of English as the official language, French as the second official language, and Arabic as a recognized foreign and religious language [8]. The National Language Policy⁹ also attempts to elevate the status of indigenous languages as mediums of instruction at all levels of education, thereby balancing global relevance with local identity. The policy articulates objectives such as:

- “a. promote the effective teaching and learning of Nigerian and foreign languages at all levels of the education system;
- b. preserve Nigerian languages and save them from extinction through status recognition and inclusion in educational programmes across all levels of the Nigerian education system;
- c. activate Nigerian languages as powerful tools for mass literacy development;
- d. strengthen and promote the equitable utilization of all Nigerian and foreign languages;
- e. promote the effective utilization of sign language;
- f. promote the teaching and learning of Science, Technology, Engineering, Mathematics (STEM) and other subjects in Nigerian languages;
- g. promote the development of textual and instructional materials in various Nigerian languages including sign language.”¹⁰

Corpus planning deals with developing and standardizing a language’s structure – orthography, grammar, and vocabulary – to support its use in education and public life. For languages such as Arabic and French, corpus planning is relatively stable since both possess long-established international standards [9]. However, the challenge in Nigeria lies in the adaptation and contextualization of these

⁷ Federal Ministry of Education. National policy on education, 6th ed., Nigerian Educational Research and Development Council (NERDC), Abuja, 2013.

⁸ National Educational Research and Development Council (NERDC), National Language Policy, NERDC Press, Abuja, 2022.

⁹ National Educational Research and Development Council (NERDC), National Language Policy, NERDC Press, Abuja, 2022.

¹⁰ Ibid.

languages to suit the local sociolinguistic environment. The preparation of localized teaching materials, the inclusion of Nigerian cultural contexts in textbooks, and the translation of educational terminologies are all aspects of corpus planning that remain underdeveloped [8].

Acquisition planning focuses on the teaching, learning, and dissemination of languages through education and training. This component is arguably the most crucial and the weakest in Nigeria's language policy landscape. The persistent shortage of qualified French and Arabic teachers, lack of language laboratories, and inconsistent curriculum implementation point to systemic weaknesses in acquisition planning. As Bamgbose [6] notes, the success of any language policy ultimately depends on how effectively it is transmitted through educational institutions and sustained by government support.

Applying the LPP framework to Nigeria's National Language Policy thus reveals that while the status goals of the policy are clearly articulated – promoting multilingualism, strengthening regional cooperation, and enhancing global competence – the acquisition mechanisms remain inadequately developed. Without comprehensive teacher education programmes, sufficient funding for instructional resources, and strong administrative continuity, the vision of linguistic diversity risks remaining rhetorical rather than transformative [6, 8].

Sociolinguistic Functionalism

A complementary theoretical lens for understanding Nigeria's language policy is Sociolinguistic Functionalism, grounded in the works of Fishman [12]. This approach interprets language as a social tool whose value depends on the specific functions it serves within a community. Languages are not only systems of communication but also symbols of identity, power, and belonging. From this perspective, language policy reflects a society's attempt to assign appropriate roles to different languages according to their communicative and cultural functions [12].

In Nigeria, this functional differentiation is vividly reflected in the roles played by English, French, Arabic, and indigenous languages. English serves administrative, economic, and educational functions, symbolizing national unity and access to global networks [8]. French fulfills a diplomatic and geopolitical function, facilitating communication with Nigeria's Francophone neighbours and promoting participation in regional organizations such as ECOWAS and the African Union¹¹. Arabic performs cultural and religious functions, serving as a vehicle of Islamic education and heritage, particularly in the northern part of the country [3]. Indigenous languages perform sociocultural and identity functions, preserving local traditions and facilitating grassroots communication [7].

Sociolinguistic Functionalism helps to explain the unequal implementation of Nigeria's language policy. The dominance of English persists because it serves the most powerful social and economic functions. French and Arabic, though officially recognized, occupy secondary positions since their perceived utility is limited to specific professional or religious domains [6, 8]. This functional hierarchy often influences students' motivation and parents' attitudes toward language learning. Where a language does not yield immediate social or economic benefits, it tends to receive less attention in educational settings.

Furthermore, this framework highlights how linguistic attitudes shape policy outcomes. Many Nigerians view English as a symbol of modernity and social advancement, while Arabic is often perceived through a religious lens and French as a diplomatic necessity rather than a communicative priority [3]. These perceptions create unequal support systems for the three languages and, in turn, affect the feasibility of policy implementation.

Thus, from a sociolinguistic standpoint, Nigeria's multilingual policy can only succeed if it redefines the functional value of each language – linking Arabic and French not only to religious or diplomatic contexts but also to broader educational, cultural, and economic opportunities [12]. Doing so would transform language learning from a symbolic act into a practical instrument of development and identity expression.

¹¹ Federal Ministry of Education, Education sector report, Federal Government of Nigeria, Abuja, 2006.

Integrating the Frameworks

By combining LPP Theory and Sociolinguistic Functionalism, this paper adopts a holistic perspective on language policy analysis. The LPP model clarifies the structural and administrative processes behind policy formulation and implementation [13, 14], while Sociolinguistic Functionalism situates these processes within social realities, attitudes, and cultural meanings [12]. Together, they provide a balanced framework for evaluating the feasibility and consequences of Nigeria's National Language Policy on the teaching and learning of French and Arabic.

These frameworks collectively reveal that successful language policy implementation in Nigeria requires not only technical planning – such as curriculum design, teacher training, and funding – but also social alignment, where public perception and community engagement support multilingual learning. Without this dual alignment, the policy's potential to foster linguistic equity and global competence will remain unrealized¹² [6, 8].

Methodology

Research Design

This study adopts a qualitative research design, specifically a documentary and interpretive analytical approach, to assess the feasibility and consequences of Nigeria's National Language Policy on the teaching and learning of French and Arabic. Qualitative methods are appropriate for this study because language policies are primarily textual, institutional, and interpretive phenomena that require contextual understanding rather than numerical measurement. According to [15], qualitative inquiry enables researchers to capture the meaning of policy actions, institutional intentions, and sociocultural implications embedded within educational frameworks.

The choice of a documentary research design is further justified by the study's reliance on official government publications, academic writings, and historical documents. These sources provide both the policy intent and the implementation realities, allowing for a systematic evaluation of whether the stated goals of multilingual education – particularly the promotion of French and Arabic – are realistic within Nigeria's current educational structure. Documentary analysis is widely used in policy studies because it enables researchers to examine policy intentions alongside interpretations and critiques found in scholarly literature [16].

Sources of Data

The data for this study were drawn from both primary and secondary sources in order to provide a comprehensive and triangulated understanding of Nigeria's language policy environment.

1. Primary Sources

The primary data consisted of official Nigerian policy documents that directly define the country's language education framework:

- **National Policy on Education**¹³ – which outlines the government's commitment to multilingual instruction and recognizes French as Nigeria's second official language.
- **National Language Policy**¹⁴ – which provides updated guidelines on the use of mother tongue, English, and foreign languages (French or Arabic) across educational levels.
- **Educational Policy in Nigeria from the Colonial Era to the Post-Independence Period** [3] – which provides historical insight into the evolution of Nigerian educational policies.

2. Secondary Sources

To complement the policy documents, the study also examined scholarly literature on language policy, multilingual education, and sociolinguistic dynamics in Nigeria and other multilingual societies. These include foundational works [6–8, 12, 13], which provide important theoretical and historical perspectives on language planning and multilingual education.

¹² National Educational Research and Development Council (NERDC), National Language Policy, NERDC Press, Abuja, 2022.

¹³ Federal Ministry of Education. National policy on education, 6th ed., Nigerian Educational Research and Development Council (NERDC), Abuja, 2013.

¹⁴ National Educational Research and Development Council (NERDC), National Language Policy, NERDC Press, Abuja, 2022.

In addition, the study incorporates more recent scholarship that examines contemporary developments in Nigerian language policy and multilingual education. These include studies [4, 9–11], which provide updated insights into language policy implementation, sociolinguistic attitudes, teacher preparedness, and institutional challenges affecting foreign language education in Nigeria. By integrating both classical and contemporary studies, the analysis situates Nigeria's National Language Policy within broader theoretical debates as well as current empirical discussions on multilingual education in Africa.

The materials were selected using three criteria:

1. Relevance to language policy or language education in Nigeria
2. Scholarly credibility, including peer-reviewed books, journal articles, and institutional reports
3. Analytical value in explaining policy implementation, sociolinguistic attitudes, teacher preparation, or institutional constraints affecting language education.

Data Collection and Procedure

Following Bowen's model of document analysis [16], the study proceeded through three stages:

1. Skimming

All selected documents were initially reviewed to gain a general understanding of their content and relevance to Nigeria's language policy.

2. Reading and Interpretation

The documents were then read in detail to extract information related to:

- policy objectives concerning foreign language education;
- the institutional roles assigned to French and Arabic;
- mechanisms for implementation, including teacher training and curriculum development;
- reported challenges in language education.

3. Coding and Thematic Analysis

Relevant passages from the documents were coded and grouped into analytical themes. These themes include:

- institutional and infrastructural capacity;
- teacher availability and professional preparation;
- curriculum and pedagogical resources;
- sociocultural attitudes toward language learning;
- governance and policy implementation.

This thematic coding enabled the study to trace how policy goals are translated into educational realities and to identify patterns across different sources.

Analytical Framework

The analysis employed thematic content analysis guided by the dual frameworks of **LPP** and **Sociolinguistic Functionalism**.

Three analytical stages were used:

1. Policy Feasibility Analysis

This stage examined whether Nigeria's educational system possesses the institutional and infrastructural capacity required to implement the teaching of French and Arabic. Evidence from policy documents and educational studies was used to evaluate factors such as teacher supply, instructional materials, and curriculum structures.

2. Consequential Analysis

The second stage examined the broader pedagogical, cultural, and social consequences of implementing multilingual education policies, including their effects on cultural awareness, regional integration, and educational inequality.

3. Comparative Analysis

The final stage compared policy intentions expressed in official documents with observations reported in scholarly literature. This comparison helped reveal discrepancies between policy formulation and policy implementation, a recurring issue identified in Nigerian educational research [3].

Validity and Trustworthiness

To ensure credibility and methodological rigor, the study followed the criteria proposed by Lincoln and Guba [17]: credibility, transferability, dependability, and confirmability.

Credibility was strengthened through **data triangulation**, whereby findings derived from policy documents were compared with interpretations presented in academic studies on Nigerian language education.

Transferability was enhanced by providing detailed descriptions of Nigeria's educational and sociolinguistic context, enabling readers to assess the applicability of the findings to other multilingual societies.

Dependability was ensured by maintaining a transparent analytical procedure, including clearly defined document selection criteria and thematic coding stages.

Confirmability was achieved by grounding interpretations in textual evidence drawn directly from policy documents and scholarly sources, thereby minimizing subjective interpretation.

Results

Teacher Availability and Professional Preparedness

Findings from policy documents, educational reports, and existing empirical studies suggest that teacher availability and professional preparedness remain among the most significant barriers to the effective implementation of Nigeria's National Language Policy on foreign language education. This observation aligns with Budd's argument [18] that the success of language education policies often depends less on the policy text itself and more on the realities of classroom implementation and institutional support. Across the reviewed literature, three recurring patterns emerged: inadequate numerical availability of qualified teachers, insufficient pedagogical competence, and uneven geographical distribution of language educators.

First, the shortage of trained French and Arabic teachers remains a persistent challenge in many public primary and secondary schools across Nigeria. Reports from the Federal Ministry of Education and related policy discussions consistently acknowledge difficulties in recruiting and deploying adequately trained foreign language instructors, particularly in rural and underserved communities where educational inequalities are already pronounced. In such contexts, foreign language instruction is often irregular, poorly coordinated, or entirely absent.

Second, teacher competence and pedagogical preparedness emerged as equally critical concerns. Several studies on language education in Nigeria indicate that many French teachers are trained primarily in literary or theoretical aspects of the language rather than in communicative and learner-centred pedagogical approaches. This mismatch between academic preparation and classroom realities often limits student interaction, reduces communicative competence, and weakens language acquisition outcomes. Hult, in his discussion of foreign language education policy, emphasizes that language policy outcomes are shaped by how effectively teachers translate policy goals into meaningful classroom practice [19]. In Nigeria, the limited availability of in-service training and professional development programmes further constrains teachers' ability to adapt to evolving curricular demands and technological innovations.

Arabic language education presents a somewhat different but equally complex structural challenge. In many parts of Nigeria, Arabic instruction remains historically associated with Islamic Studies and traditional Qur'anic education rather than modern secular foreign language education. As Hauwa explains, the historical separation between religious and secular educational systems has hindered the integration of Arabic into mainstream school curricula [3]. This institutional divide affects curriculum design, teacher recruitment, and public perceptions of Arabic as a language of broader academic or socioeconomic value.

Taken together, these findings suggest that teacher-related challenges are not merely operational issues but systemic constraints that directly affect the feasibility of implementing Nigeria's multilingual educational aspirations.

Sociocultural Realities

The findings further reveal that sociocultural and economic realities significantly shape language preference and educational priorities in Nigeria's multilingual context. Language choices are rarely neutral; rather, they are influenced by perceptions of prestige, cultural affiliation, and expected economic returns. As Nikolovski notes, language policy and language planning are deeply intertwined with questions of social value and communicative relevance within specific societies [20].

English occupies the most dominant position in Nigeria's linguistic hierarchy because it functions as the language of administration, formal education, commerce, and upward socioeconomic mobility. Proficiency in English is widely associated with academic success, employability, and access to both national and global opportunities. In this sense, English has become a form of linguistic capital within Nigerian society. Nikolovski similarly argues that language policy often reflects broader social and political priorities, with certain languages receiving greater institutional support because of their perceived utility [21].

French and Arabic, by contrast, occupy more specialized and context-dependent domains. French is commonly associated with diplomatic engagement, regional integration, and economic cooperation within West Africa, particularly within the Economic Community of West African States (ECOWAS). Given Nigeria's geopolitical location among Francophone neighbours such as Benin, Niger, and Cameroon, French has clear strategic relevance. However, despite this regional importance, the language often receives limited practical support in schools.

Arabic occupies a unique sociocultural and religious domain. In Northern Nigeria and among Muslim communities nationwide, Arabic is strongly associated with Islamic scholarship, religious identity, and Qur'anic literacy. However, outside these contexts, it is less frequently perceived as a language of mainstream economic mobility or professional advancement.

Another recurring theme in the reviewed studies is parental and societal perception of educational returns. Many parents and guardians prioritize subjects such as English, Mathematics, and Science because they are widely viewed as direct pathways to employment, technological advancement, and financial stability. As Hult observes, foreign language education policies are often shaped not only by institutional frameworks but also by public attitudes and broader socioeconomic realities [19]. Consequently, foreign language subjects are frequently treated as supplementary rather than essential.

These findings demonstrate that sociolinguistic attitudes and economic considerations significantly mediate the implementation and effectiveness of Nigeria's foreign language education policy.

Discussion

The findings of this study reveal a substantial gap between Nigeria's multilingual policy aspirations and the institutional realities of its educational system. From the perspective of LPP Theory, this gap reflects a persistent imbalance between status planning and acquisition planning. While status planning symbolically assigns functions and prestige to particular languages, acquisition planning concerns the practical mechanisms through which those languages are taught, learned, and sustained. Nikolovski emphasizes that effective language planning requires a balance between symbolic recognition and practical implementation, a balance that appears weak in the Nigerian context [20].

Nigeria's National Language Policy demonstrates ambitious multilingual intentions consistent with broader global trends in foreign language education policy [19]. The policy assigns distinct functional roles to English, French, Arabic, and indigenous languages. English facilitates access to global communication and international knowledge systems; French supports regional diplomacy, trade, and cross-border communication within West Africa; and Arabic reflects Nigeria's historical, intellectual, and religious ties to the wider Islamic world. However, as Budd notes, the existence of policy intentions alone does not guarantee implementation unless adequate institutional support mechanisms are in place [18].

The findings suggest that Nigeria's language policy currently functions more effectively at the symbolic level than at the operational level. Although the policy articulates an inclusive and globally oriented linguistic vision, implementation remains weak, fragmented, and inconsistently funded. Structural issues such as inadequate teacher preparation, outdated curricula, and insufficient educational infrastructure undermine the policy's practical feasibility. This reflects the broader disconnect between policy formulation and classroom realities identified in comparative studies of language education policy [18].

The sociolinguistic hierarchy identified in the findings further complicates implementation. English remains the dominant language of economic mobility and educational advancement, thereby attracting greater investment, social prestige, and learner motivation. In contexts where professional success is strongly tied to English proficiency, other languages tend to be marginalized. This pattern aligns with Nikolovski's observation that language policies often privilege languages perceived to offer greater economic or political capital [21].

Comparative experiences from multilingual societies suggest that language policies are more likely to succeed when supported by strong institutional frameworks and clear socioeconomic incentives. Hult argues that foreign language education becomes more sustainable when reinforced by employment opportunities, cultural exchange programmes, scholarships, and international cooperation initiatives [19]. Such incentives create practical motivations for language learning beyond symbolic policy declarations.

In Nigeria, strengthening these institutional and economic linkages could improve the practical relevance and long-term sustainability of foreign language education. Integrating foreign language proficiency into labour-market opportunities, regional diplomacy initiatives, and international academic exchange programmes may enhance learner motivation and public support.

Summary of Findings

Overall, the findings reveal a structural mismatch between Nigeria's multilingual aspirations and its educational realities. Although the National Language Policy provides a visionary framework for linguistic inclusion and global engagement, its implementation is constrained by several interconnected challenges:

1. Inadequate institutional and infrastructural capacity;
2. Severe shortage of qualified and professionally prepared teachers;
3. Fragmented, outdated, and insufficiently contextualized curricula;
4. Sociolinguistic attitudes that privilege English over other languages;
5. Weak policy continuity, monitoring, and governance mechanisms.

Despite these challenges, the policy remains an important instrument for promoting national integration, regional diplomacy, and international communication. If effectively implemented, it has the potential to produce linguistically competent, culturally grounded, and globally competitive citizens.

Recommendations

To enhance both the feasibility and the positive impact of Nigeria's National Language Policy on foreign language education, the following recommendations are proposed:

1. Strengthen Teacher Education and Certification;
2. Develop Context-Sensitive Curricula;
3. Incorporate Technology and Digital Learning;
4. Promote Public Awareness;
5. Institutionalize Monitoring and Evaluation;
6. Foster Regional and International Partnerships;
7. Encourage Research and Innovation in Language Education.

Conclusion

Nigeria's National Language Policy¹⁵ represents an ambitious attempt to recalibrate the country's linguistic landscape in line with contemporary educational, cultural, and global realities. By mandating the learning of one Nigerian language, English, and at least one foreign language – French or Arabic – the policy envisions a citizenry that is linguistically versatile, culturally rooted, and globally competitive. The policy's emphasis on multilingual competence reflects Nigeria's broader aspiration to strengthen national cohesion while enhancing regional and international engagement.

The findings of this study indicate, however, that significant structural barriers continue to undermine the feasibility of this vision. Persistent challenges such as inadequate funding, limited teacher preparation, outdated curricula, insufficient learning resources, and weak institutional coordination hinder the translation of policy ideals into tangible outcomes. These constraints reinforce the enduring divide between policy formulation and policy implementation, a pattern long observed in Nigeria's educational sector [3]. The entrenched sociolinguistic hierarchy that privileges English further weakens motivation for the study of other languages, including French, Arabic, and indigenous languages.

Despite these obstacles, the policy retains considerable transformative potential. With sustained political commitment, coordinated institutional support, and strengthened capacity-building mechanisms, the policy could foster national integration, facilitate regional diplomacy – particularly within ECOWAS – and enhance Nigeria's participation in global knowledge economies. Beyond their academic value, French and Arabic offer opportunities for intercultural dialogue, intellectual enrichment, and broader diplomatic influence. Realizing these opportunities requires reframing multilingualism as a national development strategy rather than an optional educational component.

To move toward meaningful implementation, the government must prioritize long-term investment in teacher development, curriculum renewal, monitoring frameworks, and inter-ministerial collaboration. Stakeholders, including parents, school administrators, and policymakers, must also cultivate public appreciation for multilingualism and its economic, cultural, and geopolitical benefits. When properly executed, a functional language policy can transform Nigeria's linguistic diversity into a cohesive asset, advancing sustainable development, cultural preservation, and global engagement.

Future research should examine teacher preparedness and pedagogical capacity for French, Arabic, and Nigerian languages, as this would clarify the training gaps that hinder effective implementation of the National Language Policy. Longitudinal investigations into learner motivation and language attitudes, across both urban and rural contexts, are also needed to better understand how sociolinguistic perceptions shape learning outcomes.

Comparative studies of multilingual policy implementation in other African countries where language planning has been more successful could offer useful models for Nigeria. Additionally, impact assessments of curriculum reforms and teaching materials would help determine their effectiveness in improving language acquisition. Scholars should further explore the economic and diplomatic advantages of multilingualism, especially the ways in which French and Arabic proficiency influence employability, regional mobility, and Nigeria's strategic engagement within ECOWAS and beyond. Evaluations of governance and monitoring structures, such as the potential establishment of a National Language Implementation and Evaluation Council, would also be beneficial.

Finally, research on digital and technological tools for multilingual learning is essential, particularly in settings with limited educational resources. Collectively, these areas of inquiry would strengthen evidence-based policymaking and help narrow the gap between the policy's aspirations and its practical implementation.

¹⁵ National Educational Research and Development Council (NERDC), National Language Policy, NERDC Press, Abuja, 2022.

Appendices

Appendix A

“Application and Language Use in Education”

A. Basic Education

18. To ensure effective delivery of instructions and attendant positive learning outcomes, Mother Tongue (MT) or Language of the Immediate Community (LIC) shall be used as the medium of instruction from Early Childhood Care and Development Education to the six years of primary education.

However, Arabic language shall be the medium of instruction for Islamic schools. During this period, English language shall be taught as a school subject.

19. English language shall be used as the language of instruction at the Junior Secondary Education level. However, a combined use of English language and the MT or LIC shall be encouraged accordingly.

20. In addition to the study of English language and the MT, a child shall be allowed to study, as an optional school subject, the Nigerian language of the community, if it is different from the MT.

21. Federal, State, and Local Governments shall ensure the effective supervision of the teaching and learning of Nigerian languages.

22. Sustained efforts shall be made to develop and regularly review the curricula for teaching and learning of all Nigerian languages.

23. Efforts shall be made to develop orthographies and metalanguages for the teaching and learning of all Nigerian languages.

24. While French language shall be taught as a compulsory school subject from Primary Four, Arabic language shall be an optional subject from Primary One. However, Arabic language shall be compulsory for learners offering Islamic Studies.

25. Efforts shall be made to develop and produce educational materials in the various Nigerian languages. Registers in Nigerian languages for the various school subjects shall be developed.

26. Programmes and activities aimed at promoting the development and production of educational materials in the various Nigerian languages shall be encouraged and sustained.

27. Efforts shall be made to develop science and technology textual and other instructional materials in various Nigerian languages.

28. Registers of science and technology in the various Nigerian languages shall be developed and regularly updated to encourage the teaching and learning of STEM.

29. Sign language shall be taught to learners who have hearing and speech impairment, from entry point.

30. The medium of instruction for online-based educational programmes shall be the language widely spoken by the target audience.

B. Post-Basic Education

31. The medium of instruction at the Post-Basic Education level shall be English language. However, a combined use of MT or LIC and English language shall be encouraged. For Islamic schools, the medium of instruction shall be Arabic language.

32. Federal and State Governments shall ensure the effective supervision of teaching and learning of Nigerian languages.

33. In addition to the study of the English language, students shall be made to study one Nigerian language as a compulsory subject at the Senior Secondary School level.

34. Efforts shall be made to develop orthographies and metalanguages for teaching and learning of Nigerian languages.

35. Sustained efforts shall be made to develop and review curricula for the teaching and learning of all Nigerian languages.

36. French and Arabic languages shall be offered as optional school subjects at the Post-Basic Education level. However, Arabic shall be compulsory for students offering Islamic Studies.

37. Efforts shall be made to develop and produce educational materials in the various Nigerian languages. Registers in Nigerian languages for the various school subjects shall be developed.

38. Government at all levels shall make efforts to develop science and technology textual and other instructional materials in various Nigerian languages.

39. Government at all levels shall make efforts to develop metalanguages in STEM in the various Nigerian languages.

40. Sign language shall be taught as a subject to learners with speech and hearing impairment. The curriculum for the teaching and learning of sign language shall be developed and periodically reviewed.

41. The teaching of sign language shall be upscaled and developed.

42. Regular training shall be conducted for teachers and other education personnel on sign language.

43. To enhance the acquisition of skills at vocational and training institutions, the language of instruction shall be the language widely spoken in the area where the institution is located and/or English.

44. The medium of instruction for online-based educational programmes shall be in English and the Nigerian language widely spoken by the target audience.

45. Government shall encourage the establishment of Post-Basic institutions that the medium of instruction shall be only in any Nigerian language.

C. Mass and Nomadic Education

(i) Mass Education

46. The delivery of instructions shall be in the MT or LIC. During the period, English language shall be taught as a subject.

47. In addition to the study of English language and the MT, a learner shall be allowed to study, as an optional subject, the Nigerian LIC, if it is different from the MT or second language of choice.

48. While French language shall be taught as one of the subjects at the Post-Literacy level, Arabic language shall be an optional subject for all categories of learners. However, Arabic language shall be compulsory for students offering Islamic Studies.

49. Efforts shall be made to develop and produce teaching and learning materials in the various Nigerian languages.

(ii) Nomadic Education

50. The delivery of instructions shall be in the MT or LIC at the Primary Education level. During this period, English language shall be taught as a school subject.

51. While French language shall be taught as one of the subjects at the Post-Literacy level, Arabic shall be an optional subject for all categories of learners. However, Arabic language shall be compulsory for learners offering Islamic Studies.

52. Efforts shall be made to develop and produce teaching and learning materials in the various Nigerian languages.

REFERENCES

[1] **Eberhard D.M., Simons G.F., Fennig C.D.**, *Ethnologue: Languages of the World*, 27th ed., SIL International, Dallas, 2024. Available at: <https://www.ethnologue.com/country/NG> (accessed 01.06.2026)

[2] **Igboanusi H.**, The Future of French in Nigeria's Language Policies, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 29 (5) (2008) 391–404. DOI: 10.1080/01434630802147643

[3] **Hauwa I.**, Educational Policy in Nigeria from the Colonial Era to the Post-Independence Period, *Italian Journal of Sociology of Education*, 1 (1) (2012) 181–204.

[4] **Omoniyi T.**, *The Sociology of Language and Globalization in Nigeria*, Palgrave Macmillan, London, 2019.

[5] **Bamgbose A.**, Language policy and linguistic inequality in Africa, *Current Issues in Language Planning*, 22 (3) (2021) 1–15.

- [6] **Bamgbose A.**, *Language and the Nation: The language Question in Sub-Saharan Africa*, Edinburgh University Press, Edinburgh, 2011. 167 p.
- [7] **Fafunwa A.B.**, *History of education in Nigeria*, NPS Educational Publishers, Ibadan, 2004. 320 p.
- [8] **Adegbite W.**, *English and the Nigerian situation: Cultural implications and the influence of globalization*, Spectrum Books, Lagos, 2010.
- [9] **Okedara J., Adeyemi K.**, Multilingual education policy and implementation challenges in Nigeria, *African Educational Research Journal*, 9 (3) (2021) 742–751.
- [10] **Olagunju O.**, Foreign Language Education and National Development in Nigeria: Challenges and Prospects, *Journal of Language Policy and Planning*, 14 (2) (2022) 65–80.
- [11] **Abubakar A.**, *Arabic education and Islamic scholarship in Nigeria: Historical perspectives and contemporary challenges*, Arewa Academic Press, Kaduna, 2020.
- [12] **Fishman J.A.**, *The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society*, Newbury House, Rowley, MA, 1972. 250 p.
- [13] **Kaplan R.B., Baldauf R.B.**, *Language Planning from Practice to Theory*, Multilingual Matters, Clevedon, 1997. 403 p.
- [14] **Ricento T., Hornberger N.H.**, Unpeeling the Onion: Language Planning and Policy and the ELT Professional, *TESOL Quarterly*, 30 (3) (1996) 401–427. DOI: 10.2307/3587691
- [15] **Creswell J.W., Poth C.N.**, *Qualitative inquiry and research design: Choosing among five approaches*, 4th ed., Sage Publications, Thousand Oaks, CA, 2018.
- [16] **Bowen G.A.**, Document Analysis as a Qualitative Research Method, *Qualitative Research Journal*, 9 (2) (2009) 27–40. DOI: 10.3316/QRJ0902027
- [17] **Lincoln Y.S., Guba E.G.**, *Naturalistic Inquiry*, Sage Publications, Beverly Hills, CA, 1985. 416 p.
- [18] **Budd Y.**, Language education: Policy and practice, What is next in educational research?, ed. by S. Fan, J. Fielding-Wells, Sense Publishers, Rotterdam, 2016, pp. 133–139. DOI: 10.1007/978-94-6300-524-1_13
- [19] **Hult F.M.**, Foreign Language Education Policy on the Horizon, *Foreign Language Annals*, 51 (1) (2018) 35–45. DOI: 10.1111/flan.12315
- [20] **Nikolovski Z.**, Language policy, language planning or language editing, *Horizons*, 15 (2014) 111–118.
- [21] **Nikolovski Z.**, Term Language Policy, *Horizons*, 8 (8) (2012) 107–111.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Eberhard D.M., Simons G.F., Fennig C.D.** *Ethnologue: Languages of the World*. 27th ed. Dallas: SIL International, 2024. URL: <https://www.ethnologue.com/country/NG> (дата обращения: 01.06.2026)
2. **Igboanusi H.** The Future of French in Nigeria's Language Policies // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2008. Vol. 29, Iss. 5. P. 391–404. DOI: 10.1080/01434630802147643
3. **Hauwa I.** Educational Policy in Nigeria from the Colonial Era to the Post-Independence Period // *Italian Journal of Sociology of Education*. 2012. Vol. 1, Iss. 1. P. 181–204.
4. **Omoniyi T.** *The Sociology of Language and Globalization in Nigeria*. London: Palgrave Macmillan, 2019.
5. **Bamgbose A.** Language policy and linguistic inequality in Africa // *Current Issues in Language Planning*. 2021. Vol. 22, Iss. 3. P. 1–15.
6. **Bamgbose A.** *Language and the Nation: The language Question in Sub-Saharan Africa*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. 167 p.
7. **Fafunwa A.B.** *History of education in Nigeria*. Ibadan: NPS Educational Publishers, 2004. 320 p.
8. **Adegbite W.** *English and the Nigerian situation: Cultural implications and the influence of globalization*. Lagos: Spectrum Books, 2010.
9. **Okedara J., Adeyemi K.** Multilingual education policy and implementation challenges in Nigeria // *African Educational Research Journal*. 2021. Vol. 9, Iss. 3. P. 742–751.
10. **Olagunju O.** Foreign Language Education and National Development in Nigeria: Challenges and Prospects // *Journal of Language Policy and Planning*. 2022. Vol. 14, Iss. 2. P. 65–80.

11. **Abubakar A.** Arabic education and Islamic scholarship in Nigeria: Historical perspectives and contemporary challenges. Kaduna: Arewa Academic Press, 2020.
12. **Fishman J.A.** The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society. Rowley, MA: Newbury House, 1972. 250 p.
13. **Kaplan R.B., Baldauf R.B.** Language Planning from Practice to Theory. Clevedon: Multilingual Matters, 1997. 403 p.
14. **Ricento T., Hornberger N.H.** Unpeeling the Onion: Language Planning and Policy and the ELT Professional // TESOL Quarterly. 1996. Vol. 30, Iss. 3. P. 401–427. DOI: 10.2307/3587691
15. **Creswell J.W., Poth C.N.** Qualitative inquiry and research design: Choosing among five approaches. 4th ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2018.
16. **Bowen G.A.** Document Analysis as a Qualitative Research Method // Qualitative Research Journal. 2009. Vol. 9, Iss. 2. P. 27–40. DOI: 10.3316/QRJ0902027
17. **Lincoln Y.S., Guba E.G.** Naturalistic Inquiry. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1985. 416 p.
18. **Budd Y.** Language education: Policy and practice, What is next in educational research? / ed. by S. Fan, J. Fielding-Wells. Rotterdam: Sense Publishers, 2016, pp. 133–139. DOI: 10.1007/978-94-6300-524-1_13
19. **Hult F.M.** Foreign Language Education Policy on the Horizon // Foreign Language Annals. 2018. Vol. 51, Iss. 1. P. 35–45. DOI: 10.1111/flan.12315
20. **Nikolovski Z.** Language policy, language planning or language editing // Horizons. 2014. Vol. 15. P. 111–118.
21. **Nikolovski Z.** Term Language Policy // Horizons. 2012. Vol. 8, Iss. 8. P. 107–111.

INFORMATION ABOUT AUTHORS / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Bayo Isa

Иса Байо

E-mail: isa.b@unilorin.edu.ng

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2416-1644>

Ridwan Oyekulehin

Ойекулехин Ридван

E-mail: juwonoyeku@gmail.com

Submitted: 12.02.2026; Approved: 27.05.2026; Accepted: 08.06.2026.

Поступила: 12.02.2026; Одобрена: 27.05.2026; Принята: 08.06.2026.

Research article

UDC 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17206>

EDN: <https://elibrary/ZPRYLB>

FROM SYMBOLIC SIGNS TO DISCURSIVE LANDSCAPES IN RONYA OTHMANN'S *DIE SOMMER*: A LINGUISTIC LANDSCAPE ANALYSIS

S. Megawati¹ , Ah. Syafran² , S. Triyono¹

¹ Universitas Negeri Yogyakarta, Indonesia;

² Universitas Dehasen, Indonesia

 megawati@uny.ac.id

Abstract. This study examines Ronya Othmann's *Die Sommer* through the lens of linguistic landscape (LL) theory and argues for an expanded understanding of LL as a narrative-discursive formation rather than a phenomenon limited to visible public signage. While conventional LL research has focused primarily on signs, place names, and written displays in public space, this article shows that literary texts can also construct LLs through memory, silence, naming practices, and spatial narration. Using a qualitative text-based analysis, the study explores how *Die Sommer* represents language, space, and identity in a context marked by marginalization, displacement, and cultural erasure. The findings reveal five interrelated patterns: contested toponymy and renaming, institutional multilingual asymmetry, border semiotics, memory-based counter-landscapes, and material domestic signification. Together, these patterns demonstrate that the novel transforms homes, villages, borders, and remembered geographies into symbolic LLs, in which official and vernacular languages occupy unequal positions. Kurdish survives largely through family memory, oral transmission, and intimate spaces, whereas state languages dominate institutional and public domains. The study contributes to LL scholarship by proposing the concept of a literary LL and by showing how fiction can illuminate hidden dimensions of language, ideology, and belonging that may remain invisible in studies restricted to material signage.

Keywords: linguistic landscape, literary linguistic landscape, language ideology, space, Kurdish identity.

Citation: Megawati S., Syafran Ah., Triyono S., From Symbolic Signs to Discursive Landscapes in Ronya Othmann's *Die Sommer*: A Linguistic Landscape Analysis, *Terra Linguistica*, 17 (2) (2026) 94–110. DOI: 10.18721/JHSS.17206

Научная статья

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17206>

ОТ СИМВОЛИЧЕСКИХ ЗНАКОВ К ДИСКУРСИВНЫМ ЛАНДШАФТАМ В РОМАНЕ РОНИ ОТМАН “DIE SOMMER”: АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА

Ш. Мегавати¹ , А. Шафран² , С. Триёно¹

¹ Государственный университет Джокьякарты, Индонезия;

² Университет Дехасена, Индонезия

✉ megawati@uny.ac.id

Аннотация. В данном исследовании роман Рони Отман “Die Sommer” (нем. Лето) рассматривается через призму теории лингвистического ландшафта (ЛЛ) и предлагается расширенное понимание ЛЛ как нарративно-дискурсивного образования, а не как феномена, ограниченного публичным городским пространством коммуникации. В то время как традиционные исследования ЛЛ в основном сосредоточены на вывесках, надписях, знаках, указателях и т.п. в общественном пространстве, авторы настоящей статьи приходят к выводу, что литературные тексты также могут конструировать ЛЛ посредством памяти, умолчания, различных наименований и описаний местности. С помощью качественного текстового анализа было изучено, как роман репрезентирует язык, пространство и идентичность в контексте маргинализации, замещения и культуры отмены. Результаты выявляют пять взаимосвязанных паттернов: конфликтная топонимика и практики переименования, институциональная многоязычная асимметрия, семиотика границ, основанные на коллективной памяти контр-ландшафты и материальная знаковость привычного пространства. В совокупности эти паттерны демонстрируют, что роман превращает дома, деревни, границы и упомянутые точки на карте в символические ЛЛ, где официальные и местные языки занимают неравные позиции. Курдский язык сохраняется преимущественно благодаря семейной памяти, устной передаче и личным контактам, в то время как государственные языки доминируют в институциональной и публичной сферах. Данное исследование вносит вклад в изучение ЛЛ, предлагая концепцию литературного ЛЛ и показывая, как художественная литература способна осветить скрытые аспекты языка, идеологии и идентичности, которые могут оставаться невидимыми в исследованиях, ограниченных материальными знаками.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, литературно-лингвистический ландшафт, языковая идеология, пространство, курдская идентичность.

Для цитирования: Мегавати Ш., Шафран А., Триёно С. От символических знаков к дискурсивным ландшафтам в романе Рони Отман “Die Sommer”: анализ лингвистического ландшафта // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 2. С. 94–110. DOI: 10.18721/JHSS.17206

Introduction

Linguistic Landscape (LL) research has traditionally focused on visible language in public spaces such as street signs, billboards, shop names, and official signage. In their seminal study, Landry and Bourhis [1] define the LL as the visibility and salience of languages on public and commercial signs, emphasizing its role as a marker of the relative power and status of language communities. Early work by Backhaus [2] and others followed this approach by documenting multilingual signs in cities (e.g., Tokyo) to gauge language vitality. Over time, however, scholars recognized that signage is not neutral: it is a semiotic resource that reflects political authority and social hierarchy. Official signs often encode state language policy (e.g., privileging a national language while relegating minorities), and thus function ideologically even as they inform the public, as recent studies on pandemic signage and medical LLs have also demonstrated [3, 4].

Despite methodological expansions (for example, counting signs by language or incorporating digital media), LL studies have remained anchored in material inscriptions, even though recent work has expanded LL into language-awareness pedagogy and virtual LLs [5–7]. As the Bloomsbury Handbook of Linguistic Landscapes [8] notes, the field has evolved into a comprehensive examination of public meaning-making, from graffiti and street signs to even tattoos and literature. Yet much of LL analysis still emphasizes the visible, static display of language. This "visual bias" is increasingly questioned, especially in contexts where minority languages are marginalized or banned. In such settings, a language may be absent from official signage but continue to live in memory, narrative, and everyday speech. Absence itself becomes a semiotic signal: the deliberate removal or silence of a language on the landscape marks suppression and contested identity, with recent studies on public-memory naming and heritage rebranding likewise showing how erasure and selective visibility reorganize space ideologically [9, 10]. These insights suggest that LL should be seen not simply as the inventory of public signs but as a broader semiotic process, in which space is continuously (re)produced through language, discourse, and memory [11].

Despite these developments, limited attention has been paid to how LLs are constructed discursively in contemporary German-language fiction. Novels, memoirs, and other narratives create detailed linguistic geographies: they name and rename places, tell stories of borders and institutions, and encode who belongs or does not. In literature, space is constructed discursively [12, 13], so the choice of language, place names, and dialogue all index power, identity, and belonging across remembered or narrativized landscapes [14, 15]. De Vinne [16], for instance, argues for extending the LL concept into the "fictive world," calling for the study of a literary LL. Likewise, recent LL scholarship acknowledges that contexts like literature and art can function as semiotic sites of language use. Literary texts thus have the potential to reveal how languages are inhabited, contested, or erased in ways that complement the study of physical signage, especially because LLs participate in the construction and reconstruction of multiple identities across historically layered spaces [17]. However, this does not mean that literary narratives are treated as identical to empirical, sign-based LLs. Rather, literary texts are understood here as discursive reconstructions of LLs: they narrate how languages, names, memories, silences, and spatial hierarchies are experienced, remembered, and ideologically organized within the fictional world. In this sense, literary LLs should be seen not as replacements for physical LL data but as interpretive sites that make visible dimensions of language-in-space that conventional sign-based methods may overlook.

Building on these insights, this article develops the concept of literary LL through an analysis of Ronya Othmann's *Die Sommer* [18]. Rather than approaching the novel merely as fiction, the study reads it as a narrative space, in which languages, places, and identities are discursively negotiated. *Die Sommer* follows Leyla, a Kurdish-Yazidi-German girl who spends summers in her grandparents' village in northern Syria until the village is destroyed. Throughout the novel, places are named, remembered, and forgotten through language. Official maps and institutions employ state languages and erasures, while Kurdish place names and speech survive only in family stories, songs, and private memory. As Othmann herself observes, the Yazidi-Kurdish identity and language are being "erased" – cities and villages are systematically renamed, and Kurdish is not taught or officially recognized. In the narrative, the outcome is a symbolic LL: landscapes of memory and silence rather than visible text. Borders, homes, schools, and markets in *Die Sommer* become ideologically charged spaces defined by what can be spoken, displayed, taught, or left unsaid, a pattern consistent with recent work on conflicting language-policy orientations, educationscapes, and schoolsapes [19–21].

This study argues that LL can also be approached as a narrative-discursive formation, while acknowledging an important methodological distinction: a literary text does not constitute a physical LL in the same way as street signs, billboards, or institutional signage do. Instead, it constructs a represented or narrated LL, in which spatial meanings are produced through discourse, memory,

naming, silence, and the distribution of languages across social domains. The analysis suggests that Kurdish place-names and identities survive primarily in dialogue, memory, and intimate narration, whereas institutional domains are more consistently associated with state languages. Kurdish is sung or whispered at home, whereas German and Arabic dominate public contexts. These narrative patterns reflect LL processes (inclusion, exclusion, normalization, contestation) enacted through fiction rather than signs. Theoretically, we build on critical LL approaches that foreground ideology and power [5, 22] and connect them with insights from literary and cultural geography. In this view, novels like *Die Sommer* can be examined as literary or narrated LLs – discursive spaces, in which linguistic hegemony, erasure, and resistance are represented through the organization of names, languages, memories, and silences in the text. Literary LLs do not replace the physical landscape but complement it, exposing hidden dimensions of language-in-space that visual analysis alone misses.

Methodologically, the study uses qualitative textual analysis guided by LL theory. Our unit of analysis includes place names, references to languages, and descriptions of schools, mosques, or other institutions, as well as moments when language is forbidden or remembered. We treat the novel as a culturally situated narrative text whose representations of language and space can be examined as socially meaningful discourse. This aligns with calls for more flexible, interdisciplinary LL methods that draw on cultural texts and narratives [8, 16], as well as on identity-text practices and chronotopic analyses of place and meaning [23, 24]. By reading the novel as a LL, we address three goals: (1) to expand LL conceptual boundaries by applying it to literature; (2) to highlight the symbolic, narrative dimensions of LL in contexts of marginalization; and (3) to offer a model for analyzing transnational minority experiences through literary LL. In doing so, we argue that LLs extend beyond visible inscriptions into the realms of storytelling and memory. The novel's "landscapes" of language shape how places are known, contested, and inhabited, even when not inscribed on signs. Recognizing literature as a legitimate source for analyzing represented or narrated LLs allows researchers to capture these less visible but consequential dimensions of language in space. Accordingly, the study asks: (1) How does *Die Sommer* represent LLs beyond physical signage through its narrative? (2) In what ways does the novel transform physical spaces into symbolic LLs shaped by language, memory, and ideology? (3) What ideological functions do these narrated landscapes serve in constructing or contesting marginalized identities?

Methodological Approach

This study employs a qualitative, text-based literary analysis of Ronya Othmann's *Die Sommer*, treating the novel itself as a symbolic and discursive landscape. Drawing on critical LL theory, we extend LL beyond visible signs to include narrative and memory. As research has shown, linguistic-landscape analysis "has, from the very beginning, engaged with issues of politics, ideology and cultural representation." In this spirit, the novel's passages are read as "linguistic landscapes," in which language, memory, and identity interplay [22, 25]. Our analysis is framed by foundational LL work [1] and later critical extensions [22, 25] as well as insights from spatial and narrative geography [12, 13].

Data Organization

The data consist of narrative excerpts from *Die Sommer*, systematically organized into five analytical categories that correspond to the main findings of the study: (1) contested toponymy and renaming, (2) institutional multilingual asymmetry, (3) border semiotics, (4) memory-based counter-landscapes, and (5) material domestic signification.

1. Contested toponymy and renaming: *road signs, place-names, and acts of official or symbolic renaming.*

2. Institutional multilingual asymmetry: *the uneven distribution of Arabic, Kurdish, and German across bureaucratic, educational, and domestic spaces.*

3. Border semiotics: *narrative representations of the Turkish border, danger, mines, and mobility.*

4. Memory-based counter-landscapes: *remembered homelands, orally preserved place-names, and absent geographies sustained through recollection.*

5. Material domestic signification: *houses, gardens, clothing, foodways, and objects that function as semiotic carriers of belonging.*

These categories were derived from LL theory's concern with symbolic visibility, indexicality, and ideological space, as well as from literary geography's attention to how narrative constructs place, memory, and belonging. For example, the road sign *Tel Khatoun* is coded under contested toponymy and renaming because it indexes both spatial identification and earlier erasure. The phrase *Das Land hatte zwei Namen* ('The land had two names') is coded as a memory-based counter-landscape because it marks the coexistence of official and familial geographies. Likewise, the distant mountain range described as *die Grenze zur Türkei* ('the border with Turkey') is coded as a border in semiotic terms, since it acquires meaning through narrated danger, memory, and geopolitical division. Together, these categories enabled the analysis to move from isolated textual references to broader patterns through which the novel organizes language, space, memory, and belonging.

Units of Analysis and Coding

Our unit of analysis is each discrete narrative excerpt (sentence or paragraph), in which space, language, or material culture is evoked. This approach aligns with interpretive sociolinguistic traditions that treat textual data as socially meaningful discourse. We focus on components such as place-names and linguistic practices (e.g., *mentions of Kurdish or German terms*), as well as descriptions of spaces suffused with silence or memory (e.g., *abandoned village lanes, childhood rooms*). Everyday material details (such as the grandparents' house built of local clay, or traditional dress) are also examined as semiotic markers. Each excerpt is treated as a mini-'textual landscape' that encodes ideological relations and participates in placemaking and sense-of-place processes within the narrative environment [26].

Analysis proceeded in sequential steps rooted in LL and narrative-spatial methodology:

1. Excerpt selection: We conducted a close reading of the novel, flagging all passages referencing toponyms, signage, spatial descriptions, and material culture. These excerpts were entered into an analysis matrix.

2. Thematic classification: Each excerpt was classified according to the five thematic categories developed for the analysis. For instance, the opening depiction of the highway sign *Tel Khatoun* (symbolic/toponymic) contrasted with later discourse about the village's missing official name (renaming).

3. Linguistic feature identification: Within each excerpt, we noted specific linguistic elements (e.g., proper names, adjectives of place, narrative voice shifts) that contribute to meaning. The use of German versus other languages or the appearance of Kurdish toponyms were coded.

4. Spatial function description: We interpreted how each element functions spatially, for example, how the crooked *Tel Khatoun* sign marks a threshold into the old village, or how the border mountains in the distance demarcate a geopolitical edge.

5. Ideological interpretation: We examined the symbolic indexicalities at play (e.g., a renamed town signaling state power, or the dual naming of a homeland reflecting divided identity). LL theory and concepts of narrative spatiality guided this coding, emphasizing how visible and non-visible signs together narrate belonging and exclusion.

Each step was documented in the tables: excerpts, initial theme codes, linguistic observations, spatial context notes, and interpretive comments were recorded. This coding procedure allowed both overt signs and subtler narrative cues such as silence, memory, and material objects to be analyzed as semiotic resources through which language and power are spatially organized.

Illustrative Examples

To illustrate the approach, consider the following applications. The metal road sign on the main street reads *Tel Khatoun* in faded letters, revealing that the village *hatte früher einen anderen Namen* ('had a different name in the past'). This example is coded under contested toponymy and renaming,

since the sign simultaneously identifies the village and indexes an earlier erasure. Another example appears in Leyla's recollection that *Das Land hatte zwei Namen* ('The land had two names'), one official and one family-used. This excerpt is coded under memory-based counter-landscapes, since it captures the coexistence of official cartography and familial geography. Likewise, the distant mountain range described as *die Grenze zur Türkei* ('the border with Turkey') is coded as a border in semiotic terms, because it acquires meaning through narrated danger, memory, and geopolitical division.

Theoretical Grounding

Throughout, our methodology is grounded in critical LL scholarship and narrative geography. We follow Landry and Bourhis's pioneering insight that visible signage carries symbolic power, but we extend this to the "expanded scenery" of signs, stories, and places. In line with Shohamy, Blommaert, and others, we read the novel's semiotic environment as ideologically charged. We also draw on Soja and Tally's conception of narrative space, treating the novel's geography as both real and imagined. Together, these theoretical frameworks justify coding literary elements such as names, objects, and silence as components of a narrated LL. This coding does not claim that the novel offers direct empirical evidence of a physical LL. Rather, it treats the novel as a culturally situated representation of how LLs are imagined, remembered, and ideologically experienced by marginalized subjects. The analytical focus is therefore not on replacing field-based LL research but on showing how literary discourse can reconstruct the social meanings of language, space, and visibility.

Results

The analysis of *Die Sommer* reveals five interrelated patterns, through which the novel constructs a literary LL: *contested naming*, *institutional language hierarchy*, *narrativized border space*, *memory-based counter-mapping*, and *material domestic signification*. Rather than presenting language only as visible signage, the narrative redistributes linguistic meaning across names, silences, memories, objects, and embodied spatial practices. These findings show that the novel transforms the LL from a strictly material phenomenon into a narrative-semiotic field in which visibility and invisibility are equally meaningful.

Contested Toponymy and the Politics of Renaming

A first major finding concerns the novel's use of contested place-names. The opening village sign *Tel Khatoun* is introduced not as a neutral marker of location but as a sign already burdened by a history of renaming. The narration states that the village had previously had another name, and that it became *Tel Khatoun* only after other villages and towns in the area were also renamed. The sign functions simultaneously as spatial identification and symbolic erasure: while it fixes the village within an official naming regime, it also indexes the disappearance of an earlier linguistic order.

This pattern expands at the territorial level when Leyla learns that *Das Land hatte zwei Namen* ('The land had two names'): one appearing in maps and official papers, and another used in the family, namely Kurdistan. The novel, therefore, presents toponymy as a site of tension between state legibility and vernacular belonging. Official names stabilize political authority, while familial names preserve affective and historical attachment. The result is a layered spatial regime, in which one landscape is publicly readable, and another survives only through intimate transmission. This dual naming structure demonstrates that toponymy in the novel is not referential but ideological. Official naming stabilizes administrative power, whereas vernacular naming preserves affective attachment, historical continuity, and communal legitimacy. Shown in Table 1.

Institutional Spaces and Uneven Multilingualism

A second finding is the novel's depiction of uneven multilingualism across space. Institutional settings are consistently associated with Arabic, surveillance, bureaucracy, and asymmetrical power relations, whereas Kurdish is more fully sustained in intimate, oral, and family-centered domains. At airports and checkpoints, Arabic is the language of officials, questioning, and passage control, while Leyla

does not understand the exchanges between her father and the officers. The airport is further marked by portraits of the president and his father, turning the institutional environment into a tightly regulated symbolic order.

In contrast, Kurdish circulates more fully in domestic and oral space. Yet the novel does not romanticize this domain as stable or complete. Leyla's father explicitly notes that only the younger villagers who had attended school could speak Arabic, while older villagers depended on translation in moments of crisis and information exchange. Multilingualism is therefore not balanced bilingualism but a socially uneven distribution of linguistic competence, strongly shaped by age, education, and institutional access. The novel therefore does not portray multilingualism as balanced coexistence. Instead, it depicts a stratified linguistic order, in which access to institutions, mobility, and formal recognition is mediated through state languages, while Kurdish remains socially meaningful but structurally marginalized. Shown in Table 2.

Table 1. Contested Toponymy in *Die Sommer*

Textual Evidence	Linguistic/Semiotic Feature	Spatial/Narrative Function	LL Interpretation
<i>Tel Khatoun</i> [18, p. 5] appears on the village sign in chipped letters, while the village is described as having <i>früher einen anderen Namen gehabt</i> ('previously had another name')	Renamed toponym; visible sign with erased history	Marks entry into the village while simultaneously signalling prior displacement	The sign is not neutral signage but a top-down inscription of authority that covers an earlier local identity
<i>Das Land hatte zwei Namen</i> ('The land had two names') [18, p. 10]: one on maps and official papers, another used in the family	Dual naming: official vs. familial	Splits space into cartographic legality and emotional homeland	Reveals overlapping landscapes: state-recognized Syria and narratively sustained Kurdistan
Leyla is explicitly warned, " <i>Du darfst den Namen des Landes niemandem verraten</i> " ('You must not reveal the name of the land to anyone') [18, p. 10]	Restricted naming	Regulates what can be said in public mobility contexts	Shows that naming itself is politically dangerous and ideologically monitored

Table 2. Spatial Distribution of Languages

Textual Evidence	Linguistic/Semiotic Feature	Spatial/Narrative Function	LL Interpretation
At the airport, bureaucratic space is marked by Arabic, as <i>Die Beamten und er sprachen Arabisch miteinander, und Leyla verstand kein Arabisch</i> ('The officials and her father spoke Arabic with each other, and Leyla understood no Arabic') [18, pp. 11, 12]	Institutional Arabic	Controls passage, questioning, and access	Arabic is linked to bureaucracy, authority, and state surveillance
State authority is also visually inscribed at the airport through <i>die lebensgroßen, in Gold gerahmten Porträts des Präsidenten und des Präsidentenvaters</i> ('the life-sized, gold-framed portraits of the president and the president's father') [18, p. 11]	Symbolic state visuality	Frames official space as ideologically saturated	Language and visual authority work together in institutional landscape-making
Linguistic inequality in the village is made explicit when the father says, " <i>Eigentlich konnten nur die Jüngeren Arabisch ... die, die eine Schule besucht hatten</i> " ('Actually, only the younger ones knew Arabic ... the ones who had attended school') [18, p. 17]	Unequal multilingual competence	Distinguishes generational access to information and public discourse	Shows linguistic hierarchy rather than neutral multilingual coexistence

Border Semiotics and Silent Landscape

A third finding concerns the semiotics of the border. The border to Turkey is visible from the grandparents' house as a distant mountain range, yet it is not narrated as a neutral geographical line. Leyla reflects that she might have found the mountains beautiful had she not known what had happened there. The visual landscape is thus overlaid with historical violence.

This is intensified by the father's stories of mines, night crossings, and smuggling routes near the border. The border becomes legible not through official signage but through narrated danger, remembered bodily risk, and inherited local knowledge. The novel, therefore, constructs the border as a silent LL, a space, in which language is not prominently displayed, but where meaning is produced through fear, memory, and tacit knowledge. In this sense, the border operates as a silent LL: it is minimally textual yet densely semiotic, since fear, violence, and restricted movement are encoded through narrative memory rather than public inscription. Shown in Table 3.

Table 3. Border as Silent Linguistic Landscape

Textual Evidence	Linguistic/ Semiotic Feature	Spatial/Narrative Function	LL Interpretation
The border enters the narrative landscape through the line <i>eine Bergkette, die Grenze zur Türkei</i> ('a mountain range, the border to Turkey') [18, p. 5]	Border named through narration	Connects everyday village life to geopolitical division	The border is narratively inscribed rather than materially signposted
This border is not neutral scenery, since <i>Hätte Leyla nicht gewusst, was sich an dieser Grenze abgespielt hatte, vielleicht hätte sie die Berge schön gefunden</i> ('If Leyla had not known what had happened at this border, perhaps she would have found the mountains beautiful') [18, pp. 5, 6]	Landscape charged by memory	Reframes scenery through violence and historical knowledge	Meaning arises from remembered events, not only visual appearance
Border space is further narrated through danger and mobility: <i>Die Kreuzchen sind Minen</i> ('The crosses are mines'), <i>nachts oft Leute über die Grenze gingen</i> ('at night people often crossed the border'), and <i>Explodierte eine Mine, hörte man es im Dorf</i> ('If a mine exploded, it could be heard in the village') [18, pp. 16, 17]	Oral danger-mapping	Produces an informal geography of risk	The border functions as a silent but ideologically dense landscape

Memory as Counter-Landscape

A fourth major finding is that memory operates as a counter-landscape. The novel repeatedly re-constructs erased or absent spaces through oral recall. This is most evident in the grandfather's conversations with "the Armenian," where names of villages, families, and places continue to circulate long after those communities have disappeared from lived geography. The remembered places survive through speech, not through maps or official recognition.

Similarly, Leyla's family preserves Kurdistan as a narratable homeland even when it lacks officially recognized borders. Memory in the novel is not merely retrospective – it is also spatially productive. It re-inscribes what administrative discourse leaves out. In this sense, *Die Sommer* presents narrative memory as a counter-landscape through which marginalized geographies remain legible despite administrative and cartographic exclusion. Memory in the novel is therefore not merely retrospective recollection. It performs a spatial function by re-inscribing names, routes, and attachments that official discourse either suppresses or leaves unrecorded, shown in Table 4.

Material Domestic Landscape as Semiotic Carrier

The final finding is that *Die Sommer* constructs LL through material domestic space. The grandparents' house is made of the same clay as the landscape, surrounded by gardens, olive trees, and fields, and built collectively by village men. These details are not ornamental description; they encode community, continuity, and cultural rootedness. The house is semiotically dense even without multilingual signage.

Table 4 . Memory-Based Counter-Landscapes

Textual Evidence	Linguistic/ Semiotic Feature	Spatial/Narrative Function	LL Interpretation
Familial geography resists official cartography in <i>Das andere war Kurdistan, ihr Land</i> ('The other was Kurdistan, their land') and <i>Leyla würde Kurdistan später im Schulatlas suchen, vergeblich</i> ('Later Leyla would look for Kurdistan in the school atlas, in vain') [18, p. 10]	Memory-preserved homeland name	Sustains communal belonging across political denial	Memory becomes a counter-map resisting official erasure
Memory functions as a counter-landscape when the grandfather and the Armenian visitor are described as <i>ihre Erinnerungen abzugleichen</i> ('comparing their memories') and speaking of <i>Familien, Dörfer und Namen</i> ('families, villages, and names') [18, pp. 29, 30]	Oral place preservation	Keeps absent places narratively alive	Spoken memory functions as substitute signage
Domestic space is materially tied to the land: <i>Das Haus war aus demselben Lehm wie die Landschaft</i> ('The house was made of the same clay as the landscape') [18, p. 10]	Cartographic absence	Contrasts lived naming with official invisibility	Demonstrates how formal maps exclude minority spatial knowledge

This pattern continues in Germany, where Leyla's father reconstructs the grandparents' garden by planting seeds brought from home and measuring other gardens against that lost one. Material space here becomes a transported and translated landscape. The domestic sphere functions as an archive of belonging in which architecture, cultivation, dress, and everyday objects become semiotic carriers of cultural continuity. Shown in Table 5.

Table 5 . Material Domestic Landscape

Textual Evidence	Linguistic/ Semiotic Feature	Spatial/Narrative Function	LL Interpretation
<i>Das Haus war aus demselben Lehm wie die Landschaft.</i> shows that the grandparents' house is made of the same clay as the surrounding land [18, pp. 5, 6]	Material-cultural landscape	Embeds dwelling within local ecology and social life	The house functions as a lived sign of rooted Kurdish-Yazidi belonging
<i>alle Männer des Dorfes zusammengekommen</i> ('all the men of the village gathered together') shows that the house was built collectively by village men [18, p. 6]	Communal construction	Links architecture to collective practice	Domestic space carries social memory, not merely physical shelter
<i>Die Samen für sie hatte der Vater aus dem Garten der Großeltern</i> ('Her father had got the seeds from her grandparents' garden') shows that in Germany, the father recreates the grandparents' garden using seeds from home [18, pp. 159, 160]	Transplanted material memory	Rebuilds homeland through cultivation in diaspora	Material practice extends the LL beyond homeland territory

Overall, the findings show that *Die Sommer* constructs LL through a combination of **renamed places, unequal multilingual domains, narrativized borders, remembered geographies, and materially grounded domestic spaces**. The novel, therefore, demonstrates that literary texts can reveal forms of language-in-space that remain partly invisible in conventional sign-based LL research. By embedding meaning in clay walls, gardens, household routines, and inherited objects, the novel shows that the LL is not limited to textual visibility. Material domesticity itself becomes a medium through which cultural presence is spatially sustained.

Taken together, these five categories show that *Die Sommer* redistributes linguistic meaning across visible signs, restricted naming practices, remembered geographies, silent borders, and materially encoded

domestic life. The novel, therefore, expands the analytic scope of LL by demonstrating that language-in-space may be narrated, recalled, withheld, and materially embodied, not only publicly displayed.

Discussion

This discussion situates *Die Sommer*'s portrayal of space and language within broader LL scholarship and highlights the study's main conceptual contributions. The analysis shows that Othmann's narrative instantiates an ideologically charged landscape: official place-names and visual symbols (e.g., the Arabic sign *Tel Khatoun*) convey state power, while suppressed Kurdish/Yazidi toponyms and languages survive only in family memory. This mirrors Shohamy's [25, 27] argument that LL reflects power and ideology, and Blommaert's [22] emphasis on the multilayered, scale-sensitive nature of signs. However, *Die Sommer* extends standard LL assumptions by substituting written signs with narrative and silence. Memory, songs, and everyday objects function as elements of a literary LL, forming a kind of counter-signage through which marginalized identities are preserved. We discuss how these findings align with Scollon & Scollon's [28] concept of geosemiotics (signs deriving meaning from their social-material placement) and expand it: here, even unspoken names and home-bound objects carry semiotic weight. Methodologically, treating a novel as LL data invites critical reflection: the text is a crafted, retrospective account rather than field-recorded signage, which raises questions of validity and triangulation. Nevertheless, it reveals aspects of the language landscape (*memory work, absence, emotional valence*) often inaccessible to empirical LL methods. These findings open several directions for future research, including comparative work on other diasporic literary texts, multi-modal approaches to narrative landscapes, and further methodological reflection on literary LL.

Positioning within Linguistic Landscape Scholarship

Scholars like Shohamy [25, 27] have emphasized that public language displays are never neutral: they are "ideologically charged" statements of power [25]. This view aligns with our findings. For example, the Arabized village sign *Tel Khatoun* in *Die Sommer* is not merely a name but a political assertion a top-down imposition that overwrites an earlier Kurdish/Yazidi name. The novel explicitly notes that the old name is gone ('the village had previously had a different name'), spotlighting the ideological nature of renaming. Such toponyms as power fit Shohamy's [27] model of LL as "political markers" reflecting state language planning. Indeed, Othmann's depiction resonates with Shohamy and Gorter's claim that LL reflects linguistic ideologies and symbolic power. The layered landscape of *Die Sommer*, with its contrast between official Arabic toponyms and private Kurdish ones, also echoes Blommaert's [22] notion of LL as a site of multiple "orders of indexicality" linking local speech to global nationalist narratives. The village's dual names (*official vs. family usage*) index two overlapping social worlds: the Arabized nation-state and the Kurdish homeland as experienced in memory. As Blommaert argues, signs can simultaneously invoke different scales (local homes, regional identity, national policy) and histories (empire, nation-building).

Scollon & Scollon's [28] geosemiotics further illuminates these data: they define LL as the "study of the social meaning of the material placement of signs and discourses." In *Die Sommer*, geographic features (*mountains at the Turkish border*) and objects (*clay house, bed, radio*) become "sites," in which meaning is made. For Scollon, a text's import emerges from where and how it is placed; here, narrative placement of words, including unuttered ones in space/culture, generates meaning. The novel shows that even silence in place is meaningful (e.g., *the missing Turkish/Kurdish name on maps*). In Scollonian terms, such absences are significant "posts" in the landscape, indexing the presence of censorship and violence. Thus, our findings map neatly onto key LL constructs: ideological contestation [25, 27], scale and indexicality [22], and geosemiotic context [28]. Taken together, these theoretical alignments show that the novel does not simply illustrate existing LL concepts but also stretches them toward narrative, mnemonic, and affective dimensions that are less visible in conventional sign-based research.

Extending Linguistic Landscape Beyond Public Signage

Traditional LL research tends to focus on visible signs in public space, such as billboards, graffiti, and street signs. *Die Sommer* challenges this emphasis by treating literary narrative itself as a LL. The novel contains almost no literal shop-signs or billboards; instead, language appears in conversation, private storytelling, and symbols. This implies a major extension of LL theory: language can inhabit space symbolically, narratively, or silently, while also being stratified through visual styling and unequal symbolic capital across languages [29, 30]. For instance, the silence of the word "Kurdistan" on any official map (told to Leyla as "not existing" to authorities) is a textual gap that speaks loudly: it signposts the state's erasure of that identity. Whereas a photographer of an actual town would find no sign reading "Kurdistan," the novel foregrounds this absence as meaningful. This extends LL's traditional remit: it treats omissions and memories as part of the landscape. In effect, *Die Sommer* presents a form of "negative-space" LL, in which ideological absence becomes meaningful in itself, much as scholars have noted in studies of erased minority histories.

Similarly, the novel's focus on home life (*songs on a cassette, clothes, gardens*) suggests that LL extends into the private sphere. Shohamy [25] stresses that power shapes both public and domestic language use; our results echo this but emphasize how the LL in literature is not confined to public artifice. The grandparents' house and songs operate like bottom-up signs or flags: the peacock symbols and Kurdish music are vernacular signifiers that fill the void left by banned signage. In sum, *Die Sommer* pushes LL theory to consider "signs" beyond signs – including narrative texts, rituals, and memories as legitimate semiotic carriers of language in space. This resonates with recent calls to broaden LL analysis to multimodal and affective dimensions [31], situating Othmann's fiction as a vivid case of such an expanded, literary landscape. This extension is especially important for texts emerging from marginalized or conflict-affected contexts, where linguistic presence may survive more powerfully in memory, story, and domestic materiality than in public inscription.

Memory and Silence as Semiotic Practices

A novel can dramatize how memory itself becomes a sign. In *Die Sommer*, characters repeatedly name ruined villages, lost relatives, and banned symbols. These acts of remembrance function like speech acts in a landscape of absence: invoking "1915–1916" or whispering mythic place-names keeps them alive in defiance of official silence. Memory here is a form of "counter-signage." As Scollon & Scollon [28] reminds us, discourse includes "our actions in the material world," which may mean physical writing or figurative remembering. The grandfather's muttered list of Armenian villages (*Kurukanah, Maribe, Kars...*) is a landscape sketched on the mind rather than on paper. The theoretical implication is that LLs encompass trans-sensory signifiers: even what is unspoken (*the Armenian Genocide, the devil's name, the Kurdish land*) carries weight. This idea extends LL scholarship by highlighting silence and nostalgia as sites of meaning. Just as the absence of English on a sign in Jerusalem might index conflict, in *Die Sommer* the narrative's silences index trauma and resistance.

Furthermore, cultural memory tangibly shapes space. For example, Kurdish revolutionary songs, especially those associated with Şivan Perwer, create an imagined geography in Leyla's mind, listing city names as if they were local roads. This aligns with Blommaert's [22] view of globalization: migrant networks use language media to generate hyper-local meanings. In LL terms, Şivan's lyrics paste patches of Kurdish landscape onto German roads and ceilings. Thus, the novel confirms that signification extends beyond immediate context; a song's lyrics index a homeland across borders (an illustration of Blommaert's polycentricity).

Methodological Reflections

Using a literary text as LL data raises distinctive methodological issues. A possible objection is that narrative is only a representation of a LL, not a genuine LL in the empirical sense. This objection is valid if LL is understood narrowly as the documentation of visible language in public space. However, the present study does not claim that *Die Sommer* provides field-recorded LL data. Instead, it argues that

the novel constructs a literary or discursive LL by representing how languages, place names, silences, and memories organize space and identity within the narrative world. The value of this approach lies in its ability to access dimensions of LL that are often absent from sign-based analysis, especially affective memory, erased toponyms, prohibited names, and the emotional experience of linguistic marginalization. This methodological distinction affects the scope of validity and generalizability. However, Othmann's story is grounded in the actual Yazidi/Kurdish experience, and explicit details (like the ban on Kurdish names) are historically documented. We mitigate subjectivity by cross-referencing known facts (e.g., the 1938 Dersim renamings, the ban on *şal û şapik*) mentioned in the novel with historical sources. In this sense, the novel offers a culturally grounded narrative testimony that can be read alongside, rather than in place of, ethnographic and historical evidence.

Triangulation is another consideration. Traditional LL might combine sign photos with interviews; here, we have instead a single narrative corpus. To compensate, one could incorporate additional texts (other refugee memoirs, folk tales) or visual materials from Kurdistan/Syria for future work. For the purposes of this study, the novel is approached as an interpretive narrative corpus rather than as a substitute for ethnographic participant observation. This limits generalizability but offers depth. Crucially, the literary form allows us to probe unseen aspects of LL: the emotional valence of language loss, and the process of forgetting, are conveyed via prose in ways that pure signage cannot capture.

Finally, there is an ethical dimension: dealing with sensitive content (*genocide, forced assimilation*) demands care. While LL research often preserves anonymity, the novel personalizes trauma. We respect this by presenting quotations and interpretations in context and by avoiding voyeuristic readings. In a broader methodological sense, incorporating literature into LL study encourages reflexivity: it reminds us that landscapes are also mental and imaginative. Researchers should thus expand their toolkits to include narrative analysis and historiography when examining language space, especially for marginalized groups.

Theoretical Contributions

Our study contributes several refinements to LL theory. First, it foregrounds memory as a semiotic system. We argue that memory-work (remembering place-names, folk songs, repressed histories) functions similarly to physical signage: it marks space with identity. This suggests extending the notion of LL to include "landscapes of memory," where signifiers are intangible yet carry communal meaning. Scholars like Ben-Rafael et al. [32] noted LL reflects identities; here, we show identity itself can create a private landscape through recollection.

Second, we show that silence is signifying. LLs research often examines visible signs, but our data underscore that absent or forbidden signs (*blank spaces, unuttered words*) are equally communicative. The grandfather's refrain "we do not even speak the Evil name" and the empty village sign *Name des Dorfes* ('name of the village') are deliberate non-texts that nonetheless broadcast ideology (*fear, reverence, erasure*). This aligns with recent theoretical work on semiotic withholding, including research on language taboo and the sensory dimensions of LL, and suggests that LL studies should systematically account for silences and blackouts as part of the archive.

Third, the research highlights everyday material culture as part of LL. While Shohamy [27] mentions the public-private divide, our findings indicate that homes, clothing, and local architecture carry the linguistic imprint. For instance, the traditional *şal û şapik* clothing worn by men functions like a moving sign of Kurdish identity. Similarly, the grandmother's shrine items (*Lalish water, olive branch*) inscribe religious-linguistic meaning into a domestic corner. This confirms Scollon's insight that "discourse" includes non-verbal actions and extends LL into material semiotics. It suggests a broader theoretical frame: LL as multimodal landscape, where language may be written, spoken, or embodied in objects and experienced through placemaking and material-emotional communication [33, 34].

Future Research Directions

Based on these conclusions, we propose several avenues for further inquiry:

a. **Comparative Literary LL:** Analyze other novels or oral histories from linguistically marginalized communities (e.g., *Kurdish diaspora*, *Irish Gaelic narratives*, *Indigenous literatures*) using the LL framework. This could test whether patterns of memory-signage and narrative erasure recur cross-culturally, and might refine "literary LL" as a genre.

b. **Integrating Visual and Textual Data:** Combine literary analysis with empirical fieldwork. For example, researchers could photograph current LL in Kurdish regions and compare them to the novel's descriptions. This mixed-method approach would triangulate fiction with reality, exploring how *Die Sommer*'s memories align with present-day signage.

c. **Methodological Innovation:** Future work may develop clearer guidelines for LL studies using non-traditional data such as literature, songs, and online narratives. This may include coding schemes for thematic signification or GIS-based mapping of narrative references.

d. **LL and mobility:** Future research may also investigate how LL practices change when places become diasporic. Leyla's Germany experiences (*lack of Kurdish texts*, *invisibility of homeland on post-cards*) point to an exilic landscape.

Conclusion

This study has shown that Ronya Othmann's *Die Sommer* can be read as a literary LL, in which language, memory, silence, and material culture shape the production of space. The analysis demonstrates that the novel relies not only on visible signs but also on contested place-names, erased toponyms, unspoken identities, and remembered homelands to construct an ideologically charged landscape. In this way, *Die Sommer* reveals how Kurdish and Yazidi identities persist symbolically even when excluded from official public representation. The study contributes to LL scholarship by demonstrating that literature can illuminate dimensions of language-in-space that are difficult to capture through sign-based analysis alone. At the same time, it highlights the importance of memory and narrative as forms of resistance to erasure. Future research may further develop the concept of literary LL by applying it to other minority, diasporic, or conflict-related texts.

Acknowledgement

The authors would like to thank the Faculty of Languages, Arts, and Cultures, Yogyakarta State University, and the Faculty of Teacher Training and Education, Dehasen University Bengkulu, for providing research facilities and academic support during the completion of this study. The authors also sincerely appreciate the reviewers for their constructive comments and valuable suggestions, which helped improve the clarity and theoretical contribution of this article.

REFERENCES

- [1] Landry R., Bourhis R.Y., Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study, *Journal of Language and Social Psychology*, 16 (1) (1997) 23–49. DOI: 10.1177/0261927X970161002
- [2] Backhaus P., *Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*, Multilingual Matters, Clevedon, 2007. DOI:10.2307/jj.27195495
- [3] Alomoush O.I.S., Multilingualism in the linguistic landscape of the ancient city of Jerash, *Asian Englishes*, 25 (1) (2023) 95–110. DOI: 10.1080/13488678.2022.2069421
- [4] Marshall S., Navigating COVID-19 linguistic landscapes in Vancouver's North Shore: official signs, grassroots literacy artefacts, monolingualism, and discursive convergence, *International Journal of Multilingualism*, 20 (2) (2023) 189–213. DOI: 10.1080/14790718.2020.1849225
- [5] Gorter D., Cenoz J., van der Worp K., The linguistic landscape as a resource for language learning and raising language awareness, *Journal of Spanish Language Teaching*, 8 (2) (2021) 161–181. DOI: 10.1080/23247797.2021.2014029

- [6] **Hu B., Song W.**, Language choices on corporate official websites: a study of virtual linguistic landscapes among Fortune Global 500 companies, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2025. DOI: 10.1080/01434632.2025.2555528
- [7] **Putri H.A., Rohmah Z.**, Virtual linguistic landscape on the website of the faculty of cultural studies, Universitas Brawijaya, Indonesia, *International Journal of Multilingualism*, 23 (1) (2025) 234–249. DOI: 10.1080/14790718.2025.2521720
- [8] *The Bloomsbury Handbook of Linguistic Landscapes*, ed. by R.J. Blackwood, S. Tufi, W. Amos, Bloomsbury Academic, London, New York, 2024.
- [9] **Ding S.L.**, Collective memory and identity of a rebranded ‘Chinatown, *International Journal of Heritage Studies*, 29 (11) (2023) 1265–1281. DOI: 10.1080/13527258.2023.2244921
- [10] **Simungala G., Banda F.**, Names of public memory spaces as sites of coloniality, cultural erasure, and downscaling in linguistic landscapes of Northern Zambia, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 47 (4) (2026) 1–14. DOI: 10.1080/01434632.2025.2460686
- [11] **Bagna C., Bellinzona M.**, ‘Everything Will Be All Right (?)’: Discourses on COVID-19 in the Italian Linguistic Landscape, *Frontiers in Communication*, 8 (2023) 1085455. DOI: 10.3389/fcomm.2023.1085455
- [12] **Soja E.W.**, *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*, Blackwell, Cambridge, MA, 1996.
- [13] **Tally R.T. Jr.**, *Spatiality*, Routledge, London, New York, 2013. 171 p.
- [14] **Rahmanto A.N., Fariza M.R.**, Shaping place identity through cultural storytelling: strategic communication in a small mountain city, *Frontiers in Communication*, 10 (2025) 1713091. DOI: 10.3389/fcomm.2025.1713091
- [15] **Tufi S.**, Heroic landscapes and the linguistic reconstitution of the self, *International Journal of Heritage Studies*, 29 (8) (2023) 837–859. DOI: 10.1080/13527258.2023.2220314
- [16] **De Vinne C.**, Place Names in Toni Morrison’s *The Bluest Eye*: A Literary Landscape of Racism, *Names: A Journal of Onomastics*, 70 (3) (2022) 1–11. DOI: 10.5195/names.2022.2395
- [17] Zhang T., Linguistic landscape as a way to construct multiple identities in the context of globalization: the case of an ancient town in China, *Social Semiotics*, (2024) 1–21. DOI: 10.1080/103-50330.2024.2405511
- [18] **Othmann R.**, *Die Sommer*, Carl Hanser Verlag, München, 2020.
- [19] **Cabiles B.S.**, Languaging the schoolscape: multilingualism in Melbourne’s superdiversity, *The Australian Educational Researcher*, 52 (5) (2025) 3677–3694. DOI: 10.1007/s13384-025-00872-y
- [20] **Chang S.-Y., Her O.-S.**, Simultaneous promotion of bilingualism and multilingualism? Unpacking conflicting orientations of language as problem, right, and resource in Taiwan, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, (2025) 1–16. DOI: 10.1080/01434632.2025.2546943
- [21] **Hillman S.**, Visualising identities and values in the educationscape of a U.S. international branch campus, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, (2025) 1–24. DOI: 10.1080/01434632.2025.2583261
- [22] **Blommaert J.**, *Ethnography, Superdiversity and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity*, Multilingual Matters, Bristol, 2013.
- [23] **Abiyo R., Oostendorp M.**, Chronicling chronotopes: landscaping language for Kenyan multilingual classrooms, *Ethnography and Education*, 21 (2) (2025) 174–196. DOI: 10.1080/17457823.2025.2597766
- [24] **Rajendram S., Burton J., Wong W., Bale J.**, Examining Teacher Candidates’ Pedagogical Practices and Stances Towards Translanguaging and Multimodality in Writing, *Canadian Journal of Applied Linguistics*, 25 (3) (2022) 33–65. DOI: 10.37213/cjal.2022.32597
- [25] **Shohamy E.**, LL research as expanding language and language policy, *Linguistic Landscape*, 1 (1–2) (2015) 152–171. DOI: 10.1075/ll.1.1-2.09sho
- [26] **Li C., Lu Long S., C., Zhu J.**, Linguistic landscape and its impacts on place-making in mountain destination: A case of Mogan Mountain Town of Huzhou City, China, *Journal of Mountain Science*, 21 (2024) 1613–1629. DOI: 10.1007/s11629-022-7762-2
- [27] **Shohamy E.**, *Language Policy: Hidden Agendas and New Approaches*, London, New York, Routledge, 2006. 209 p. DOI: 10.4324/9780203387962
- [28] **Scollon R., Scollon S.W.**, *Discourses in Place: Language in the Material World*, Routledge, London, 2003. DOI: 10.4324/9780203422724

[29] **Gonzales W.D.W., Yuen Y.C., Ou S., Zhou S.**, Styling mono-/bi-/multilingualism in the signs of plurilingual landscapes in Hong Kong: variability and socio-indexical meanings, *International Journal of Multilingualism*, 23 (1) (2025) 442–482. DOI: 10.1080/14790718.2025.2516543

[30] **Siziba L., Maseko B.**, Multilingual contestations and the reproduction of English legitimacy in bottom-up linguistic landscape: an analysis of shop signs in Bulawayo, *Cogent Arts & Humanities*, 11 (1) (2024) 2364490. DOI: 10.1080/23311983.2024.2364490

[31] **Pennycook A., Otsuji E.**, *Metrolingualism: Language in the City*, Routledge, London, New York, 2015. DOI: 10.4324/9781315724225

[32] **Ben-Rafael E., Shohamy E., Amara M.H., Trumper-Hecht N.**, Linguistic Landscape as Symbolic Construction of the Public Space: The Case of Israel, *International Journal of Multilingualism*, 3 (1) (2006) 7–30. DOI: 10.1080/14790710608668383

[33] **Charalambous C., Zembylas M., Aristidou X.**, Rethinking intercultural communication beyond verbal language: affect, embodiment and materiality in times of ‘crisis’, *Language and Intercultural Communication*, 25 (4) (2025) 431–441. DOI: 10.1080/14708477.2025.2552529

[34] **Liao M.-H., Strani K., Johnstone E.**, Pausing in the city: exploring placemaking through linguistically diverse landscapes, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, (2025) 1–16. DOI: 10.1080/01434632.2025.2583263

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Landry R., Bourhis R.Y.** Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. Vol. 16, Iss. 1. P. 23–49. DOI: 10.1177/026192-7X970161002

2. **Backhaus P.** *Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. DOI:10.2307/jj.27195495

3. **Alomoush O.I.S.** Multilingualism in the linguistic landscape of the ancient city of Jerash // *Asian Englishes*. 2023. Vol. 25, Iss. 1. P. 95–110. DOI: 10.1080/13488678.2022.2069421

4. **Marshall S.** Navigating COVID-19 linguistic landscapes in Vancouver’s North Shore: official signs, grassroots literacy artefacts, monolingualism, and discursive convergence // *International Journal of Multilingualism*. 2023. Vol. 20, Iss. 2. P. 189–213. DOI: 10.1080/14790718.2020.1849225

5. **Gorter D., Cenoz J., van der Worp K.** The linguistic landscape as a resource for language learning and raising language awareness // *Journal of Spanish Language Teaching*. 2021. Vol. 8, Iss. 2. P. 161–181. DOI: 10.1080/23247797.2021.2014029

6. **Hu B., Song W.** Language choices on corporate official websites: a study of virtual linguistic landscapes among Fortune Global 500 companies // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2025. DOI: 10.1080/01434632.2025.2555528

7. **Putri H.A., Rohmah Z.** Virtual linguistic landscape on the website of the faculty of cultural studies, Universitas Brawijaya, Indonesia // *International Journal of Multilingualism*. 2025. Vol. 23, Iss. 1. P. 234–249. DOI: 10.1080/14790718.2025.2521720

8. *The Bloomsbury Handbook of Linguistic Landscapes* / ed. by R.J. Blackwood, S. Tufi, W. Amos. London; New York: Bloomsbury Academic, 2024. 512 p.

9. **Ding S.L.** Collective memory and identity of a rebranded ‘Chinatown’ // *International Journal of Heritage Studies*. 2023. Vol. 29, Iss. 11. P. 1265–1281. DOI: 10.1080/13527258.2023.2244921

10. **Simungala G., Banda F.** Names of public memory spaces as sites of coloniality, cultural erasure, and downscaling in linguistic landscapes of Northern Zambia // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2026. Vol. 47, Iss. 4. P. 1–14. DOI: 10.1080/01434632.2025.2460686

11. **Bagna C., Bellinzona M.** ‘Everything Will Be All Right (?)’: Discourses on COVID-19 in the Italian Linguistic Landscape // *Frontiers in Communication*. 2023. Vol. 8. Art. no. 1085455. DOI: 10.3389/fcomm.2023.1085455

12. **Soja E.W.** *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Cambridge, MA: Blackwell, 1996. XII, 334 p.

13. **Tally R.T. Jr.** *Spatiality*. Routledge, 2013. 171 p.

14. **Rahmanto A.N., Fariza M.R.** Shaping place identity through cultural storytelling: strategic communication in a small mountain city // *Frontiers in Communication*. 2025. Vol. 10. Art. no. 1713091. DOI: 10.3389/fcomm.2025.1713091
15. **Tufi S.** Heroic landscapes and the linguistic reconstitution of the self // *International Journal of Heritage Studies*. 2023. Vol. 29, Iss. 8. P. 837–859. DOI: 10.1080/13527258.2023.2220314
16. **De Vinne C.** Place Names in Toni Morrison’s *The Bluest Eye*: A Literary Landscape of Racism // *Names: A Journal of Onomastics*. 2022. Vol. 70, Iss. 3. P. 1–11. DOI: 10.5195/names.2022.2395
17. **Zhang T.** Linguistic landscape as a way to construct multiple identities in the context of globalization: the case of an ancient town in China // *Social Semiotics*. 2024. P. 1–21. DOI: 10.1080/10350330.2024.2405511
18. **Othmann R.** *Die Sommer*. München: Carl Hanser Verlag, 2020. 284 S.
19. **Cabiles B.S.** Linguaging the schoolscape: multilingualism in Melbourne’s superdiversity // *The Australian Educational Researcher*. 2025. Vol. 52, Iss. 5. P. 3677–3694. DOI: 10.1007/s13384-025-00872-y
20. **Chang S.-Y., Her O.-S.** Simultaneous promotion of bilingualism and multilingualism? Unpacking conflicting orientations of language as problem, right, and resource in Taiwan // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2025. P. 1–16. DOI: 10.1080/01434632.2025.2546943
21. **Hillman S.** Visualising identities and values in the educationscape of a U.S. international branch campus // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2025. P. 1–24. DOI: 10.1080/01434632.2025.2583261
22. **Blommaert J.** *Ethnography, Superdiversity and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity*. Bristol: Multilingual Matters, 2013. 160 p.
23. **Abiyo R., Oostendorp M.** Chronicling chronotopes: landscaping language for Kenyan multilingual classrooms // *Ethnography and Education*. 2025. Vol. 21, Iss. 2. P. 174–196. DOI: 10.1080/17457823.2025.2597766
24. **Rajendram S., Burton J., Wong W., Bale J.** Examining Teacher Candidates’ Pedagogical Practices and Stances Towards Translanguaging and Multimodality in Writing // *Canadian Journal of Applied Linguistics*. 2022. Vol. 25, Iss. 3. P. 33–65. DOI: 10.37213/cjal.2022.32597
25. **Shohamy E.** LL research as expanding language and language policy // *Linguistic Landscape*. 2015. Vol. 1, Iss. 1–2. P. 152–171. DOI: 10.1075/ll.1.1-2.09sho
26. **Li C., Lu Long S., C., Zhu J.** Linguistic landscape and its impacts on place-making in mountain destination: A case of Mogan Mountain Town of Huzhou City, China // *Journal of Mountain Science*. 2024. Vol. 21. P. 1613–1629. DOI: 10.1007/s11629-022-7762-2
27. **Shohamy E.** *Language Policy: Hidden Agendas and New Approaches*. London; New York: Routledge, 2006. 209 p. DOI: 10.4324/9780203387962
28. **Scollon R., Scollon S.W.** *Discourses in Place: Language in the Material World*. London: Routledge, 2003. DOI: 10.4324/9780203422724
29. **Gonzales W.D.W., Yuen Y.C., Ou S., Zhou S.** Styling mono-/bi-/multilingualism in the signs of plurilingual landscapes in Hong Kong: variability and socio-indexical meanings // *International Journal of Multilingualism*. 2025. Vol. 23, Iss. 1. P. 442–482. DOI: 10.1080/14790718.2025.2516543
30. **Siziba L., Maseko B.** Multilingual contestations and the reproduction of English legitimacy in bottom-up linguistic landscape: an analysis of shop signs in Bulawayo // *Cogent Arts & Humanities*. 2024. Vol. 11, Iss. 1. Art. no. 2364490. DOI: 10.1080/23311983.2024.2364490
31. **Pennycook A., Otsuji E.** *Metrolingualism: Language in the City*. London; New York: Routledge, 2015. 216 p. DOI: 10.4324/9781315724225
32. **Ben-Rafael E., Shohamy E., Amara M.H., Trumper-Hecht N.** Linguistic Landscape as Symbolic Construction of the Public Space: The Case of Israel // *International Journal of Multilingualism*. 2006. Vol. 3, Iss. 1. P. 7–30. DOI: 10.1080/14790710608668383
33. **Charalambous C., Zembylas M., Aristidou X.** Rethinking intercultural communication beyond verbal language: affect, embodiment and materiality in times of ‘crisis’ // *Language and Intercultural Communication*. 2025. Vol. 25, Iss. 4. P. 431–441. DOI: 10.1080/14708477.2025.2552529
34. **Liao M.-H., Strani K., Johnstone E.** Pausing in the city: exploring placemaking through linguistically diverse landscapes // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2025. P. 1–16. DOI: 10.1080/01434632.2025.2583263

INFORMATION ABOUT AUTHORS / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Sri Megawati

Мегавати Шри

E-mail: megawati@uny.ac.id

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8671-8607>

Ahmad Syafran

Шафран Ахмад

E-mail: ahmadsyafran@unived.ac.id

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9910-8684>

Sulis Triyono

Триёно Сулис

E-mail: sulis@uny.ac.id

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2795-757X>

Submitted: 19.05.2026; Approved: 08.06.2026; Accepted: 22.06.2026.

Поступила: 19.05.2026; Одобрена: 08.06.2026; Принята: 22.06.2026.

Research article

UDC 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17207>

EDN: <https://elibrary/LWYPXL>

THE RHETORIC OF REJECTION: DENY AND COUNTER IN TRUMP AND HARRIS'S 2024 DEBATE DISCOURSE

T.B.G. Nguyen¹ , X.H. Tran²

¹ Duy Tan University, Da Nang City, Vietnam;

² The University of Da Nang, University of Science and Education,
Da Nang City, Vietnam

 txhiep@ued.udn.vn

Abstract. This study examines the use of Disclaim resources – specifically Deny and Counter – in the 2024 presidential debate between Donald Trump and Kamala Harris, drawing on Appraisal Theory within Systemic Functional Linguistics. It investigates how linguistic strategies of rejection function to manage disagreement, construct evaluation, and shape interpersonal positioning in real-time political discourse. Adopting a mixed-methods approach that combines quantitative analysis with qualitative discourse analysis, the study compares the frequency, distribution, and rhetorical functions of Deny and Counter in the candidates' debate performances. The findings show that Trump employs 193 Disclaim instances (19.78% of 976 clauses), considerably more than Harris's 60 instances (13.19% of 455 clauses), indicating a stronger tendency toward oppositional and confrontational rhetoric. In both datasets, Deny overwhelmingly outweighs Counter, with “*not*” as the most frequent marker, while “*but*” serves as the primary Counter resource, reflecting a shared preference for direct negation and contrast. The study contributes to the extension of Appraisal Theory to real-time debate interaction and offers insights into how political actors strategically deploy rejection resources to influence audience alignment and evaluative interpretation. The findings highlight the central role of Deny and Counter in persuasive political discourse.

Keywords: disclaim resources, deny, counter, engagement, debate.

Citation: Nguyen T.B.G., Tran X.H., The Rhetoric of Rejection: Deny and Counter in Trump and Harris's 2024 Debate Discourse, Terra Linguistica, 17 (2) (2026) 111–133. DOI: 10.18721/JHSS.17207

РИТОРИКА ОТКАЗА: ОТРИЦАНИЕ И КОНТРАРГУМЕНТ В ДИСКУССИЯХ ТРАМПА И ХАРРИС НА ДЕБАТАХ 2024 ГОДА

Т.Б.Д. Нгуен¹ , С.Х. Чан²

¹ Университет Дуй Тан, Дананг, Вьетнам;

² Университет Дананга, Университет науки и образования,
Дананг, Вьетнам

 txhiep@ued.udn.vn

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается использование ресурсов *Disclaim* — в частности, *Deny* и *Counter* — в президентских дебатах 2024 года между Дональдом Трампом и Камалой Харрис в рамках теории оценочности (Appraisal Theory) системно-функциональной лингвистики (Martin & White, 2005). Цель исследования состоит в выявлении того, каким образом языковые стратегии отрицания и опровержения используются для выражения несогласия, конструирования оценочных смыслов и формирования межличностного позиционирования в политическом дискурсе, разворачивающемся в режиме реального времени. В работе применяется смешанная методология, сочетающая количественный анализ с качественным дискурс-анализом. Сопоставляются частотность, распределение и риторические функции ресурсов *Deny* и *Counter* в выступлениях обоих кандидатов. Результаты показывают, что Дональд Трамп использует 193 реализации ресурсов *Disclaim* (19,78 % от 976 клауз), что существенно превышает показатель Камалы Харрис — 60 реализаций (13,19 % от 455 клауз). Это свидетельствует о более выраженной склонности Трампа к конфронтационной и оппозиционной риторике. В обоих корпусах ресурс *Deny* значительно преобладает над *Counter*: наиболее частотным маркером отрицания выступает *not*, тогда как *but* является основным средством реализации ресурса *Counter*, что отражает общую тенденцию к использованию прямого отрицания и противопоставления. Исследование способствует дальнейшему развитию теории оценочности применительно к анализу интерактивного дебатного дискурса и позволяет глубже понять механизмы стратегического использования ресурсов отрицания для воздействия на аудиторию и формирования оценочной интерпретации. Полученные результаты подчёркивают ключевую роль ресурсов *Deny* и *Counter* в реализации убеждающего потенциала политического дискурса.

Ключевые слова: ресурсы отрицания, отрицание, контраргумент, вовлеченность, дебаты.

Для цитирования: Нгуен Т.Б.Д., Чан С.Х. Риторика отказа: отрицание и контраргумент в дискуссиях Трампа и Харрис на дебатах 2024 года // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 2. С. 111–133. DOI: 10.18721/JHSS.17207

Introduction

Election campaign debates constitute a significant component of contemporary democratic politics and attract substantial public attention through live broadcasts, media coverage, and online discussions. They provide voters with an opportunity to compare candidates' policies, arguments, and leadership styles within a shared public forum [1]. Beyond their informational function, debates serve as sites of ideological contestation, in which political actors construct arguments, negotiate positions, and challenge opposing viewpoints through language [2]. As a result, political debates offer a valuable context for examining the persuasive and interactional dimensions of political discourse.

The 2024 U.S. presidential election created an especially dynamic political environment following President Joe Biden's withdrawal from the race on July 21st, 2024 and the subsequent nomination of Vice President Kamala Harris as the Democratic candidate [3]. Against this backdrop, the presidential debate between Donald Trump and Kamala Harris on September 10th, 2024, emerged as a pivotal campaign event, providing both candidates with an opportunity not only to present policy proposals but also

to directly challenge and undermine each other's claims before a national audience [4]. In such highly adversarial settings, language functions as a strategic rhetorical resource, through which political actors defend positions, reject criticism, and shape public interpretations of political issues.

The dialogic nature of political debate is particularly relevant to Appraisal Theory, developed within the framework of Systemic Functional Linguistics [5, 6]. Among its three subsystems – Attitude, Engagement, and Graduation – Engagement system focuses on how speakers position themselves with respect to alternative voices and viewpoints [6]. Through Engagement resources, speakers can either expand dialogic space by acknowledging alternative perspectives or contract it by rejecting, challenging, or limiting competing positions. One of the most important contractive categories is Disclaim, which comprises the resources Deny and Counter. Deny functions through explicit negation to reject alternative propositions, whereas Counter introduces contrastive meanings that challenge expectations or replace prior assumptions. These resources are particularly salient in political debates, in which candidates are required to respond to criticism, contest opponents' arguments, and establish ideological distinctions.

Previous studies have demonstrated the value of Appraisal Theory for investigating political discourse. Research on the Attitude subsystem has shown how political leaders employ evaluative language to construct identities, project authority, and promote ideological positions [7–13]. Other studies have focused on Engagement resources, revealing how political actors negotiate dialogic space, manage audience alignment, and construct persuasive arguments through monoglossic and heteroglossic strategies [14–19]. More broadly, research on stance and interpersonal positioning has shown that language users strategically manage commitment, evaluation, and audience alignment through linguistic choices. For example, Dashdamirova [24] demonstrated that native and non-native academic writers employ stance markers to construct authorial positioning and regulate degrees of commitment, highlighting the importance of dialogic management across discourse contexts.

Despite these valuable contributions, existing studies have largely concentrated on the overall distribution of Engagement categories and broader evaluative strategies, paying comparatively little attention to the specific rhetorical functions of Disclaim resources. Recent research has begun to address this issue. El-Sufi [25] demonstrated the prominence of denial strategies in Donald Trump's inaugural and farewell addresses, while Lin and Yang [26] showed that Disclaim resources play an important role in regulating epistemic legitimacy and ideological positioning. Similarly, Nguyen and Tran [27, 28] found that Deny and Counter constitute significant components of Trump's political rhetoric, contributing to dialogic contraction and persuasive force. Nevertheless, these studies focus primarily on prepared and monologic genres such as campaign speeches, inaugural addresses, and press conferences.

A similar limitation can be observed in emerging research on the 2024 Trump–Harris debate. Existing studies have examined rhetorical strategies, lexical choices, metaphor use, and ideological representation in the candidates' discourse [29–31]. While these studies provide valuable insights into rhetorical and ideological outcomes, they focus primarily on what positions the candidates construct rather than how those positions are interactionally negotiated and defended during debate exchanges. As such, the linguistic processes, through which disagreement is constructed and managed, remain insufficiently investigated.

To address these gaps, the present study investigates the use of Deny and Counter resources in the 2024 Trump–Harris presidential debate. Specifically, it examines their frequency, distribution, and discursive functions within the interactional context of debate discourse. Examining the interaction between two opposing candidates in a high-stakes presidential debate, the present study contributes to Appraisal Theory by deepening understanding of how Disclaim resources are strategically deployed to constrain alternative viewpoints, negotiate interpersonal positioning, and influence audience alignment within adversarial political discourse.

Research Aim and Objectives

Research Aim

This study seeks to examine how Disclaim resources – particularly Deny and Counter – are employed in the 2024 Trump–Harris debate through the lens of Appraisal Theory [6]. It focuses on how these linguistic resources function within an interactive debate setting to manage opposition, negotiate meaning, and shape argumentative trajectories. More specifically, the study aims to investigate the role of these resources in expressing stance, challenging alternative viewpoints, and constructing persuasive discourse within a highly competitive political context.

Research Objectives

To achieve this aim, the study is guided by the following objectives:

- To identify and classify Disclaim resources (Deny and Counter) in the 2024 Trump–Harris debate based on the Appraisal framework [6].
- To analyze the frequency and distribution of these resources in the discourse of both candidates.
- To examine the rhetorical functions of Deny and Counter in rejecting, contrasting, and positioning viewpoints within the debate.

Research Questions

In line with the above objectives, the study addresses the following research questions:

- What types of Disclaim resources (Deny and Counter) are employed in the 2024 Trump–Harris debate?
- How are these resources distributed across the discourse of the two candidates?
- What rhetorical functions do Deny and Counter perform in structuring argumentation and managing opposition?

Research Significance

This study contributes to the analysis of political discourse by examining the role of Disclaim resources within the Appraisal framework in a live debate context. By adopting both quantitative and qualitative approaches, it provides a more comprehensive understanding of Deny and Counter function not only as linguistic resources but also as strategic tools in political argumentation. The findings offer insights into how political speakers employ language to challenge opposing viewpoints and reinforce their rhetorical positions. Accordingly, the study enhances research on discourse analysis, Appraisal Theory and political communication while also providing implications for English language education, particularly in enhancing learners' critical awareness of evaluative language and persuasive discourse strategies.

Theoretical Background

Appraisal Theory

Appraisal Theory, developed within the tradition of Systemic Functional Linguistics, provides a comprehensive framework for examining how speakers and writers express evaluation, construct interpersonal meanings, and position themselves in relation to alternative viewpoints in discourse [6]. Building upon Halliday's interpersonal metafunction of language [5], the framework extends linguistic analysis beyond the clause level to account for evaluative and dialogic meanings operating across larger stretches of discourse. Although Appraisal Theory is related to concepts such as sentiment, stance, and evaluation, it differs in its systematic focus on the linguistic resources, through which these meanings are realized and negotiated [6].

According to Martin and White [6], Appraisal Theory consists of three interrelated subsystems: Attitude, Engagement, and Graduation. The Attitude subsystem concerns evaluative meanings and comprises Affect, Judgment, and Appreciation. Affect relates to the expression of emotions and feelings, Judgment evaluates human behaviour in terms of social norms and values, and Appreciation assesses objects, phenomena, processes, and states of affairs. The Engagement subsystem examines how speakers position their voices with respect to alternative viewpoints and competing perspectives while the

Graduation subsystem accounts for the scaling of evaluative meanings through adjustments in intensity, quantity, prototypicality, and category boundaries. Together, these subsystems provide a comprehensive model for analysing how speakers construct, negotiate, and amplify meanings in communication [6].

Engagement

Among the three subsystems of Appraisal Theory, Engagement is particularly relevant to the study of political discourse because it focuses on the dialogic management of viewpoints and interpersonal positioning [6]. Engagement examines how speakers present propositions either as uncontested statements or as responses to actual or potential alternative voices. Rather than treating utterances as isolated expressions of opinion, the Engagement framework highlights the inherently dialogic nature of discourse, in which speakers continually acknowledge, negotiate, challenge, or suppress competing perspectives [6].

Martin and White [6] distinguish between two broad categories within the Engagement system: Monogloss and Heterogloss. Monoglossic utterances present propositions as self-evident or authoritative statements without explicit reference to alternative viewpoints. In contrast, heteroglossic utterances recognize the presence of other voices, perspectives or positions within the communicative context and thus open up the dialogic space to varying degrees. Through these resources, speakers can align themselves with, distance themselves from or challenge competing viewpoints, thereby influencing audience interpretation and interpersonal alignment [6].

Within the heteroglossic domain, contractive resources function to restrict dialogic alternatives and strengthen the speaker's preferred position. One of the most significant contractive categories is Disclaim, which consists of the subcategories Deny and Counter [6]. As illustrated in Fig. 1, these resources enable speakers to reject, challenge or replace alternative propositions through distinct linguistic mechanisms.

Deny functions through explicit negation and is typically realised by forms such as “not,” “no,” “never,” “none,” “nobody,” “nothing,” and so on. By directly rejecting alternative propositions, Deny narrows the dialogic space and presents the speaker's position as more authoritative or legitimate [6]. Counter, by contrast, introduces a proposition that runs contrary to an expectation established by prior discourse. It is commonly realized through markers such as “but,” “however,” “yet,” “although,” “even though,” “instead,” and so forth. Rather than simply negating a proposition, Counter replaces or reorients an expected interpretation to constrain dialogic alternatives while simultaneously introducing a corrective or contrastive perspective [6].

Fig. 1 presents the classification of Disclaim resources within the Engagement system proposed by Martin and White [6].

In summary, Appraisal Theory – and particularly the Engagement subsystem – provides a robust theoretical foundation for analyzing how speakers negotiate alternative viewpoints and manage interpersonal positioning in discourse. Within this framework, Disclaim resources, including Deny and Counter, offer valuable analytical tools for examining how political actors strategically reject, challenge, and reframe competing perspectives. Therefore, the Engagement framework is especially well-suited to investigating the rhetoric of rejection in contemporary political debate discourse [6].

Previous Related Studies

Political discourse has long been recognized as a site, in which political actors construct evaluation, negotiate ideological positions, and shape audience alignment through language [5]. Within Systemic Functional Linguistics, Appraisal Theory provides a comprehensive framework for investigating how speakers express attitudes, position themselves toward alternative viewpoints, and manage interpersonal relationships with audiences [6]. Consequently, appraisal-based research has become increasingly influential in the analysis of political communication.

Early studies applying Appraisal Theory to political discourse focused predominantly on the Attitude subsystem, examining how political figures employ evaluative language to construct identities and achieve persuasive objectives. For instance, Rohmawati [7] and Ding [8] demonstrated that Barack

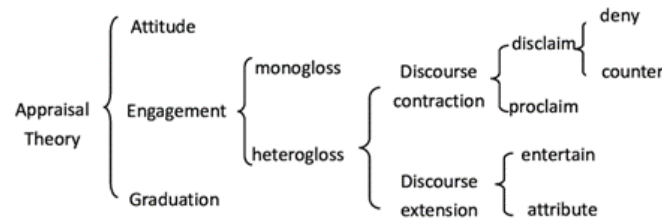

Fig. 1. Disclaim resources [6, p. 134]

Obama strategically utilized Affect, Judgment, and Appreciation to project optimism, solidarity, and national unity. Similarly, Mazlum and Afshin [9] identified distinct evaluative patterns in the speeches of Obama and Rouhani, reflecting differing diplomatic orientations and ideological commitments. Comparable findings were reported by studies of Michelle Obama and Hillary Clinton, which showed how appraisal resources functioned to balance emotional appeal, political legitimacy, and audience engagement. Extending the analysis to leadership and crisis communication, Abdulameer and Noor [10] revealed how evaluative language was employed to construct ideological positions in responses to the U.S. recognition of Jerusalem while Jombadi [11] demonstrated that appraisal resources contributed to the construction of leadership authority during the COVID-19 pandemic. Research on presidential rhetoric has similarly highlighted the prominence of evaluative meaning. Zhou [12] found that Judgment resources dominated Donald Trump's inaugural address, whereas studies of Joe Biden's victory discourse emphasized the strategic use of positive evaluation to promote unity and social inclusion [13]. Likewise, analyses of speeches by Indonesian President Joko Widodo revealed how variations in Judgment and Appreciation reflected shifting political priorities and communicative goals [14, 15]. More recently, Mohammed [16] demonstrated that the distribution of Attitude resources varies according to communicative context, with Ban Ki-moon's acceptance speech emphasizing Judgment and Appreciation while his farewell speech relied more heavily on Affect. These studies confirm the value of Appraisal Theory in uncovering evaluative and ideological dimensions of political discourse. However, their predominant focus on Attitude has left other dimensions of appraisal, particularly Engagement, comparatively underexplored.

This imbalance is theoretically significant because political discourse is inherently dialogic. Political actors rarely communicate in a vacuum; rather, they continuously position themselves in relation to competing voices, alternative interpretations, and anticipated audience responses. Recognizing this dialogic nature, scholars have increasingly turned to the Engagement subsystem to investigate how political speakers manage dialogic space and negotiate interpersonal positioning. Early research by Miller [17], Becker [18] demonstrated that Engagement resources play a crucial role in political persuasion by enabling speakers to establish legitimacy, secure audience alignment, and marginalize opposing viewpoints. Subsequent studies further confirmed the importance of Engagement in various political contexts. Ismail [19], for example, found that political leaders strategically combine monoglossic and heteroglossic resources to balance authority with inclusiveness. Similarly, Guo and Xu [20] observed that diplomatic discourse tends to favour expansive resources in order to facilitate consensus-building and maintain cooperative international relations. By contrast, Abubakar [21] showed that electoral discourse relies more heavily on contractive resources that challenge opponents and reinforce ideological commitment.

Recent studies have reinforced these observations while highlighting the growing importance of dialogic positioning in contemporary political communication. Alshammari and Alyousef [22], for instance, reported that both Donald Trump and Joe Biden relied predominantly on heteroglossic resources in their 2024 campaign speeches, although Trump employed both expansive and contractive options more extensively than Biden. Similarly, Dianová and Brusenbauch Meislová [23] demonstrated that fear-based appeals in British Prime Ministerial Brexit discourse served not only evaluative purposes but also

important dialogic functions by legitimizing preferred political actions and delegitimizing competing interpretations. These findings suggest that political persuasion depends not merely on evaluation but also on the strategic management of alternative voices and viewpoints. Nevertheless, most Engagement studies have concentrated on broad categorical distributions, often treating contractive and expansive resources as general indicators of rhetorical style. As a result, the specific interpersonal functions of individual Engagement categories remain insufficiently examined.

Among these categories, Disclaim is of particular theoretical importance because it represents one of the principal mechanisms, through which political actors reject, challenge, and reframe competing viewpoints [6]. Comprising the subcategories Deny and Counter, Disclaim enables speakers to directly contest alternative propositions while simultaneously advancing preferred interpretations. Despite its central role in political contestation, Disclaim has often received only limited attention within broader analyses of heteroglossia and persuasion. However, its specific contribution to political communication remains insufficiently understood.

Recent scholarship has begun to address this limitation. El-Sufi [25] found that denial strategies constituted a dominant feature of Donald Trump's inaugural and farewell addresses, functioning to reinforce certainty, authority, and ideological commitment through the rejection of alternative perspectives. Likewise, Lin and Yang [26] argued that Disclaim resources contribute to the regulation of epistemic legitimacy by positioning certain interpretations as more credible than competing alternatives. Similar patterns have been identified in Trump's more recent political discourse. Nguyen and Tran [27] reported that Deny, Counter, Entertain, and Acknowledge were among the most frequently employed Engagement resources in Trump's 2024 re-election announcement speech, reflecting a strategic combination of dialogic contraction and expansion. Furthermore, Nguyen and Tran [28] found a substantial increase in Disclaim resources between Trump's 2017 and 2025 inaugural speeches, suggesting a shift toward stronger dialogic contraction and a more confrontational rhetorical style. While these studies provide important evidence regarding the ideological significance of Disclaim, they are largely based on prepared monologic speeches. In general, they offer only limited insight into how Deny and Counter operate in interactive communicative environments, in which competing voices are immediately present and actively contested.

This limitation becomes particularly evident in the context of political debates. Unlike campaign speeches, debates are characterized by direct confrontation, real-time rebuttal, and continuous negotiation of competing claims [1, 2]. Such conditions make debates especially suitable for examining Disclaim resources because candidates must repeatedly reject accusations, challenge assumptions, and construct ideological contrasts under immediate interactional pressure. Nevertheless, appraisal-based research has devoted comparatively little attention to debate discourse.

Existing studies of the 2024 Trump–Harris presidential debate have focused primarily on rhetorical style, metaphorical framing, lexical choices, and ideological representation. Wicke and Bolognesi [29], for example, examined contrasting lexical patterns in the candidates' discourse while Jesudas and Mohammed [30] investigated broader discourse strategies from a critical discourse perspective. Similarly, Kieu and Ho [31] analyzed conceptual metaphors employed by both candidates to frame political issues and ideological positions. These studies reveal important differences in rhetorical style, with Trump's discourse generally characterized as confrontational and conflict-oriented, whereas Harris's rhetoric appears comparatively policy-oriented and institutionally framed. However, their analytical focus remains largely on the positions constructed by the candidates rather than the dialogic processes, through which those positions are negotiated, defended, and imposed during interaction. As a result, the linguistic mechanisms through which disagreement is enacted and managed remain inadequately explored.

Taken together, the existing literature reveals three interrelated research gaps. First, despite the extensive application of Appraisal Theory in political discourse studies, scholarly attention has focused

predominantly on Attitude resources, leaving Engagement – particularly Disclaim – relatively under-developed. Second, studies examining Deny and Counter have concentrated mainly on prepared and monologic genres, limiting our understanding of how these resources function in interactive political communication. Third, research on the 2024 Trump–Harris debate has emphasized rhetorical style, metaphor, and ideological representation while paying comparatively little attention to the interpersonal mechanisms, through which disagreement is negotiated. By investigating Deny and Counter resources in the 2024 Trump–Harris presidential debate, the present study addresses these gaps and contributes to a more nuanced understanding of how political actors employ dialogic contraction to reject competing viewpoints, construct ideological authority, and influence audience alignment in contemporary adversarial political discourse.

Methodology

Research Design

This study employs a mixed-methods research design that integrates quantitative and qualitative approaches to investigate the use of Disclaim resources in the 2024 Trump–Harris presidential debate. Drawing on the Engagement system within Appraisal Theory [6], the study focuses specifically on the dialogically contractive resources of Deny and Counter. The quantitative analysis identifies their frequency and distribution while the qualitative analysis examines their interpersonal and rhetorical functions in the negotiation of political disagreement and ideological positioning.

Data Source and Corpus Preparation

The data consist of the official transcript and video recording of the first 2024 U.S. presidential debate between Donald Trump and Kamala Harris on September 10th, 2024 and published by ABC News [4]. The transcript was verified against the video recording to ensure accuracy, especially in instances of interruptions, overlapping speech and incomplete utterances. Following the removal of non-verbal elements and moderator instructions, the final corpus contained 14,002 words, comprising 8,093 words produced by Trump and 5,909 words produced by Harris.

The corpus was manually segmented into clauses in accordance with principles of Systemic Functional Linguistics [5]. A clause was defined as a unit expressing a distinct experiential and interpersonal meaning. The final dataset consisted of 976 clauses produced by Trump and 455 clauses produced by Harris.

Coding Procedure

All clauses were manually annotated using the Engagement framework, with particular attention to the Disclaim category, including Deny and Counter resources. Deny resources were identified when linguistic forms of negation functioned to reject, invalidate, or challenge propositions and assumptions. Counter resources were identified when contrastive expressions introduced propositions that contradicted, modified, or reoriented prior expectations. Coding decisions were determined primarily by interpersonal function within the discourse context rather than by lexical form alone. To enhance coding consistency, a pilot analysis was conducted on approximately 10% of the corpus to refine coding criteria and establish operational definitions. Subsequently, the entire dataset was coded manually using a structured coding scheme derived from the Engagement framework.

Reliability and Data Analysis

To ensure analytical reliability, an independent coder with expertise in Appraisal Theory annotated the dataset. Inter-coder agreement reached 92.1% and any discrepancies were resolved through discussion and consensus. Analytical validity was strengthened through the application of clearly defined functional criteria based on the Engagement framework. The analysis proceeded in two stages. First, frequency counts and percentage distributions were calculated to identify patterns in the use of Deny and Counter resources by each candidate. Second, qualitative analysis examined how these resources

functioned to reject alternative viewpoints, construct evaluative stances, negotiate audience alignment, and reinforce persuasive arguments within the adversarial context of presidential debate discourse.

Analytical Tools

All coding and classification procedures were conducted manually and organized using Microsoft Excel, which was employed to construct coding matrices, manage annotations, and calculate frequency distributions. Concordance-style checking and repeated textual verification were also conducted manually throughout the analysis to ensure consistency in clause segmentation and coding decisions. Qualitative interpretation was subsequently carried out manually to preserve contextual and interactional meanings within the discourse.

Data Analysis

The analysis proceeded in two stages. First, a quantitative procedure was employed to identify and compare the distribution of Disclaim resources across the dataset. Frequency counts and percentage distributions were calculated for both candidates to identify overall patterns of dialogic contraction. Second, a qualitative functional analysis examined how Deny and Counter resources operated within specific interactional contexts. Particular attention was given to how these resources were used to reject opposing viewpoints, reframe propositions, construct evaluative positioning, negotiate interpersonal alignment, and enhance persuasive force in adversarial political discourse.

Findings and Discussions

Deny resources refer to the explicit rejection of a proposition through linguistic forms of negation. They are typically realized through items such as “not,” “no,” “never,” “none,” “nothing,” “nobody,” “neither,” “nor,” as well as negative adverbs such as “hardly” and “rarely”. Functionally, Deny resources operate to directly oppose and invalidate alternative viewpoints to reduce their dialogic legitimacy within discourse.

Disclaim Resources in the 2024 Trump–Harris Debate

Deny Resources

In the 2024 debate, Donald Trump frequently employs Deny resources as a direct strategy for rejecting opposing claims and questioning their credibility. This pattern contributes to a highly confrontational discourse style, in which disagreement is foregrounded and alternative perspectives are strategically constrained.

Deny Resources in Donald Trump’s Discourse

In this debate, Donald Trump frequently employs Deny resources as a direct strategy for rejecting opposing claims and questioning their reliability. Through repeated use of explicit negation, he challenges his opponent’s statements, disputes presented facts, and reinforces his own position as firm and authoritative. This pattern of usage reinforces a highly confrontational discourse style, in which disagreement is openly emphasized and alternative perspectives are systematically excluded in order to strengthen his argumentative stance.

Example 1: “*I’m surprised you’re **not** talking about the border yet.*” (T450, C646)

In this statement, the negation “not” functions as a Deny resource that contracts the dialogic space by rejecting the implicit expectation that border issues should already be under discussion. Its rhetorical force, however, derives not only from the negation itself but also from its embedding within the evaluative mental process “*I’m surprised,*” which frames the absence of such discussion as unexpected and worthy of criticism. Pragmatically, the clause “*you’re not talking about the border*” presupposes that the border constitutes a salient and politically urgent issue, thereby presenting its omission as evidence of communicative inadequacy rather than a legitimate choice of debate focus. Rather than directly accusing Harris of neglecting the issue, Trump adopts an indirect strategy that conveys criticism through an expression of surprise, allowing him to challenge his opponent while maintaining an ostensibly reasonable and observational stance. Within the debate context, this utterance also performs a strategic

discourse-management function by shifting attention toward immigration and border security, issues that occupy a central position in Trump’s political platform. Stylistically, the combination of personal evaluation and negation encourages the audience to interpret Harris’s silence as deliberate avoidance rather than mere omission. The Deny resource operates not merely to negate an action but to guide audience inference, restrict alternative interpretations of the opponent’s behavior, and reinforce Trump’s broader rhetorical strategy of portraying border security as a neglected yet essential national concern.

Example 2: “*They had the highest inflation, perhaps in the history of our country because I’ve **never** seen a worse period of time.*” (T104, C156)

In this example, “*never*” functions as a Deny resource that contracts the dialogic space by categorically excluding any alternative assessment of the economic situation. Its linguistic force stems from its status as an absolute experiential negator in the clause “*I’ve never seen a worse period of time,*” in which the speaker draws upon personal experience to present the evaluation as both authoritative and difficult to dispute. The statement moves beyond a factual description of inflation rates and constructs a subjective judgment as an apparently objective conclusion, inviting the audience to accept the speaker’s experience as evidence of the severity of economic decline. This effect is intensified by the interaction between “*never*” and the superlative expression “*a worse period of time,*” which together create a form of hyperbolic evaluation that portrays the economic conditions as unprecedented rather than merely problematic. As competing representations of economic performance vie for legitimacy within the debate, such absolute language serves a strategic rhetorical function by discouraging more nuanced interpretations and foregrounding a crisis-oriented reading of national conditions. The combination of personal testimony, superlative evaluation, and categorical negation stylistically enhances the emotional force of the utterance while reinforcing Trump’s credibility as a witness to historical change. Therefore, the Deny resource functions not only as a marker of negation but as a persuasive mechanism for amplifying perceptions of economic failure, legitimizing a narrative of national decline and strengthening Trump’s broader argumentative strategy of attributing responsibility for that decline to the incumbent administration.

The Distribution and Frequency of Deny Resources in Donald Trump’s 2024 Debate Discourse

Table 1, which presents the frequency and distribution of Deny resources in Donald Trump’s 2024 debate discourse, highlights their prominence and uneven distribution throughout the dataset.

Table 1. The Frequencies of Deny Resources in Donald Trump’s 2024 Debate Discourse

Deny Resource	Instances (f)	Proportion (%)
not	97	9.94
never	25	2.56
no	18	1.84
nobody	5	0.51
lie	3	0.31
hardly	1	0.1
impossible	1	0.1
Total	150	15.37

The above table illustrates the distribution of Deny resources in Donald Trump’s 2024 debate discourse, with 150 instances accounting for 15.37% of the 976 analyzed clauses, indicating a strong reliance on negation as a central engagement strategy. The distribution is highly uneven, with “*not*” overwhelmingly dominant at 97 occurrences (9.94%), suggesting that Trump primarily depends on direct clause-level negation to reject propositions, challenge opposing claims, and express disagreement in a

clear and assertive manner. Other markers such as “*never*” (2.56%) and “*no*” (1.84%) reinforce categorical rejection through intensified negation while less frequent forms including “*nobody*,” “*lie*,” “*hardly*,” and “*impossible*” contribute additional evaluative and interpersonal impact. Collectively, the findings demonstrate that Trump’s discourse is characterized by direct opposition, strong dialogic contraction, and a confrontational rhetorical style that prioritizes explicit rejection over nuanced negotiation of alternative viewpoints.

Deny Resources in Kamala Harris’s Discourse

The use of Deny resources in Harris’s discourse functions as a strategic linguistic mechanism for rejecting opposing claims, narrowing dialogic space, and establishing an evaluative position grounded in democratic values and political accountability. Through this pattern, Harris directly challenges Trump’s arguments while simultaneously reinforcing the legitimacy and authority of her own stance within the debate context.

Example 3: “*You will **not** hear him talk about your needs, your dreams and your desires.*” (H130, C383)

“*Not*” functions as a Deny resource that contracts the dialogic space by excluding the possibility that the opponent engages with or advocates for the interests of ordinary citizens. The construction “*You will not hear him talk*” combines future modality with negation, transforming the proposition from a description of past conduct into a prediction of future behavior. This formulation encourages the audience to interpret the opponent’s alleged silence as a persistent and defining characteristic rather than an isolated instance. By denying the likelihood of such communication, Harris implicitly invokes the normative expectation that political leaders should address citizens’ concerns to challenge the opponent’s legitimacy as a representative of the public. The tricolon “*your needs, your dreams and your desires*” further amplifies the criticism by extending it beyond material concerns to encompass personal aspirations and emotional expectations. Moreover, the repetition of the possessive pronoun “*your*” establishes a direct interpersonal connection with the audience, encouraging listeners to perceive themselves as personally affected by the opponent’s alleged neglect. Within the broader campaign context, this rhetorical strategy constructs a clear opposition between the opponent and the electorate while simultaneously positioning Harris as aligned with citizens’ interests. Consequently, the Deny resource functions not merely as a mechanism of negation but as a persuasive strategy of audience alignment and interpersonal positioning, portraying the opponent as disconnected from the public and reinforcing the broader campaign narrative that effective political leadership depends on responsiveness to the needs and aspirations of ordinary citizens.

Example 4: “*Donald Trump said he was going to allow Medicare to negotiate drug prices. He **never** did.*” (H413, C1302)

Harris utilizes “*never*” as a strong Deny resource that contracts the dialogic space by categorically rejecting the possibility that Trump fulfilled his promise to allow Medicare to negotiate drug prices. The linguistic force of “*never*” lies in its status as an absolute temporal negator, which presents the alleged failure as complete and unequivocal rather than partial or open to qualification. This effect is reinforced by the elliptical construction “*He never did*,” whose brevity foregrounds the negation itself and gives the statement a decisive and emphatic tone. Pragmatically, the utterance derives its persuasive force from the contrast between the reported commitment “*said he was going to*” and the subsequent denial of action, inviting the audience to infer a discrepancy between words and deeds. Within the debate context, in which credibility and accountability are central concerns, this contrast functions as a powerful rhetorical strategy for undermining the opponent’s ethos. Stylistically, the movement from a detailed policy promise to the terse and categorical rebuttal creates a sharp opposition between expectation and reality, thereby intensifying the accusation of non-performance. By excluding alternative interpretations such as partial implementation or mitigating circumstances, the use of “*never*” not only strengthens dialogic contraction but also constructs a narrative of broken promises and political unreliability. Consequently, the Deny resource serves not merely to negate an action but to delegitimize the opponent’s credibility

and reinforce Harris’s broader argumentative strategy of portraying Trump as an untrustworthy leader whose commitments cannot be relied upon.

The Frequencies of Deny Resources in Kamala Harris’s 2024 Debate Discourse

The analysis below outlining the frequency of Deny resources in Kamala Harris’s 2024 debate discourse focuses on how different forms of negation are employed across 455 clauses to express opposition, correction, and argumentative alignment.

Table 2. The Frequencies of Deny Resources in Kamala Harris’s 2024 Debate Discourse

Deny Resource	Frequency	Percentage (%)
not	41	9.01
no	3	0.66
barely	1	0.22
never	1	0.22
no longer	1	0.22
Total	47	10.33

Table 2 illustrates that Deny resources account for 10.33% of the 455 clauses, indicating a moderate use of dialogic contraction. Among these, “not” is overwhelmingly dominant, occurring 41 times (9.01%), which suggests that negation is primarily realized through the most direct and unmarked form. In contrast, other Deny items such as “no” (0.66%), “barely,” “never,” and “no longer” (each 0.22%) appear only marginally. This uneven distribution highlights a clear preference for simple, explicit negation as opposed to more nuanced or intensified forms of denial. The pattern suggests that the speaker relies heavily on straightforward negation to reject alternative positions and to reinforce a firm and unambiguous stance while limiting dialogic space.

The Comparison of Deny Resources in Donald Trump and Kamala Harris’s Discourse in 2024 Debate

The comparative table below presenting a contrastive analysis of Deny resources in the discourse of Donald Trump and Kamala Harris during the 2024 debate outlines their frequencies and distribution patterns to identify similarities and differences in the use of negation as a dialogic strategy.

Table 3. Comparative Distribution of Deny Resources in Trump and Harris’s 2024 Debate Discourse

Category	Marker	Trump Frequency (976 clauses)	Trump (%)	Harris Frequency (455 clauses)	Harris (%)
Shared markers	not	97	9.94	41	9.01
	never	25	2.56	1	0.22
	no	18	1.84	3	0.66
Trump-speaker-specific	nobody	5	0.51	0	0
	lie	3	0.31	0	0
	hardly	1	0.1	0	0
	impossible	1	0.1	0	0
Harris-speaker-specific	barely	0	0	1	0.22
	no longer	0	0	1	0.22
Total Deny	—	150	15.37	47	10.33

Table 3 presents the distribution of deny resources in the 2024 debate discourse of Donald Trump and Kamala Harris, both in terms of frequency and lexical diversity. It is evident that Trump employs significantly more deny markers (150 instances, 15.37% of 976 clauses) than Harris (47 instances, 10.33% of

455 clauses), indicating a stronger reliance on negation to contract dialogic space and reject opposing viewpoints. Both speakers predominantly use “*not*” as the central negation device (9.94% for Trump and 9.01% for Harris), confirming its role as the primary grammatical marker of denial in debate contexts. However, Trump makes more frequent use of stronger negators such as “*never*” (2.56%) and “*no*” (1.84%) compared to Harris (0.22% and 0.66%, respectively) to suggest a more absolute and emphatic rejection style. Furthermore, Trump’s discourse exhibits greater lexical variation, including unique markers such as “*nobody*,” “*lie*,” “*hardly*,” and “*impossible*,” which intensify evaluative force and contribute to a more confrontational rhetorical stance, whereas Harris uses a more limited range, with only “*barely*” and “*no longer*” appearing as marginal, speaker-specific items. Overall, the findings indicate that Trump’s use of deny resources is more frequent, varied, and rhetorically forceful while Harris’s approach is comparatively restrained, selective, and less overtly confrontational.

Counter Resources

This section examines the use of Counter resources in the 2024 debate discourse of Donald Trump and Kamala Harris, with particular attention to their frequency, distribution, and functional roles in signaling contrast, developing rebuttals and enacting strategic opposition within the interaction.

Counter Resources in Donald Trump’s Discourse

In this debate, Donald Trump employs Counter resources as a strategic device to introduce contrast and reframe arguments to help him challenge Kamala Harris’s positions and assert his own opposing stance.

Example 5: “***But we have a president... that doesn’t know he’s alive.***” (T727, C1017)

The coordinator “*but*” functions as a Counter resource that contracts the dialogic space by signaling a departure from an expected or previously available line of reasoning and replacing it with a contrasting evaluation. Its rhetorical significance lies not merely in marking opposition but in guiding the audience toward a reinterpretation of the preceding discourse. “*But*” acknowledges the existence of an alternative perspective only to immediately challenge and override it to position the speaker’s viewpoint as the more valid interpretation. This counter-expectational force is amplified by the subsequent clause “*doesn’t know he’s alive*,” in which the negation “*doesn’t*” combines with hyperbolic language to construct an extreme portrayal of presidential incompetence. Rather than offering a literal assessment, the expression functions as a stylistic device of ridicule and derision, inviting the audience to infer cognitive incapacity and unfitness for leadership. In the debate context, candidates seek not only to promote their own positions but also to undermine the credibility of their opponents, the interaction between “*but*” and “*doesn’t*” serves a strategic rhetorical purpose by transforming a political disagreement into a question of personal capability and legitimacy. The abrupt shift introduced by “*but*” creates contrastive emphasis while the exaggerated characterization that follows enhances memorability and emotional impact. This Counter resource operates not simply to introduce a contrasting proposition but to redirect audience evaluation, suppress alternative interpretations of the president’s performance, and reinforce Trump’s broader argumentative strategy of delegitimizing the incumbent administration through highly personalized criticism.

Example 6: “***When I had it, I had tariffs and yet I had no inflation.***” (T15, C41)

The lexical item “*yet*” functions as a Counter resource that contracts the dialogic space by invoking and subsequently rejecting an expected causal relationship between tariffs and inflation. Linguistically, “*yet*” establishes a counter-expectational connection between the clauses “*I had tariffs*” and “*I had no inflation*,” signaling that the second proposition runs contrary to what many listeners might reasonably anticipate. The utterance presupposes the widely circulated economic argument that tariffs increase consumer costs and contribute to inflationary pressure; however, the use of “*yet*” challenges this assumption by presenting Trump’s experience as evidence that such expectations do not necessarily hold. The rhetorical force of the statement is strengthened by the first-person repetition of “*I had*,” which foregrounds the speaker’s personal record and positions him as a direct witness to the alleged success

of the policy. In the context of debate, economic competence is a central point of contestation, this countering move enables Trump to pre-empt criticism of his tariff policies and to reframe a potential liability as proof of effective leadership. Stylistically, the juxtaposition of tariffs and the absolute negation “*no inflation*” creates a concise and memorable contrast that simplifies a complex economic issue into an apparently straightforward causal claim. The Counter resource does more than introduce an unexpected relationship; it functions as a persuasive mechanism for challenging dominant interpretations of economic policy, validating the speaker’s past performance, and reinforcing Trump’s broader argumentative strategy of portraying his administration as uniquely capable of achieving positive economic outcomes despite conventional expectations to the contrary.

The Distribution of Counter Resources in Donald Trump’s 2024 Debate Discourse

This section examining the frequency and distribution of Counter resources in Donald Trump’s 2024 debate discourse highlights how these features contribute to his rhetorical and evaluative strategies.

Table 4. Distribution of Counter Resources in Donald Trump’s 2024 Debate Discourse

Counter Marker	Frequency (n)	Percentage of Clauses (%)
But	42	4.3
Yet	1	0.1
Total Counter Resources	43	4.41

Table 4 indicates that Counter resources in Donald Trump’s 2024 debate discourse are used relatively sparingly, accounting for 4.41% of the 976 clauses, suggesting that countering is not a dominant engagement strategy in his rhetoric. The distribution is notably uneven, with “but” occurring 42 times (4.30%) and accounting for the vast majority of instances, whereas “yet” appears only once (0.10%). This overwhelming preference for “but” points to a deliberate reliance on a simple and frequent connector to introduce contrast to enable the speaker to acknowledge a prior or implied proposition and then promptly overturn or reframe it. Such Counter usage, therefore, serves to contract dialogic space by directing the audience toward the speaker’s preferred interpretation while implicitly challenging alternative viewpoints. The minimal use of “yet,” which is more formal and stylistically marked, further suggests a tendency toward direct, accessible and conversational expression rather than stylistic variation. Additionally, the overall low frequency of Counter resources indicates that the speaker is less oriented toward dialogic negotiation through contrast and instead adopts a more assertive stance, likely relying more on Deny resources to reject opposing perspectives in a more explicit and categorical manner.

Counter Resources in Kamala Harris’s 2024 Debate

In the 2024 debate, Kamala Harris strategically employs Counter resources to construct contrastive meanings, contest opposing viewpoints, and reframe arguments. Through this approach, she manages disagreement in a measured manner while sustaining a coherent and persuasive rhetorical position.

Example 7: “**But** what we have in the former president is someone who would prefer to run on a problem instead of fixing a problem.” (H122, C375)

“But” functions as a Counter resource that contracts the dialogic space by signaling a shift from an available or implied expectation toward a contrasting interpretation of the former president’s conduct. Instead of merely signaling opposition, “but” performs a corrective discourse function by inviting the audience to reconsider any assumption that political leaders seek to solve public problems and replacing that expectation with a more critical characterization. This utterance relies on the shared assumption that effective leadership is measured by a commitment to addressing societal challenges; therefore, the claim that the former president would “prefer to run on a problem instead of fixing a problem” presents his behavior as a deliberate violation of this norm. The rhetorical force of the statement is strengthened by the contrastive structure “run on a problem” versus “fixing a problem,” which establishes a binary

opposition between political self-interest and responsible governance. The repetition of the phrase “*a problem*” creates parallelism that enhances memorability and sharpens the evaluative contrast while the mental-process expression “*would prefer*” attributes intentionality to the opponent’s actions, portraying the alleged behavior as a conscious strategic choice rather than a consequence of circumstance or policy disagreement. In this context, candidates compete to establish both competence and moral legitimacy, this countering move enables Harris to reframe political disagreement as evidence of flawed motives and questionable leadership values. As such, the Counter resource does more than introduce an alternative perspective; it functions as a persuasive mechanism for delegitimizing the opponent’s intentions, restricting more favorable interpretations of his actions, and reinforcing Harris’s broader rhetorical strategy of presenting herself as committed to problem-solving while portraying the former president as politically invested in the continuation of the very issues he claims to oppose.

Example 8: “*My opponent, on the other hand, his plan is to do what he has done before.*” (H21, C21)

The expression “on the other hand” functions as a Counter resource that contracts the dialogic space by establishing a contrastive framework, through which competing political visions are evaluated. The marker signals a shift from the speaker’s own policy orientation to that of her opponent, inviting the audience to compare the two alternatives while simultaneously guiding them toward a preferred interpretation. This utterance presupposes that electoral choices should be assessed in terms of future outcomes and political progress; against this backdrop, the characterization of Trump’s plan as “to do what he has done before” implicitly associates his agenda with repetition rather than innovation. The rhetorical force of the statement derives from the interaction between the contrastive marker and the vague but evaluatively loaded reference to past actions, which encourages listeners to draw upon their own perceptions of Trump’s previous presidency and interpret those experiences as evidence against returning to similar policies. The phrase “on the other hand” creates an appearance of balanced and rational comparison, allowing Harris to present her criticism as the logical conclusion of a fair evaluation rather than an overt attack. It helps candidates seek to distinguish themselves from their opponents, and this countering move serves a strategic function by constructing a binary opposition between change and continuity, future-oriented leadership and backward-looking governance. The Counter resource operates not merely as a discourse organizer but as a persuasive mechanism for framing the electoral choice in evaluative terms, restricting more favorable interpretations of the opponent’s agenda, and reinforcing Harris’s broader rhetorical strategy of positioning herself as the candidate of progress while portraying Trump as representative of a return to the past.

The Distribution of Counter Resources in Kamala Harris’s 2024 Debate Discourse

This subsection examines the frequency and distribution of Counter resources in Harris’s 2024 debate performance, providing a quantitative basis for understanding how she constructs contrast and negotiates opposing viewpoints in her argumentation.

Table 5. The Distribution of Counter Resources in Kamala Harris’s 2024 Debate Discourse

Counter Marker	Occurrences (n)	Percentage of Total Clauses (%)
<i>but</i>	12	2.64
<i>on the other hand</i>	1	0.22
Total Counter Resources	13	2.86

Table 5 indicates that Counter resources in Kamala Harris’s 2024 debate discourse occur at a relatively low rate, accounting for 2.86% of the 455 clauses, suggesting that this type of engagement is not central to her rhetorical approach. The distribution is also markedly uneven: “*but*” appears 12 times (2.64%) and accounts for nearly all instances, whereas “*on the other hand*” is used only once (0.22%), indicating limited diversity in contrastive markers. Functionally, “*but*” serves to introduce a shift in

perspective by acknowledging an implied or preceding proposition and then qualifying or challenging it, consistent with its role in Appraisal Theory as a resource for contracting dialogic space and steering the audience toward the speaker’s preferred interpretation. The single occurrence of “*on the other hand*,” a more explicit and formally marked contrastive expression, suggests a moment of more elaborated reasoning, in which alternative viewpoints are more clearly staged before being reinterpreted. Taken together, the relatively low frequency of Counter resources implies that Harris, similar to Donald Trump, does not rely heavily on concessive contrast. However, her occasional use of a more formal marker such as “*on the other hand*” reflects a slightly more structured and rhetorically explicit style, even though such instances remain rare.

A Comparative Analysis of Counter Resource Usage in the 2024 Debate Between Donald Trump and Kamala Harris

This section offers a comparative examination of Counter resources in the 2024 debate discourse of Donald Trump and Kamala Harris, with particular attention to their frequency, distribution, and rhetorical roles in shaping oppositional meaning.

Table 6. Distribution of Counter Resources in Trump and Harris’s 2024 Debate Discourse

Counter Resource	Trump Frequency (n = 976 clauses)	Trump (%)	Harris Frequency	Harris (%)
<i>but</i>	42	4.3	12	2.64
<i>yet</i>	1	0.1	0	0
<i>on the other hand</i>	0	0	1	0.22
Total	43	4.41	13	2.86

Table 6 reveals notable differences in the distribution of Counter resources between Donald Trump and Kamala Harris in the 2024 debate discourse. Trump employs Counter resources more frequently (4.41%) than Harris (2.86%), indicating a greater reliance on contrastive strategies to challenge or re-frame propositions. In both cases, however, the use of Counter resources is heavily dominated by “*but*,” which accounts for nearly all instances in Trump’s data (4.30%) and remains the primary marker for Harris (2.64%), suggesting a shared preference for a simple, direct, and efficient means of introducing contrast. Trump’s use shows very limited variation, with only one instance of “*yet*” (0.10%) and no occurrence of more elaborated markers, reflecting a rhetorical style that favors immediate contradiction and rapid argumentative shifts. In contrast, Harris demonstrates slightly more diversity through a single use of “*on the other hand*” (0.22%), a more explicit and balanced contrastive expression that signals a more structured form of argumentation although such usage remains rare. These Counter resources function to contract dialogic space by acknowledging alternative viewpoints only to redirect the audience toward the speaker’s preferred position. Despite these functional similarities, the overall low percentages for both speakers suggest that concessive contrast is not a dominant engagement strategy in the debate, with both candidates – particularly Trump – likely relying more on direct rejection strategies such as Deny, resulting in a more assertive and less dialogically expansive discourse style.

Comparative Analysis of Disclaim Resources in Trump and Harris’s 2024 Debate Discourse

The following table offers a comparative analysis of Disclaim resources in the 2024 debate discourse of Donald Trump and Kamala Harris, examining how each candidate deploys denial and countering strategies to construct evaluation and manage dialogic positioning.

Table 7, presenting a detailed distribution of Disclaim resources in Trump and Harris’s 2024 debate discourse, reveals both quantitative divergence and functional convergence in their rhetorical strategies. Trump employs a considerably higher number of Disclaim resources (193 instances, 19.78%) compared to Harris (60 instances, 13.19%), indicating a more intensive reliance on rejection-oriented language

Table 7. Distribution of Disclaim Resources in Trump and Harris’s 2024 Debate Discourse

Disclaim Resource	Marker	Trump Frequency (n = 976 clauses)	Trump (%)	Harris Frequency (n = 455 clauses)	Harris (%)
Deny	<i>not</i>	97	9.94	41	9.01
	<i>never</i>	25	2.56	1	0.22
	<i>no</i>	18	1.84	3	0.66
	<i>nobody</i>	5	0.51	0	0
	<i>lie</i>	3	0.31	0	0
	<i>hardly</i>	1	0.1	0	0
	<i>impossible</i>	1	0.1	0	0
	<i>barely</i>	0	0	1	0.22
	<i>no longer</i>	0	0	1	0.22
	Total Deny		150	15.37	47
Counter	<i>but</i>	42	4.3	12	2.64
	<i>yet</i>	1	0.1	0	0
	<i>on the other hand</i>	0	0	1	0.22
	Total Counter	43	4.41	13	2.86
Disclaim Resources	—	193	19.78	60	13.19

in his debate performance. This suggests that Trump’s discourse is more frequently structured around direct opposition, negation, and argumentative confrontation. Within the Deny category, both speakers show a strong preference for the marker “*not*,” which functions as the dominant form of explicit negation in their discourse. Trump uses “*not*” 97 times (9.94%) while Harris uses it 41 times (9.01%), demonstrating a relatively similar proportional reliance despite differences in absolute frequency. However, divergence becomes more visible in less frequent markers: Trump employs a wider range of negative expressions such as “*never*,” “*nobody*,” “*lie*,” “*hardly*,” and “*impossible*,” whereas Harris shows a more limited distribution, with occasional use of “*barely*” and “*no longer*.” This indicates that Trump’s denial strategies are more lexically varied and rhetorically forceful, contributing to a stronger overall oppositional stance. In the Counter category, both candidates again display parallel structural tendencies but at lower frequencies. The conjunction “*but*” dominates in both datasets, accounting for 42 instances (4.30%) in Trump’s discourse and 12 instances (2.64%) in Harris’s. The minimal use of alternative counter markers such as “*yet*” and “*on the other hand*” suggests that both speakers prefer direct adversative contrast over more elaborated concessive framing. Taken as a whole, the findings indicate that while Trump and Harris differ significantly in the intensity of Disclaim usage, they share a similar internal distribution pattern, with Deny functioning as the primary rhetorical resource and Counter playing a secondary role. This consistency highlights the central role of explicit negation in the 2024 presidential debate discourse, in which both speakers prioritize direct rejection over more nuanced negotiation of opposing viewpoints, reflecting the inherently adversarial nature of political debate interaction.

The following table presents a comparative overview of the use of Disclaim resources in Trump and Harris’s 2024 debate discourse. It reports the total frequency and percentage distribution of the two subtypes – Deny and Counter – within their debate discourse.

Fig. 2 and Table 8, indicating a comparative overview of the distribution of Disclaim resources in the 2024 debate discourse of Donald Trump and Kamala Harris, highlight both clear quantitative divergence and notable structural similarity. In terms of overall usage, Donald Trump makes substantially greater use of Disclaim resources, with 193 occurrences compared to Kamala Harris’s 60 occurrences. This indicates that Trump’s discourse is more densely populated with rejection-oriented linguistic

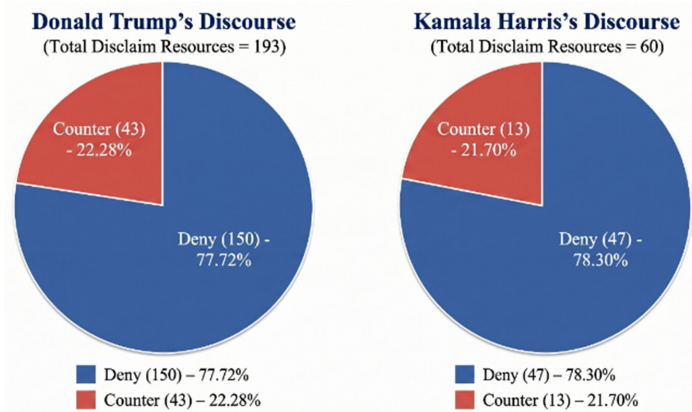

Fig. 2. Distribution of Disclaim Resources in Trump and Harris’s 2024 Debate Discourse

Table 8. Distribution of Disclaim Resources in Trump and Harris’s 2024 Debate Discourse

Speaker’s Discourse	Total Disclaim Resources	Deny (n)	Deny (%)	Counter (n)	Counter (%)
Donald Trump	193	150	77.72	43	22.28
Kamala Harris	60	47	78.3	13	21.7

choices, reflecting a stronger tendency toward oppositional engagement. However, when examining the internal composition of these resources, both speakers exhibit a highly parallel pattern, in which Deny overwhelmingly surpasses Counter. Trump’s discourse includes 150 instances of Deny (77.72%) and 43 instances of Counter (22.28%), while Harris’s discourse contains 47 Deny instances (78.30%) and 13 Counter instances (21.70%). The near-identical proportional distribution suggests that although the two candidates differ considerably in rhetorical volume, they rely on the same hierarchy of rejection strategies. From a discourse perspective, this consistency implies that Deny functions as the primary mechanism for expressing disagreement, directly refuting propositions, and constraining alternative viewpoints. Counter, by contrast, plays a secondary role, typically used to reframe or oppose prior claims in a less direct manner. In sum, the findings indicate that both Trump and Harris prioritize explicit negation over more dialogically expansive forms of opposition, reinforcing the adversarial and contest-driven nature of presidential debate discourse.

The Rhetorical Functions of Disclaims in Trump and Harris’s 2024 Debate Discourse

The Disclaim resources in Trump and Harris’s 2024 debate discourse function as key interpersonal mechanisms for managing disagreement, constructing evaluation, and controlling dialogic space through strategies of denial and contrast. Both Deny and Counter resources operate to contract dialogue by limiting alternative viewpoints and guiding the audience toward the speaker’s preferred interpretation although they differ in intensity and rhetorical function. Deny resources primarily serve to directly reject propositions, invalidate opposing claims, and assert evaluative stances. Trump’s discourse is characterized by a more forceful and categorical deployment of negation, which functions to challenge, accuse, and reinforce authority, whereas Harris employs denial in a comparatively restrained and context-sensitive manner, often oriented toward clarification and accountability. From an Appraisal Theory perspective, this reflects variation in Engagement choices, particularly in how dialogic contraction is realized through differing degrees of force and authorial positioning. Counter resources, by contrast, function to introduce contrast and reframe arguments by linking opposing propositions within a single clause complex, thereby acknowledging an alternative position before reorienting it toward the speaker’s stance. Trump tends to deploy this strategy for abrupt argumentative shifts that intensify evaluative

polarity while Harris uses it in a more structured and explanatory manner to foreground policy contrast. In general, both speakers rely on Disclaim resources as strategic Engagement devices, underscoring the adversarial nature of the 2024 presidential debate discourse.

The findings indicate that Disclaim resources – particularly Deny and Counter – play a central role in structuring disagreement, managing dialogic space, and enacting interpersonal positioning in the Trump–Harris debate. Trump employs Disclaim resources significantly more frequently than Harris, reflecting a stronger orientation toward overt dialogic contraction. Nevertheless, both candidates exhibit a similar internal distribution pattern, with Deny overwhelmingly outnumbering Counter, confirming that explicit negation serves as the primary mechanism for expressing disagreement in this interactional context. More importantly, Trump’s denial patterns display greater lexical variety and stronger evaluative force, whereas Harris’s use of denial is more selective and context-dependent, suggesting differences in authorial intensity and rhetorical assertiveness rather than in functional orientation. Counter resources occur relatively infrequently in both datasets and are predominantly realized through the conjunction “*but*,” indicating a shared preference for immediate adversative contrast over more elaborated concessive structures. From an Appraisal perspective, this pattern reflects a reliance on high-value Engagement resources that privilege dialogic contraction over expansion, particularly through explicit denial. Consistent with previous studies [25, 26, 28], the findings reaffirm the centrality of Deny as a key strategy of dialogic contraction in political discourse. They also support earlier research on Engagement and political communication [22, 27], which highlights stylistic variation in the deployment of evaluative and dialogic resources across political actors. However, the present study extends existing research by examining a live presidential debate rather than monologic political discourse, thereby capturing the dynamic operation of Disclaim resources under real-time adversarial conditions. Its theoretical contribution lies in advancing our understanding of the rhetoric of rejection by demonstrating that Deny and Counter function not merely as linguistic devices for negating propositions but also as rhetorical resources for delegitimizing opponents, constructing ideological positions and aligning audiences with preferred viewpoints. Methodologically, the study integrates quantitative distributional analysis with qualitative interpretation, providing a more comprehensive account of both the frequency and the functional significance of Disclaim resources in contemporary political discourse.

Conclusion

This study investigated the use of Disclaim resources – Deny and Counter – in the 2024 Trump–Harris presidential debate from the perspective of Appraisal Theory. The findings demonstrate that both candidates systematically employ these resources to manage disagreement, construct evaluations, and contract dialogic space, albeit with differing degrees of rhetorical intensity and stylistic orientation. Trump employs Disclaim resources more frequently than Harris, reflecting a stronger tendency toward overtly confrontational and oppositional discourse. Both candidates exhibit a similar internal distributional pattern, in which Deny overwhelmingly dominates Counter, confirming that explicit negation constitutes the primary mechanism for expressing disagreement in debate interaction. However, Trump’s denial patterns display greater lexical diversity and stronger evaluative force, whereas Harris’s use of denial is more selective and context-dependent. Furthermore, both candidates rely predominantly on the conjunction “*but*” to realize Counter resources, indicating a shared preference for direct adversative contrast over more elaborated concessive structures.

Beyond these empirical findings, the study makes a specific contribution to the understanding of the rhetoric of rejection in political discourse. Previous research has established the importance of Engagement resources in political communication and identified Disclaim as a key mechanism of dialogic contraction [17–20, 22, 25, 26, 28]. However, most existing studies have focused on monologic genres such as inaugural speeches, campaign speeches, political addresses, interviews, and press conferences. By examining a live presidential debate characterized by immediate interaction and direct ideological

confrontation, the present study demonstrates that rejection is not merely a linguistic act of negation but also a dynamic rhetorical strategy, through which political actors challenge competing claims, delegitimize opponents, reinforce ideological positions, and align audiences with preferred interpretations of political reality. In this respect, the study extends previous research by showing how Deny and Counter operate under real-time adversarial conditions and by highlighting variations in the intensity and rhetorical realization of rejection across political actors. The findings, therefore, contribute to a more nuanced understanding of rejection as a multidimensional discursive practice that simultaneously serves interpersonal, rhetorical, and ideological functions.

The study also contributes to Appraisal Theory by extending the application of the Engagement system to contemporary presidential debate discourse and by demonstrating the analytical value of Disclaim resources for examining political contestation. Methodologically, it integrates quantitative distributional analysis with qualitative interpretation, thereby providing a more comprehensive account of both the frequency and the functional significance of dialogic contraction in political discourse. The findings have practical implications for political communication, discourse analysis, media studies, and language education. They offer insights into how political actors strategically employ language to manage disagreement, construct credibility, and influence public perception while also providing a useful framework for fostering critical awareness of rhetorical and ideological positioning in public discourse.

Nevertheless, the study is limited by its focus on a single presidential debate, its restriction to Disclaim resources without consideration of other Engagement categories or appraisal subsystems, and its lack of audience reception analysis. These limitations constrain the generalizability and explanatory scope of the findings. Future research could thus examine a broader range of debates and political contexts, incorporate additional appraisal subsystems such as Attitude and Graduation, and integrate multimodal and audience-oriented approaches to provide a more comprehensive understanding of how political persuasion is constructed, negotiated, and interpreted in contemporary public discourse.

REFERENCES

- [1] Praeger Handbook of Political Campaigning in the United States, in 2 vols., ed. by W.L. Benoit, Bloomsbury Publishing, London, 2016.
- [2] **Jamieson K.H., Birdsell D.**, Presidential Debates: The Challenge of Creating an Informed Electorate, Oxford University Press, New York, 1988.
- [3] **Mason J., Renshaw J., Holland S.**, Biden ends failing reelection campaign, backs Harris as nominee, Reuters. Available at: <https://www.reuters.com/world/us/biden-81-pulls-out-presidential-race-2024-07-21/> (accessed 10.01.2025).
- [4] **Hoffman R.**, Harris–Trump presidential debate transcript, ABC News. Available at: <https://abcnews.go.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542> (accessed 10.01.2025).
- [5] **Halliday M.A.K.**, An Introduction to Functional Grammar, 2nd ed., Edward Arnold, London, 1994.
- [6] **Martin J.R., White P.R.R.**, The Language of Evaluation: Appraisal in English, Palgrave Macmillan, London, 2005.
- [7] **Rohmawati I.**, Appraisal devices realizing attitudes in Barack Obama’s inaugural speech, *Vision: Journal for Language and Foreign Language Learning*, 5 (1) (2016) 27–56. DOI: 10.21580/vjv5i1859
- [8] **Ding A.**, The Analysis of Attitudinal Resources in Obama’s Victory Speech from Perspective of Appraisal Theory, *Higher Education of Social Science*, 12 (1) (2017) 37–44. DOI: 10.3968/9376
- [9] **Mazlum F., Afshin S.**, Evaluative Language in Political Speeches: A Case Study of Iranian and American Presidents’ Speeches, *International Journal of Linguistics*, 8 (4) (2016) 166–183. DOI: 10.5296/ijl.v8i4.9398
- [10] **Abdulameer A.H., Noor S.N.F.M.**, Appraisal Analysis Review of Language in Political Speech, *Opcion*, 34 (85) (2018) 2484–2500.

- [11] **Jombadi A.**, Stance Evaluation and Politics of Language: An Appraisal Analysis of President Muhammadu Buhari's Speeches on COVID-19 Pandemic, *International Journal of Social Science and Humanities Research*, 10 (2) (2022) 570–578. DOI: 10.5281/zenodo.6772352
- [12] **Zhou Z.**, Analysis of Donald Trump's Inaugural Speech Based on Attitude Within Appraisal Theory, *Journal of Education and Educational Research*, 4 (1) (2023) 151–158. DOI: 10.54097/jeer.v4i1.10275
- [13] **Aljuraywi J.A., Alyousef H.S.**, Attitude in political discourse: An appraisal analysis of attitude in Donald Trump and Joe Biden's interviews on 60 Minutes, *Journal of Language and Linguistic Studies*, 18 (3) (2022) 176–193.
- [14] **Simanjuntak F.M.P.**, President Joko Widodo's Speech Text through Appraisal Analysis, *Majalah Ilmiah METHODODA*, 12 (3) (2022) 238–245. DOI: 10.46880/methoda.Vol12No3.pp238-245
- [15] **Sekarsari A.A., Prastiwi Y., Sutopo A.**, An appraisal analysis of attitude in Joko Widodo's ASEAN Summit speeches, *VELES: Journal of Language and Literature*, 8 (1) (2024) 24–31. DOI: 10.29408/veles.v8i1.24738
- [16] **Mohammed A.**, Appraisal Theory and Interpreting Political Speech, *European Scientific Journal*, 30 (2024) 281–295. DOI: 10.19044/esipreprint.6.2024.p281
- [17] **Miller D.**, "...to meet our common challenge": Engagement Strategies of Alignment and Alienation in Current US International Discourse, *Textus*, 18 (1) (2004) 39–62.
- [18] **Becker A.**, Modality and Engagement in British and German Political Interviews, *Languages in Contrast*, 9 (1) (2009) 5–22. DOI: 10.1075/lic.9.1.02bec
- [19] **Ismail H.Y.S.I.**, Engagement in Obama's speech in Cairo, *CDELTA Occasional Papers in the Development of English Education*, 66 (2) (2019) 73–97. DOI: 10.21608/opde.2019.126874
- [20] **Guo G., Xu D.**, A Corpus-Based Study of Heteroglossic Features in 2018 BRICS Talk from the Perspective of Engagement System, *English Linguistics Research*, 9 (2) (2020) 1–11. DOI: 10.5430/elr.v9n2p1
- [21] **Abubakar M.T.**, A Comparative Appraisal of Selected Campaign Speeches of Muhammadu Buhari and Goodluck Jonathan in the 2015 Presidential Election in Nigeria, *International Journal of General Studies*, 2 (3) (2022) 102–115.
- [22] **Alshammari F.D., Alyousef H.S.**, A comparative appraisal analysis of engagement in Joe Biden's and Donald Trump's speeches, *Discourse and Interaction*, 18 (1) (2025) 4–27. DOI: 10.5817/DI2025-1-4
- [23] **Dianová S., Brusenbauch Meislová M.**, Navigating Brexit through fear: An appraisal analysis of 2016–2024 British Prime Ministerial discourse, *Journal of Language and Politics*, 25 (3) (2026) 295–330. DOI: 10.1075/jlp.25151.dia
- [24] **Dashdamirova N.**, Discursive Markers of Authorial Stance in English-Language Academic Communication by Native and Non-Native Speakers (Based on Azerbaijani Practice), *Terra Linguistica*, 17 (1) (2026) 79–100. DOI: 10.18721/JHSS.17105
- [25] **El-Sufi M.F.M.R.**, Denial in Donald Trump's inaugural and farewell addresses, *Journal of the Faculty of Arts, Suez University* (2022). DOI: 10.21608/jfask.2022.126063.1023
- [26] **Lin Y., Yang Y.**, The ideological functions of the disclaim resources in press conferences, *Communication and Linguistics Studies*, 10 (1) (2024) 9–18. DOI: 10.11648/j.cls.20241001.12
- [27] **Nguyen T.B.G., Tran X.H.**, An analysis of engagement resources in Donald Trump's 2024 political discourse, *Social Media and Communication*, 3 (1) (2025) 45–58. DOI: 10.11114/smc.v13i3.7665
- [28] **Nguyen T.B.G., Tran X.H.**, Disclaim resources in Donald Trump's inaugural speeches: A corpus-based approach, *Terra Linguistica*, 16 (2) (2025) 118–134. DOI: 10.18721/JHSS.16208
- [29] **Wicke P., Bolognesi M.M.**, Red and blue language: Word choices in the Trump and Harris 2024 presidential debate, *PLOS ONE*, 20 (6) (2025) e0324715. DOI: 10.1371/journal.pone.0324715
- [30] **Jesudas R., Mohammed Z.**, Discourse strategies in action: Unpacking Wodak's framework in the 2024 presidential debate between Trump and Harris, *Scientia: Technology, Science and Society*, 2 (1) (2025) 22–36. DOI: 10.59324/stss.2025.2(1).02
- [31] **Kieu T.T.H., Ho Q.A.**, Conceptual metaphors in the presidential debate between Donald J. Trump and Kamala Harris in 2024, *VNU Journal of Foreign Studies*, 41 (6) (2025) 55–70. DOI: 10.63023/2525-2445/jfs.ulis.5534

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Praeger Handbook of Political Campaigning in the United States: in 2 vols. / ed. by W.L. Benoit. Bloomsbury Publishing, London, 2016. 624 p.
2. **Jamieson K.H., Birdsell D.** Presidential Debates: The Challenge of Creating an Informed Electorate. New York: Oxford University Press, 1988. 276 p.
3. **Mason J., Renshaw J., Holland S.** Biden ends failing reelection campaign, backs Harris as nominee, Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/us/biden-81-pulls-out-presidential-race-2024-07-21/> (дата обращения: 10.01.2025).
4. **Hoffman R.** Harris–Trump presidential debate transcript, ABC News. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542> (дата обращения: 10.01.2025).
5. **Halliday M.A.K.** An Introduction to Functional Grammar. 2nd ed. London: Edward Arnold, 1994. 434 p.
6. **Martin J.R., White P.R.R.** The Language of Evaluation: Appraisal in English. London: Palgrave Macmillan, 2005. 291 p.
7. **Rohmawati I.** Appraisal devices realizing attitudes in Barack Obama’s inaugural speech // Vision: Journal for Language and Foreign Language Learning. 2016. Vol. 5, Iss. 1. P. 27–56. DOI: 10.21580/vjv5i1859
8. **Ding A.** The Analysis of Attitudinal Resources in Obama’s Victory Speech from Perspective of Appraisal Theory // Higher Education of Social Science. 2017. Vol. 12, Iss. 1. P. 37–44. DOI: 10.3968/9376
9. **Mazlum F., Afshin S.** Evaluative Language in Political Speeches: A Case Study of Iranian and American Presidents’ Speeches // International Journal of Linguistics. 2016. Vol. 8, Iss. 4. P. 166–183. DOI: 10.5296/ijl.v8i4.9398
10. **Abdulameer A.H., Noor S.N.F.M.** Appraisal Analysis Review of Language in Political Speech // Opcion. 2018. Vol. 34, Iss. 85. P. 2484–2500.
11. **Jombadi A.** Stance Evaluation and Politics of Language: An Appraisal Analysis of President Muhammadu Buhari’s Speeches on COVID-19 Pandemic // International Journal of Social Science and Humanities Research. 2022. Vol. 10, Iss. 2. P. 570–578. DOI: 10.5281/zenodo.6772352
12. **Zhou Z.** Analysis of Donald Trump’s Inaugural Speech Based on Attitude Within Appraisal Theory // Journal of Education and Educational Research. 2023. Vol. 4, Iss. 1. P. 151–158. DOI: 10.54097/jeer.v4i1.10275
13. **Aljuraywi J.A., Alyousef H.S.** Attitude in political discourse: An appraisal analysis of attitude in Donald Trump and Joe Biden’s interviews on 60 Minutes // Journal of Language and Linguistic Studies. 2022. Vol. 18, Iss. 3. P. 176–193.
14. **Simanjuntak F.M.P.** President Joko Widodo’s Speech Text through Appraisal Analysis // Majalah Ilmiah METHODDA. 2022. Vol. 12, Iss. 3. P. 238–245. DOI: 10.46880/methoda.Vol12No3.pp238-245
15. **Sekarsari A.A., Prastiwi Y., Sutopo A.** An appraisal analysis of attitude in Joko Widodo’s ASEAN Summit speeches // VELES: Journal of Language and Literature. 2024. Vol. 8, Iss. 1. P. 24–31. DOI: 10.29408/veles.v8i1.24738
16. **Mohammed A.** Appraisal Theory and Interpreting Political Speech // European Scientific Journal. 2024. Vol. 30. P. 281–295. DOI: 10.19044/esipreprint.6.2024.p281
17. **Miller D.** “...to meet our common challenge”: Engagement Strategies of Alignment and Alienation in Current US International Discourse // Textus. 2004. Vol. 18, Iss. 1. P. 39–62.
18. **Becker A.** Modality and Engagement in British and German Political Interviews // Languages in Contrast. 2009. Vol. 9, Iss. 1. P. 5–22. DOI: 10.1075/lic.9.1.02bec
19. **Ismail H.Y.S.I.** Engagement in Obama’s speech in Cairo // CDELT Occasional Papers in the Development of English Education. 2019. Vol. 66, Iss. 2. P. 73–97. DOI: 10.21608/opde.2019.126874
20. **Guo G., Xu D.** A Corpus-Based Study of Heteroglossic Features in 2018 BRICS Talk from the Perspective of Engagement System // English Linguistics Research. 2020. Vol. 9, Iss. 2. P. 1–11. DOI: 10.5430/elr.v9n2p1
21. **Abubakar M.T.** A Comparative Appraisal of Selected Campaign Speeches of Muhammadu Buhari and Goodluck Jonathan in the 2015 Presidential Election in Nigeria // International Journal of General Studies. 2022. Vol. 2, Iss. 3. P. 102–115.

22. **Alshammari F.D., Alyousef H.S.** A comparative appraisal analysis of engagement in Joe Biden's and Donald Trump's speeches // *Discourse and Interaction*. 2025. Vol. 18, Iss. 1. P. 4–27. DOI: 10.5817/DI2025-1-4
23. **Dianová S., Brusenbauch Meislová M.** Navigating Brexit through fear: An appraisal analysis of 2016–2024 British Prime Ministerial discourse // *Journal of Language and Politics*. 2026. Vol. 25, Iss. 3. P. 295–330. DOI: 10.1075/jlp.25151.dia
24. **Дашдамирова Н.** Дискурсивные маркеры авторской позиции в англоязычной академической коммуникации на родном и неродном языке (на материале азербайджанской практики) // *Terra Linguistica*. 2026. Т. 17, № 1. С. 79–100. DOI: 10.18721/JHSS.17105
25. **El-Sufi M.F.M.R.** Denial in Donald Trump's inaugural and farewell addresses // *Journal of the Faculty of Arts, Suez University*. 2022. DOI: 10.21608/jfask.2022.126063.1023
26. **Lin Y., Yang Y.** The ideological functions of the disclaim resources in press conferences // *Communication and Linguistics Studies*. 2024. Vol. 10, Iss. 1. P. 9–18. DOI: 10.11648/j.cls.20241001.12
27. **Nguyen T.B.G., Tran X.H.** An analysis of engagement resources in Donald Trump's 2024 political discourse // *Social Media and Communication*. 2025. Vol. 3, Iss. 1. P. 45–58. DOI: 10.11114/smc.v13i3.7665
28. **Нгуен Т.Б.Д., Чан С.Х.** Лингвистические средства выражения отказа в инаугурационных речах Дональда Трампа: корпусный подход // *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16, № 2. С. 118–134. DOI: 10.18721/JHSS.16208
29. **Wicke P., Bolognesi M.M.** Red and blue language: Word choices in the Trump and Harris 2024 presidential debate // *PLOS ONE*. 2025. Vol. 20, Iss. 6. Art. no. e0324715. DOI: 10.1371/journal.pone.0324715
30. **Jesudas R., Mohammed Z.** Discourse strategies in action: Unpacking Wodak's framework in the 2024 presidential debate between Trump and Harris, *Scientia: Technology* // *Science and Society*. 2025. Vol. 2, Iss. 1. P. 22–36. DOI: 10.59324/stss.2025.2(1).02
31. **Kieu T.T.H., Ho Q.A.** Conceptual metaphors in the presidential debate between Donald J. Trump and Kamala Harris in 2024 // *VNU Journal of Foreign Studies*. 2025. Vol. 41, Iss. 6. P. 55–70. DOI: 10.63023/2525-2445/jfs.ulis.5534

INFORMATION ABOUT AUTHORS / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Nguyen Thi Bich Giang

Нгуен Тхи Бич Джианг

E-mail: nguyentbichgiang@dtu.edu.vn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7171-2307>

Tran Xuan Hiep

Чан Суан Хиеп

E-mail: txhiep@ued.udn.vn

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5236-993X>

Submitted: 24.05.2026; Approved: 17.06.2026; Accepted: 22.06.2026.

Поступила: 24.05.2026; Одобрена: 17.06.2026; Принята: 22.06.2026.

Обзоры Review articles

Review article

UDC 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17208>

EDN: <https://elibrary/MNYYZC>

MEDIATING THE DIGITAL SELF: A SYSTEMATIC LITERATURE REVIEW OF TEACHERS' PERSPECTIVES ON TECHNOLOGY, LANGUAGE EDUCATION, AND THE CONSTRUCTION OF LINGUISTIC IDENTITY

F.J. Palacios-Hidalgo , C.A. Huertas-Abril

University of Cordoba, Spain

 francisco.palacios@uco.es

Abstract. This systematic literature review synthesizes the main results and conclusions of 33 studies published between 2020 and 2024 examining the dual impact of technology on teacher and student linguistic identities. Six main thematic clusters are identified: technology as a disruptor and reconstructor of teacher authority; technology as a space for plurilingual and translingual identity affirmation; digital policies, structural inequalities, and imposed identities; emotional regulation and the reconstruction of a “capable” digital teacher identity; specific technological affordances enabling identity work; and controversies and contradictory evidence. Overall, findings reveal that technology serves as a powerful mediator in teacher identity reconstruction, prompting shifts from traditional instructor to digital facilitator and cultural mediator. Simultaneously, technology also introduces significant tensions by amplifying sociolinguistic inequities, particularly in under-resourced contexts, where limited access to devices or connectivity can reinforce existing hierarchies. When applied with pedagogical intent, technology-enabled practices like digital storytelling and translingual projects become vital tools for affirming students’ plurilingual identities, allowing them to draw on their full linguistic repertoires. Moreover, reflective, technology-supported professional development is essential for navigating this complex identity work, as it helps teachers critically examine their own positionalities and biases. The review concludes that the influence of technology is shaped by pedagogical stance, institutional support, and engagement with power dynamics, advocating for its use to create inclusive, identity-affirming environments rather than enforcing standardization or a one-size-fits-all model of language instruction.

Keywords: identity, language education, language teachers, linguistic identity, systematic literature review, technology.

Acknowledgements: Pluridentities: Protecting and stimulating plurilingual identities in learners in Europe via inclusive policies and classroom practices (No. 101178914). European Union.

Citation: Palacios-Hidalgo F.J., Huertas-Abril C.A., Mediating the Digital Self: A Systematic Literature Review of Teachers’ Perspectives on Technology, Language Education, and the Construction of Linguistic Identity, *Terra Linguistica*, 17 (2) (2026) 134–151. DOI: 10.18721/JHSS.17208

Обзорная статья

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17208>

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО «Я»: СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ВЗГЛЯДАМ УЧИТЕЛЕЙ НА ТЕХНОЛОГИИ, ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПОСТРОЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ф.Х. Паласиос-Идальго , К.А. Уэртас-Абриль

Университет Кордовы, Испания

 francisco.palacios@uco.es

Аннотация. Данный систематический обзор литературы обобщает основные результаты и выводы 33 исследований, опубликованных в период с 2020 по 2024 г., посвященных двойственному влиянию технологий на языковую идентичность учителей и учеников. Выделено шесть основных тематических групп: технология как дестабилизирующий и реконструирующий фактор учительского авторитета; технология как пространство для утверждения многоязычной и транслингвальной идентичности; цифровая политика, структурное неравенство и навязанные идентичности; эмоциональная регуляция и реконструкция «компетентной» цифровой идентичности учителя; специфические технологические возможности, позволяющие работать над идентичностью; а также противоречия и неоднозначные данные. В целом, результаты показывают, что технология выступает мощным посредником в реконструкции идентичности учителя, способствуя переходу от традиционной роли инструктора к роли цифрового фасилитатора и культурного посредника. Одновременно технология также создает значительные противоречия, усиливая социолингвистическое неравенство, особенно в условиях недостаточного ресурсного обеспечения, когда ограниченный доступ к устройствам или связи может укреплять существующие иерархии. Применение технологий в педагогических целях, таких как цифровой сторителлинг и транслингвальные проекты, становится важным инструментом для утверждения многоязычной идентичности учащихся, позволяя им задействовать весь свой языковой репертуар. Более того, рефлексивное, поддерживаемое технологиями профессиональное развитие является необходимым условием для успешной работы с этой сложной идентичностью, поскольку оно помогает учителям критически осмысливать собственные позиции и предубеждения. В обзоре делается вывод, что влияние технологий формируется педагогической позицией, институциональной поддержкой и взаимодействием с динамикой власти. Предлагается использовать технологии для создания инклюзивной, подтверждающей идентичность среды, а не для стандартизации или насаждения универсальной модели обучения языку.

Ключевые слова: идентичность, языковое образование, преподаватели языков, языковая идентичность, систематический обзор литературы, технологии.

Финансирование: Многоязычие: защита и стимулирование многоязычной идентичности учащихся в Европе посредством инклюзивной политики и практики в классе (№ 101178914). Европейский Союз.

Для цитирования: Паласиос-Идальго Ф.Х., Уэртас-Абриль К.А. Формирование цифрового «я»: систематический обзор литературы, посвященный взглядам учителей на технологии, лингвистическое образование и построение языковой идентичности // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 2. С. 134–151. DOI: 10.18721/JHSS.17208

Introduction

Identity, a complex and multi-dimensional construct, has been a subject of inquiry within different fields such as sociology, psychology, and linguistics. It extends beyond an individual's internal psychological state to be profoundly formed and continually reshaped through social engagement and

cultural frameworks. From a sociocultural perspective, identities are understood as emergent, relational outcomes of interaction [1, 2] rather than fixed attributes, exhibiting fluidity that mirrors the dynamism of social environments. Central to this process is language, considered as the principal mechanism, through which identity is enacted, negotiated, and influenced by both societal categories and cultural stances [3]. Consequently, language must be seen not merely as a tool for communication but as a fundamental medium for the expression and ongoing formation of the self.

In this context, the exploration of identity within the context of language education has gained increasing attention in recent years [4–7], particularly as educators navigate the complexities of multilingual classrooms. Such an increase in academic interest can be explained by the relations between plurilingualism and identity. Plurilingualism is not merely the ability to communicate in multiple languages as it is deeply intertwined with identity formation. In fact, the act of learning and using different languages can significantly influence an individual's self-perception and social identity, since language can serve as a marker of identity, shaping how individuals view themselves and how they are perceived by others [8, 9]. Language teachers, therefore, hold a unique position in facilitating this identity negotiation among their students. They not only teach linguistic skills but also help students navigate the complex interplay of cultural and social identities that come with plurilingualism. Research has indeed shown that language teacher identity is often constructed through their interactions with students and the languages they teach [10–12]. For instance, teachers who embrace their plurilingual identities can foster an environment where students feel empowered to express their own linguistic backgrounds. This empowerment is crucial in multilingual classrooms where students may otherwise feel marginalized or pressured to conform to a dominant language or culture [13] (Kang et al., 2022). In this sense, the recognition of students' diverse linguistic repertoires can enhance their sense of belonging and self-worth, thereby positively impacting their language learning experiences [14, 15].

The relationship between plurilingualism and identity is further complicated by societal attitudes towards language diversity. In many contexts, certain languages are valorised while others are minoritized or even stigmatized, leading to complex identity negotiations for both teachers and students [16, 17]. Language teachers must be aware of these dynamics and actively work to create inclusive spaces that honour all languages and cultures represented in their classrooms. This approach supports students' linguistic development, at the same time, it also fosters a more equitable educational environment [4, 18]. Incorporating multilingual perspectives into the curriculum can also enhance students' critical thinking and cultural awareness, helping them develop a more nuanced understanding of their identities and the world around them by engaging with texts and materials from various linguistic and cultural backgrounds [7, 17]. This pedagogical approach aligns with the principles of critical pedagogy, which emphasizes the importance of recognizing and addressing power dynamics within educational settings [19] (Kang et al., 2022).

The integration of educational technology in language teaching has also transformed how plurilingualism and identity are approached in the classroom. Technology provides innovative tools that can enhance language learning and facilitate the exploration of identity among students. For instance, digital platforms can offer access to diverse linguistic resources, enabling students to engage with multiple languages and cultures in ways that were previously unavailable [9, 17]. This exposure can help students develop a more complex understanding of their own identities as they navigate different linguistic landscapes. Moreover, technology can support personalized learning experiences that cater to the unique identities of each student, as language teachers can tailor their instruction to meet the specific needs and interests of their multilingual students by using adaptive learning technologies [4, 15]. This individualized approach not only enhances language acquisition but also fosters a sense of agency among students, allowing them to take ownership of their learning journeys [9, 20]. As students engage with technology, they can explore their identities in a safe and supportive environment where they are encouraged to express themselves in their preferred languages. The role of educational

technology in promoting plurilingualism and identity is particularly evident in collaborative learning environments. Online platforms facilitate communication and collaboration among students from diverse linguistic backgrounds, enabling them to share their experiences and perspectives [9, 17]. This collaborative approach not only enriches the learning experience but also fosters a sense of community among students, reinforcing their identities as multilingual learners. Furthermore, technology can serve as a bridge between formal, non-formal, and informal learning contexts, allowing students to engage with language and culture outside the classroom [15, 21]. However, the effective integration of technology in language education requires careful consideration of the sociocultural context, in which it is implemented, and teachers must be aware of the digital divide and ensure that all students have equitable access to technological resources [9, 20]. Additionally, educators should critically evaluate the content and tools they use, ensuring that they reflect the diverse identities of their students and promote inclusivity [16, 17]. By doing so, language teachers can take advantage of the power of educational technology to support students' plurilingualism and identity development in meaningful ways.

Language teachers play an important role in integrating educational technology into their lessons to support students' individual identities. Research has shown how educators can create inclusive learning environments that recognize and celebrate the diverse linguistic backgrounds of their students by using various digital tools and resources. For instance, they can use multimedia resources, such as videos and interactive applications, to expose students to different languages and cultures, thereby fostering a sense of belonging and identity [9, 17]. One effective strategy is the use of collaborative online platforms that allow students to work together on projects, share their linguistic experiences, and engage in discussions about their identities. These platforms can facilitate peer-to-peer learning, where students learn from each other's cultural perspectives and linguistic skills [9, 17]. Additionally, teachers can encourage students to create digital portfolios that showcase their language skills and cultural identities, providing them with a space to express themselves and reflect on their learning journeys [15, 22]. Moreover, language teachers can use technology to provide personalized feedback and support to students, identifying individual learning needs and tailoring their instruction accordingly [20], helping learners navigate their unique identities as multilingual learners. Furthermore, teachers can incorporate culturally relevant materials and resources into their lessons, ensuring that students see their identities reflected in the curriculum, validating their experiences and fostering a deeper connection to the content being taught [15] (Susanto and Arifani, 2023). When integrating educational technology in ways that honour and support students' individual identities, language teachers can create a more inclusive and engaging learning environment that promotes both linguistic and personal growth.

Nevertheless, despite the acknowledged importance of the teacher's role, a significant gap remains in the research literature. Specifically, there is still a lack of systematic investigation into how pedagogical strategies within digital learning environments can be intentionally structured to support the formation and development of students' linguistic identities. To address this gap, this paper conducts a systematic literature review aiming to examine existing studies on the impact of technology on teachers' linguistic identity and how their technology-mediated pedagogical interventions influence students' linguistic identity. The review is guided by the following research question (RQ): How, and to what extent, does technology impact teachers' linguistic identity, and how do teachers' technology-mediated pedagogical interventions shape students' linguistic identities?

Methods and materials

Procedure

This study employs a systematic literature review methodology, recognized for its capacity to synthesize research findings in an objective and impartial manner [23]. To ensure methodological rigour

and transparency, the review was guided by the PRISMA framework [24]. The principles of PRISMA provide a structured protocol for conducting systematic reviews, offering a roadmap for the search, identification, selection, and analysis of relevant studies [25, 26].

The process began with a comprehensive search of the academic database, in this case Scopus. Specific parameters, including publication date range, study quality, and document type, were defined. A Boolean search string was constructed and applied to locate a preliminary set of publications to be considered in the analysis. These were then screened against predetermined inclusion and exclusion criteria to arrive at the final corpus of studies for analysis. Data extraction and analysis followed a qualitative, inductive approach. Content from the selected studies was coded to identify emerging themes and generate new insights regarding the impact of technology on teachers’ linguistic identity and how their technology-mediated pedagogical interventions influence students’ linguistic identity [27]. The analytical technique of content analysis was applied, defined as a replicable method for drawing valid inferences from textual data [28, 29]. The review was conducted in December 2024.

Search strategy

To ensure the inclusion of high-quality research, this systematic review restricted its selection to peer-reviewed publications indexed in Scopus (www.scopus.com) [27], recognized as the most extensive abstract and citation database for peer-reviewed literature. The search was further refined to a publication window from 2020 to 2024, a parameter intended to capture the most current literature in a field characterized by rapid technological evolution. In direct alignment with the study’s RQ, the following Boolean search string was applied (Fig. 1).

Screening

The initial search in Scopus yielded 451 potentially relevant studies. These publications subsequently underwent a two-phase screening process, guided by the predetermined inclusion and exclusion criteria shown in Table 1.

Table 1. Inclusion and exclusion criteria

Inclusion criteria	Exclusion criteria
Peer-reviewed publications	Not accessible publications
Original research	Academic documents different from peer-reviewed journal articles and book chapters (i.e., edited books)
Focused on teachers and technology-enhanced pedagogical interventions	Focused on learners, teachers’ professional identity or other topics
Analysing identity in relation to technology and language education	Analysing identity but not in relation to technology or language education
Subject area limited to social sciences and arts and humanities	Other subject areas (e.g., literature, sociology, religion, gender studies, medicine, psychology)
Studies published in final version or as preprints between 2020 and 2024 (final publication date can be 2025)	Publications in languages other than English
Publications written in English	

Source: Authors’ elaboration.

The first phase involved a preliminary title and abstract review, which excluded 314 publications. These were primarily omitted for being unrelated to technology-mediated language education (focusing instead on other subject areas) or due to inaccessible full texts. This resulted in a reduced corpus of 137 papers for further examination.

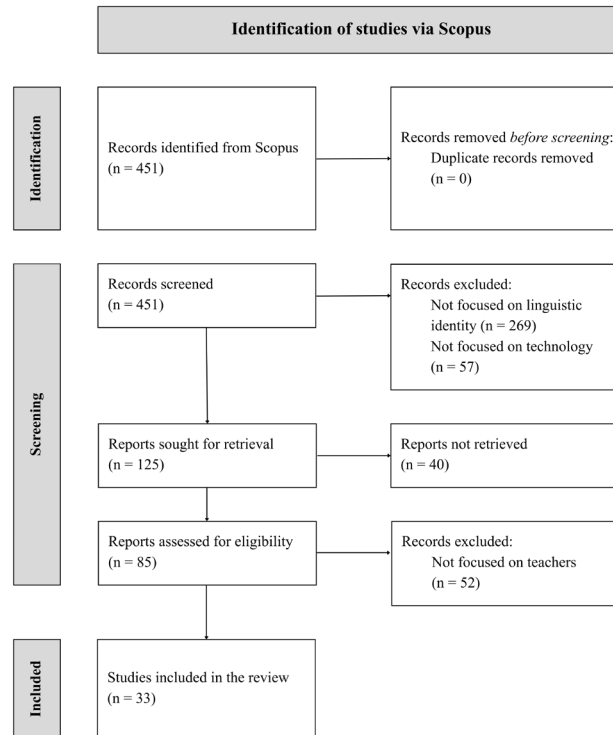
The second screening phase entailed a rigorous, full-text review of these 137 publications by the researchers, conducted independently to ensure reliability. The objective was to verify that each study specifically focused on technology impact on teachers’ linguistic identity and the influence of their

TITLE-ABS-KEY (language AND identity AND technology) AND PUBYEAR > 2019 AND PUBYEAR < 2026 AND (LIMIT-TO (SUBJAREA,"SOCI") OR LIMIT-TO (SUBJAREA,"ARTS")) AND (LIMIT-TO (LANGUAGE,"English"))

Source: Scopus (www.scopus.com).

Fig. 1. Search query string in Scopus

Source: Authors' elaboration (adapted from [25]).

Fig. 2. PRISMA flow diagram

technology-mediated pedagogical interventions on students' linguistic identity, excluding studies solely centred on learners or other tangential topics. To ensure consistency in the screening process, interrater reliability was assessed using a percentage of agreement calculation [30]. Following an independent review, the two researchers achieved an initial agreement rate of 98 %. Any coding discrepancies were resolved through a collaborative review and discussion, resulting in a final consensus of 100 %. After this comprehensive second screening phase, 104 publications were excluded, resulting in a final corpus of 33 studies for inclusion in the review. Fig. 2 shows the process followed during the screening phases.

Coding

To address the RQ, an inductive, grounded-theory approach to coding was employed for the analysis of the 33 selected studies [31]. This strategy was selected to allow themes to emerge directly from the data, thereby minimizing researcher presuppositions and generating insights into the impact of technology on teachers' linguistic identity and the influence of their technology-mediated pedagogical interventions on students' linguistic identity.

The coding process was conducted using ATLAS.ti v.25 for MacOS. Adopting an *in vivo* technique, codes were generated directly from the researchers' own language within the texts, ensuring the analysis remained firmly anchored to the original findings [32].

Findings

Descriptive overview of the corpus

Fig. 3 shows the distribution of publications per year and type of paper. It is worth to mention that although some of the selected studies had been initially published in 2024 (as ‘first online’ versions, which are commonly published in many journals), they were later updated as published in 2025, with specific journal volumes/issues assigned. For this reason, Fig. 3 also presents studies published in 2025.

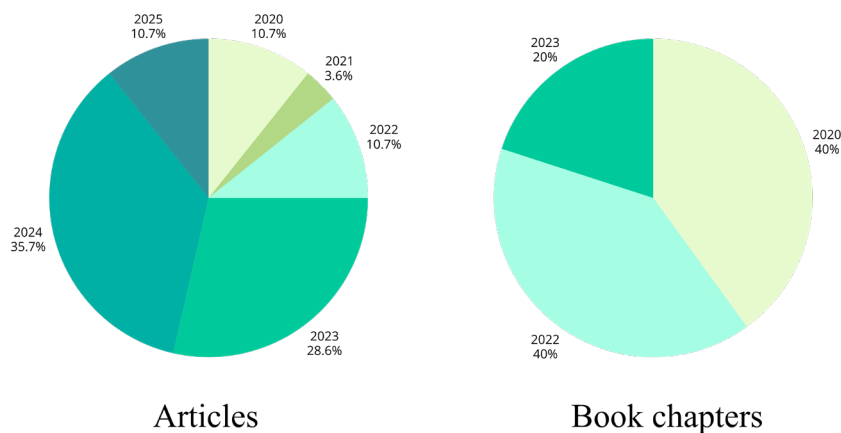
As shown in Fig. 3, the temporal distribution of the reviewed studies indicates a clear concentration in recent years. A substantial proportion of the publications appeared in 2024 (30.30 %), followed by 2023 (27.27 %). This pattern highlights the rapidly developing nature of the field, with more than half of the included studies published within the past two years.

Cross-cutting themes in teachers’ linguistic identity

The thematic analysis of the 33 selected studies reveals several recurrent patterns regarding how technology impacts teachers’ linguistic identity. First, technology acts as a catalyst for professional reconstruction. Across diverse contexts – from Chile to China, from Rwanda to Indonesia – teachers are moving away from the traditional role of sole authority on “correct” language. Instead, they reconstruct themselves as facilitators of critical digital literacies, guides through global English, designers of translingual fanfiction projects, or cultural mediators using digital storytelling [4, 7, 22, 33].

Second, this reconstruction is emotionally charged and agentive. It is rarely a smooth transition; rather, it involves anxiety, vulnerability, and a need for developing digital self-efficacy. The sudden shift to online teaching during the COVID-19 pandemic, for example, forced many teachers to rebuild their identities from crisis, a process that required emotional regulation and peer collaboration [34–36]. Teachers who successfully navigated this often came to see themselves as “modern,” “tech-savvy,” and student-centred educators [37, 38].

Third, a persistent tension exists between empowerment and devaluation. While some teachers use technology to affirm plurilingual identities and challenge monolingual school norms [39], others find their linguistic expertise reduced to technical support roles or their local knowledge ignored by top-down digital policies [16]. In English-medium instruction (EMI) contexts, STEM teachers often resist being positioned as English language teachers, creating an identity crisis that technology does not resolve but sometimes exacerbates [13, 40].

Source: Authors’ elaboration.

Fig. 3. Distribution of papers per year and type of publication

Cross-cutting themes in students' linguistic identity

The reviewed studies also show how teachers' technology-mediated pedagogical interventions shape students' linguistic identities. The most hopeful findings centre on identity-affirming pedagogies. When teachers embrace a plurilingual, critical stance, technology becomes a space for students to explore and perform their hybrid selves. Through collaborative online platforms, multimodal composing, and projects that intentionally blend English with local slang or indigenous elements, students are not merely practising a language but also piecing together their identities as translingual, global-local meaning-makers [4, 22, 41].

Conversely, when technology is used without critical intentionality, it can reproduce existing hierarchies. In contexts where digital platforms enforce English-only policies or standardised content, students receive the implicit message that their home languages have little value [16]. Moreover, heavy student use of external technologies (e.g., translation apps or AI tools) can reduce their dependence on the teacher, but without careful guidance this may not translate into deeper identity development [42]. Digital storytelling, telecollaboration, and online forums are effective only when teachers actively design tasks that invite students to reflect on and express their linguistic repertoires [33, 43].

Controversies and contradictory evidence across the reviewed studies

The synthesis of the corpus reveals notable contradictions that point to the context-dependent nature of technology's impact. One central controversy concerns teacher authority. Ren and Pan [42] found that students' use of external technologies threatened an experienced teacher's sense of linguistic authority, diminishing her professional identity. In contrast, Gonzalez-Vidal [4] showed how the same broad type of technology (digital platforms for fanfiction) empowered teachers to adopt translingual identities and embrace new pedagogical roles. This discrepancy suggests that the effect depends on whether technology is positioned as a threat to be controlled or as a resource for co-construction.

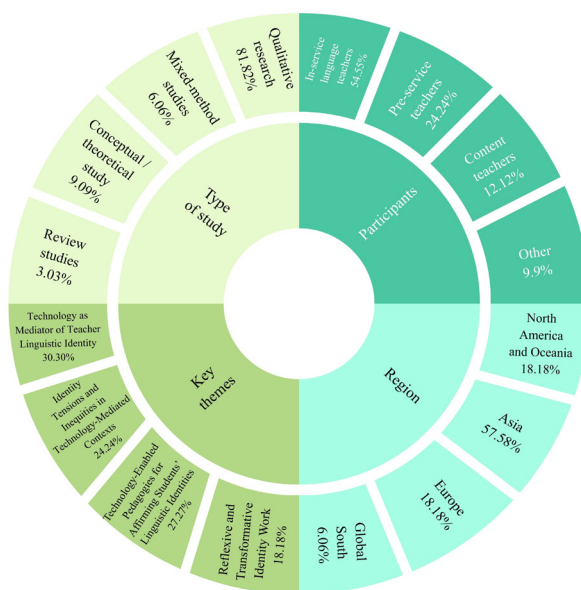
A second controversy relates to digital platforms as identity spaces. Ulla et al. [21] celebrate TikTok as a venue where teachers can express authentic, relatable identities that enhance student engagement. By contrast, Kwihangana [16] warns that platform policies and algorithmically driven content can impose restrictive, monolingual, and commodified identities. Similarly, Loo [44] describes online teaching as forcing a constant "performance" that challenges authenticity, while other studies highlight the liberating potential of asynchronous video for identity exploration [45]. These contradictions underscore that technology is never neutral; its impact is mediated by teacher agency, institutional support, and the specific design of pedagogical activities.

How specific technological affordances enable linguistic identity work

To move beyond general claims about "technology", the analysis also examined how specific technological features contribute to identity construction. Four affordances emerged as particularly salient:

- Asynchronicity and recordability (e.g., Flip, video self-analysis): The ability to record, review, and rehearse reduces anxiety and allows teachers and students to perform a more confident linguistic identity. Chen and Wong [45] showed that pre-service teachers used asynchronous video to practice academic English and build professional identity without real-time pressure. Díaz-Martín and Gómez-Parra [46] found that video self-analysis acted as a "technological mirror," helping teachers shift from seeing themselves as language teachers to flexible bilingual educators.

- Multimodality and semiotic flexibility (e.g., digital storytelling, fanfiction platforms): The integration of text, image, sound, and video enables users to juxtapose different languages and semiotic resources within one artifact. This affordance materially supports translingual identity work. In [4], students blended English with Chilean slang and indigenous elements in digital fanfiction, enacting hybrid identities that would be impossible in a traditional paper exercise. Liontas [33] similarly showed how digital storytelling allowed teachers and doctoral students to voice and reshape their linguacultural selves.

Source: Authors' elaboration.

Fig. 4. Main thematic clusters and key patterns from the analysed studies

– Algorithmic visibility and performance (e.g., TikTok, YouTube): Short-video platforms afford virality and audience feedback, pushing teachers to construct a condensed, relatable, and sometimes entertaining digital persona. Ulla et al. [21] documented how this can enhance teacher-student connection, but also risks commodifying linguistic identity, where engagement metrics overshadow pedagogical depth. Ho (2025) observed that YouTube positions teachers as both language professionals and entrepreneurs, framing English learning as a commodified path to identity transformation.

– Discursive and policy infrastructures (e.g., online policy documents, platform language policies): Even seemingly non-technical features – such as the exclusive use of English in a national educational ICT policy – constitute a technological affordance. Kwihangana [16] demonstrated how the lexical and grammatical choices within policy documents construct a normative digital identity for teachers that excludes local linguistic realities. This highlights that technological identity work operates not only at the classroom level but also at the structural level of policy design.

These findings confirm that it is not “technology in general” but the interaction between specific affordances and pedagogical intentionality that shapes linguistic identities. Table 2 synthesises the main thematic clusters emerging from this analysis, including the number of studies, representative references, and key patterns for both teachers and students.

Discussion and conclusion

This systematic review, synthesizing insights from 33 recent studies, has sought to understand the dynamic and often profound relationship between digital technology and identity in language education. The guiding question was: *How, and to what extent, does technology impact teachers' linguistic identity, and how do their technology-mediated pedagogical interventions influence the shaping of students' linguistic identities?* The evidence reveals that technology is far from a neutral classroom accessory; it acts as a powerful catalyst, a site of conflict, and a creative tool for the ongoing negotiation of who we are as language users and educators.

Research has shown that the integration of technology into language education has fundamentally reshaped how teachers perceive and enact their professional roles. For many educators, digital tools have become both a reflective surface and an active force in the formation of their professional selves.

Table 2. In-depth analysis of selected studies

Thematic cluster	N	Representative studies	Key findings: teachers' linguistic identity	Key findings: students' linguistic identity
Technology as a disruptor and reconstructor of teacher authority	6	[7, 34, 36, 42]	Generative AI and digital tools undermine the traditional role of the teacher as the sole authority on "correct" language. Teachers experience identity tensions but can reconstruct themselves as facilitators of critical digital literacies and global English. The process is emotional and agency-driven.	Students gain access to external digital resources, reducing dependence on the teacher. This can threaten teacher authority but also opens space for more autonomous, critical language use. However, without teacher guidance, students may struggle to develop a reflective linguistic identity.
Technology as a space for plurilingual and translingual identity affirmation	8	[4, 8, 22, 39, 41]	Multilingual teachers of colour use digital platforms to challenge monolingual school norms, validate home languages, and design identity-responsive curricula. Technology enables them to adopt roles as translingual facilitators and cultural mediators, strengthening their professional identity as culturally responsive educators.	Students express hybrid identities by blending English with local slang, indigenous elements, or home cultures in digital storytelling, fanfiction, and online forums. Technology becomes a space for identity exploration, creative expression, and critical engagement with diverse linguacultures.
Digital policies, structural inequalities, and imposed identities	5	[13, 16, 40, 47]	National technology policies written only in English (e.g., in Rwanda) place teachers within a technocratic discourse that devalues local linguistic knowledge. Teachers resist being positioned as English language teachers (e.g., STEM lecturers in EMI contexts), creating identity crises. Technology can reinforce top-down, monolingual agendas.	Students receive the implicit message that their home languages have little value in technology-mediated education. When teachers are forced to focus on standardised, English-only content, students' plurilingual identities are neither validated nor supported.
Emotional regulation and the reconstruction of a "capable" digital teacher identity	5	[35, 38, 44, 48]	The sudden shift to online teaching (e.g., during COVID-19) disrupts teachers' established identities, generating anxiety and low self-efficacy. Through emotional regulation and developing digital competence, teachers reconstruct themselves as "capable online teachers." However, technology can also create a sense of inauthenticity and constant "performance," challenging their professional identity.	Technology-mediated environments may constrain the rich, relational interactions where students' linguistic identities are usually built. However, when teachers successfully manage their digital identity, they can foster a more engaging and supportive environment for students' language learning and identity development.
Specific technological affordances enabling identity work	4	[21, 33, 45, 46]	Asynchronous video (e.g., Flip) provides a low-anxiety space for pre-service teachers to practice academic English and develop a confident professional identity. Video self-analysis acts as a "technological mirror" that helps teachers shift from seeing themselves as language teachers to flexible bilingual educators. TikTok allows teachers to express a relatable, performative identity.	Digital storytelling empowers teachers to design identity-affirming pedagogies that support students' linguacultural identity development. Online mentoring communities and multimodal platforms create "third spaces" for reflection, which indirectly enhances teachers' capacity to create inclusive, identity-sensitive learning environments for students.
Controversies and contradictory evidence	5	[42] vs. [4, 21] vs. [16, 44]	Technology can simultaneously threaten teacher authority (e.g., when students use external tools) and empower it (e.g., through translingual projects). Some studies celebrate digital platforms for authentic identity expression, while others warn that platform policies impose restrictive, monolingual identities. The impact of technology is highly context-dependent, mediated by teacher agency, institutional support, and specific technological affordances.	Students' identity development benefits most when teachers adopt a critical, plurilingual stance. However, without pedagogical intentionality, technology can simply reproduce traditional, teacher-led assessment practices and fail to support students' linguistic identity.

Note. N refers to the approximate number of studies in each cluster based on the review corpus (N = 33). Clusters are not mutually exclusive; some studies address multiple themes. The assignment of studies to clusters was based on inductive coding following a grounded theory approach [31]. Interrater reliability was 98%. Source: Authors' elaboration.

Across diverse contexts – from Chile to China, from Rwanda to Indonesia – teachers are reconstructing their linguistic identities through their engagement with technology [4, 16, 36] (Susanto and Arifani, 2023), while the traditional image of the teacher as the sole authority of “correct” language is being unsettled [7]. In its place, new identities are emerging: the teacher as a facilitator of critical digital literacies [7], a guide through global English [7], a designer of translingual fanfiction projects [4], or a cultural mediator using digital storytelling [22, 33]. This reconstruction, however, is rarely straightforward. It is an emotional and agentic process, fuelled by developing digital competence and often born from necessity, as seen during the pandemic’s shift to online teaching [35, 36]. Teachers who navigate this successfully often come to see themselves as modern, tech-savvy, and student-centred educators, finding that technology can expand their professional roles and sense of efficacy [37, 38].

Yet, this path of identity reconstruction is paved with tensions and inequities. Technology is never culturally or politically neutral; rather, it amplifies existing sociolinguistic hierarchies and introduces new forms of marginalization [16, 47]. The analysed studies show that in contexts where policy mandates English-only digital platforms, teachers find their local linguistic knowledge and identities devalued, framed as obstacles to economic progress rather than assets for learning [16]. Moreover, plurilingual teachers of colour, while using technology to validate students’ home languages, often find themselves relegated to technical support roles and their linguistic expertise overshadowed by administrative demands [39]. These conflicts underscore a critical finding: technology’s impact on teacher identity is deeply political. It can reinforce top-down, monolingual agendas or, conversely, become a tool for resistance and reclamation, depending largely on the agency of the teacher and the equity of the surrounding structures [7, 16, 39].

The most hopeful findings centre on how these teacher identities, in turn, shape the learning worlds of students. When teachers embrace a plurilingual, critical stance, technology transforms into a space for students to explore and affirm their own linguistic identities [4, 7]. Through collaborative online platforms, multimodal composing, and projects that intentionally blend English with local slang or indigenous elements, students are not just practicing a language but also performing and piecing together their hybrid selves [4, 41]. Digital storytelling and telecollaboration become exercises in intercultural citizenship, helping learners see their multilingual repertoires as a source of power and connection rather than a deficit [22, 43]. This affirms that critically aware teachers can use technology to do more than teach grammar, but also to foster belonging, agency, and a critical understanding of the digital world [7, 21].

Finally, this identity work finds essential grounding in teacher education and professional development. The review highlights how technology itself, through video self-analysis, online mentoring communities, and digital autobiography, can create vital “third spaces” for reflection [33, 43, 46]. In these spaces, pre-service and in-service teachers can safely deal with the tensions of their role, articulate their emerging philosophies, and build the intercultural competence necessary to support their future students [49, 50] (Susanto and Arifani, 2023). This reflexive practice is not a secondary consideration but a cornerstone for preparing educators to navigate the identity-diverse complexities of today’s classrooms.

This review advances existing linguistic theories of identity by specifying how digital mediation alters the key mechanisms of identity construction. First, the principle of indexicality – where linguistic forms point to social identities – is transformed in digital spaces. As shown in [4], a student’s use of Chilean slang within an English fanfiction posted on a digital platform is not merely an index of local identity; it becomes a strategic, hyper-visible, and globally accessible act of translingual identity. Technology amplifies the reach and intentionality of indexicality, a phenomenon largely absent from pre-digital accounts. Second, the process of positioning becomes multi-layered in technology-mediated environments. The autoethnography by Loo [44] illustrates how online teaching forced a constant ‘performance,’ creating a tension between his reflective positioning (how he saw himself as an

authentic teacher) and his interactive positioning (how technology pushed him to be ‘entertaining’). This reveals a new dimension of the digital self: a fragmented, technologically mediated identity that coexists and often conflicts with the embodied self. Third, the review challenges purely social-constructionist views by highlighting material and political constraints on digital identity. Kwihangana’s [16] policy analysis shows that digital identities are not just negotiated but can be scripted in advance by technological infrastructures (e.g., English-only platforms). Consequently, this study proposes that digitally mediated linguistic identity must be understood as emergent from the interaction between human agency, pedagogical design, and the specific, non-neutral affordances of technological artifacts.

While offering a comprehensive synthesis of recent research, this review is not without limitations. First, the included studies include diverse methodological approaches, from conceptual papers and qualitative case studies to mixed-methods designs, which, while enriching the thematic analysis, may affect the generalizability of findings across different educational and sociolinguistic contexts. Furthermore, the review is temporally bounded, focusing on studies published between 2020 and 2024. This concentration, while capturing a critical moment of digital transition, may overrepresent certain themes related to the integration of technology in language education. Additionally, the geographic and institutional contexts of the studies, although varied, are not fully representative of all global settings, particularly under-resourced or indigenous educational environments where technology access and linguistic dynamics present unique challenges. These limitations highlight the need for future longitudinal research and more context-specific studies to further untangle the complex, evolving relationship between technology, teacher identity, and student linguistic development.

In any case, the relationship between technology and linguistic identity is profoundly reciprocal and contextual. Technology impacts teachers’ identities by simultaneously offering new avenues for professional growth – for example, Gong et al. [37] showed that novice Chinese language teachers in Hong Kong who successfully integrated technology reframed themselves as ‘modern’ and ‘student-centred facilitators’ – and exposing deep-rooted inequities, as Kwihangana [16] documented in Rwanda where English-only technology policies devalued teachers’ local linguistic knowledge. Teachers then, through their pedagogical choices, can take advantage of technology to cultivate students’ plurilingual identities, as Gonzalez-Vidal [4] demonstrated with translingual fanfiction. The extent of this impact pivots around critical factors: pedagogical intentionality, institutional support, and a committed engagement with issues of power and access [16, 47]. In contrast, when these factors are absent, technology may simply reinforce standardised norms, as Ren and Pan [42] found when students’ use of translation apps threatened teacher authority without fostering identity development.

Concrete examples from the reviewed studies illustrate how technology-mediated interventions shape students’ linguistic identities. In [22], Vietnamese university students used digital storytelling and online forums to express their home cultures in English, developing more confident and reflective multilingual identities. Similarly, Brownell [41] showed how a third-grade student labelled as ‘struggling’ in traditional literacy used multimodal composition to enact civic agency and reconstruct himself as an expert meaning-maker. In contrast, Ren and Pan [42] found that students’ heavy use of external technologies (e.g., translation apps) reduced their dependence on the teacher, threatening her authority without necessarily fostering their own identity development. These examples underscore that technology’s impact is contingent on pedagogical design and teacher stance.

This review moves beyond general claims about ‘technology’ by identifying four specific technological affordances that enable or constrain linguistic identity work in educational settings: (a) asynchronicity and recordability, which reduce anxiety and allow for identity performance; (b) multimodality and semiotic flexibility, which enable translingual juxtaposition; (c) algorithmic visibility and performance pressure, which can commodify or amplify identity expression; and (d) discursive policy infrastructures,

which impose normative digital identities from above. These affordances, provide a more precise vocabulary for future research on digitally mediated linguistic identity.

The present review makes a threefold contribution to linguistic knowledge. First, it empirically demonstrates that established identity principles (e.g., indexicality, positioning) operate differently in digitally mediated environments, becoming more deliberate, hyper-visible, and globally networked. Second, it introduces the concept of the technologically mediated ‘digital self’ as a fragmented yet agentive identity, constantly negotiated between performance and authenticity, as seen in the tensions experienced by online teachers [21, 44]. Third, by identifying specific technological affordances, it provides a more precise vocabulary for future research, moving beyond generic claims about ‘technology’ to a nuanced understanding of how digital tools shape who we are as language users and educators.

Ultimately, this review argues for moving beyond asking if technology should be used, to critically examining how and for what purpose. The goal must be to use digital tools not for standardization but for creating more inclusive, affirming, and critically engaged spaces where every teacher and student can see their linguistic identity reflected and respected.

Disclosure statement

The authors report that they have potential conflict of interest.

REFERENCES

- [1] **Dinkelberg A., MacCarron P., Maher P.J., O’Sullivan D.J.P., Quayle M.**, Dyadic interaction shapes social identity in the Axelrod model using empirical data, *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 26 (2) (2023) 2. DOI: 10.18564/jasss.4992
- [2] **Khawaja N.G., Schweitzer R.**, A qualitative study of adolescents from refugee backgrounds living in Australia: Identity and resettlement, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 21 (3) (2024) 281. DOI: 10.3390/ijerph21030281
- [3] **Bucholtz M., Hall K.**, Identity and interaction: A sociocultural linguistic approach, *Discourse Studies*, 7 (4–5) (2005) 585–614. DOI: 10.1177/1461445605054407
- [4] **Gonzalez-Vidal T.**, Navigating linguacultures through fanfiction: unveiling opportunities and challenges in the Chilean EFL school context, *Computer Assisted Language Learning*, 39 (1–2) (2026) 89–114. DOI: 10.1080/09588221.2024.2366466
- [5] **Huertas-Abril C.A., Palacios-Hidalgo F.J.**, Technology, identities and minorities: A systematic literature review, *Decir y comprender: saberes que circulan entre lenguas y realidades sociales*, coord. por M. Valero Redondo, F.J. Rodríguez Mesa, E. Tarrío, Dykinson, Madrid, 2025, pp. 179–207.
- [6] **Palacios-Hidalgo F.J., Huertas-Abril C.A.**, Impact of technology use on the construction of identity in language learners: A 2020–2024 systematic literature review, *International Journal of Multilingualism*, (2025) 1–19. DOI: 10.1080/14790718.2025.2546506
- [7] **Savski K.**, Beyond teaching “just English”: Blurred Boundaries and Their Implications for Contemporary Language Education, *LEARN Journal: Language Education and Acquisition Research Network*, 17 (2) (2024) 26–29. DOI: 10.70730/EMKE2539
- [8] **Moccozet L., Böckh M.**, Digital DLC Models as Instruments for Raising Awareness and Better Understanding of Current Multilingualism in HEI, *Language Awareness and Identity: Insights via Dominant Language Constellation Approach*, ed. by L. Aronin, S. Melo-Pfeifer, Springer, Cham, 2023, pp. 45–65. DOI: 10.1007/978-3-031-37027-4_3
- [9] **Nogaibayeva A.**, Exploring the use of ICT by language instructors at a university in Kazakhstan: Expectations, realities, and factors influencing adoption, *Teaching English as a Foreign Language Journal*, 2 (2) (2023) 110–123. DOI: 10.12928/tefl.v2i2.528
- [10] **Kayi-Aydar H.**, Language teacher identity, *Language Teaching*, 52 (3) (2019) 281–295. DOI: 10.1017/s0261444819000223

- [11] **Leeman J.**, Heritage language education and identity in the United States, *Annual Review of Applied Linguistics*, 35 (2015) 100–119. DOI: 10.1017/s0267190514000245
- [12] **Lucero-Babativa E.**, The enactment of teacher-educator interactional identities in the classrooms of English language education, *TESOL Journal*, 15 (2) (2023) e766. DOI: 10.1002/tesj.766
- [13] **Manan S.A., Hajar A.**, Understanding English medium instruction (EMI) policy from the perspectives of STEM content teachers in Kazakhstan, *TESOL Journal*, 15 (4) (2024) e847. DOI: 10.1002/tesj.847
- [14] **Hassan M.**, Decolonial Language Education and Identity Realization in Africa, *Current Issues in Comparative Education*, 26 (1) (2024) 98–107. DOI: 10.52214/cice.v26i1.12064
- [15] **Troyan F.J., Fernández L., Weng Z., Ferguson D.S., Iswandari Y.A., Avdakov S.**, Toward humanizing SFL praxis: Coconstructing language teachers' understandings of their intersectional identities via language use, *Foreign Language Annals*, 56 (4) (2023) 888–911. DOI: 10.1111/flan.12720
- [16] **Kwihangana F.**, Teacher positioning in educational ICT policies: Implications for digital teacher identity development in under-resourced contexts, *Journal of Education Policy*, 40 (2) (2025) 242–265. DOI: 10.1080/02680939.2024.2386309
- [17] **Shin J., Choi J., T., Angay-Crowder Khote N.**, U.S. preservice teachers learning with multilingual learners in Korea through educational technology: Bringing heteroglossic and global approaches to TESOL teacher education, *ECNU Review of Education*, 7 (2) (2023) 308–332. DOI: 10.1177/20965311231183004
- [18] **Gerlach D.**, The (im)possible mission of language teacher educators in Germany: Identity formation, development, and practice in institutionalised settings, *TESOL Journal*, 15 (4) (2024) e878. DOI: 10.1002/tesj.878
- [19] **Hiver P., Al-Hoorie A.**, A Dynamic Ensemble for Second Language Research: Putting Complexity Theory into Practice, *The Modern Language Journal*, 100 (4) (2016) 741–756. DOI: 10.1111/modl.12347
- [20] **Miller E., Morgan B., Medina A.**, Exploring language teacher identity work as ethical self-formation, *Modern Language Journal*, 101 (S1) (2017) 91–105. DOI: 10.1111/modl.12371
- [21] **Ulla M.B., Lemana H.E., Kohnke L.**, Unveiling the TikTok Teacher: The Construction of Teacher Identity in the Digital Spotlight, *Journal of Interactive Media in Education*, 2024 (1) (2024) 12. DOI: 10.5334/jime.845
- [22] **Trinh A., Dinh H.**, Language and home-culture integrated online learning curriculum for developing intercultural communicative competence, *Journal for Multicultural Education*, 18 (1–2) (2024) 38–52. DOI: 10.1108/JME-09-2023-0097
- [23] **Hemingway P., Brereton N.**, What is a systematic review?, What is ...? series, ed. by H.T.D. Davis, I.K. Cromble, 2nd ed., Hayward Medical Group, 2009, pp. 1–8.
- [24] **Moher D., Shamseer L., Clarke M., Ghersi D., Liberati A., Petticrew M., Shekelle P., Stewart L.**, Preferred reporting items for systematic review and meta-analysis protocols (PRISMA-P) 2015 statement, *Systematic Reviews*, 4 (1) (2015) 1. DOI: 10.1186/2046-4053-4-1
- [25] **Page M.J., McKenzie J.E., Bossuyt P.M., Boutron I., Hoffmann T., Mulrow C., Shamseer L., Tetzlaff J.M., Akl E.A., Brennan S.E., Chou R., Glanville J., Grimshaw J.M., Hróbjartsson A., Lalu M.M., Li T., Loder E.W., Mayo-Wilson E., McDonald S., Moher D.**, The PRISMA 2020 statement: An updated guideline for reporting systematic reviews, *British Medical Journal*, 372 (71) (2021) n71. DOI: 10.1136/bmj.n71
- [26] Impact of PRISMA, PRISMA 2025, Available at: <https://bit.ly/4pxzcXn> (accessed 04.05.2026).
- [27] **Gough D., Oliver S., Thomas J.**, An introduction to systematic reviews, *Psychology Teaching Review*, Sage, London, 2017. 304 p.
- [28] **Krippendorff K.**, Content analysis: An introduction to its methodologies, SAGE, Beverly Hills, 1980. 189 p.
- [29] **Weber R.P.**, Basic Content Analysis, 2nd ed., SAGE, Newbury Park, 1990. 96 p.
- [30] **Belur J., Tompson L., Thornton A., Simon M.**, Interrater Reliability in Systematic Review Methodology: Exploring Variation in Coder Decision-Making, *Sociological Methods & Research*, 50 (2) (2018) 837–865. DOI: 10.1177/0049124118799372
- [31] **Glaser B., Strauss A.**, The discovery of grounded theory, Aldine Publishing Company, Chicago, 1967.
- [32] **Saldana J.**, The Coding Manual for Qualitative Researchers, 3^d ed., Sage, London, 2015. 329 p.

- [33] **Liontas J.I.**, Understanding language teacher identity: Digital discursive spaces in English teacher education and development, *Language teacher identity in TESOL: Teacher education and practice as identity work*, ed. by B. Yazan, K. Lindahl, Routledge, New York, 2020, pp. 65–82. DOI: 10.4324/9780429342875-7
- [34] **Ashadi A., Andriyanti E., Purbani W., Fitriyaningsih I.**, EFL teachers' identity in self-directed learning: A work-from-home phenomenology, *Studies in English Language and Education*, 9 (1) (2022) 132–151. DOI: 10.24815/siele.v9i1.21455
- [35] **Janes S., Chen J.**, Enacting teacher emotion, agency, and professional identity: A netnography of a novice Chinese language teacher's crisis teaching, *Australian Journal of Applied Linguistics*, 7 (1) (2024) 1333. DOI: 10.29140/ajal.v7n1.1333
- [36] **Li S., Wu J.G., Bian J., Ding Z., Sun Y.**, Understanding Digital Identity During the Pandemic: An Investigation of Two Chinese Spanish Teachers, *Sustainability*, 15 (2) (2023) 1208. DOI: 10.3390/su15021208
- [37] **Gong Y.F., Gao X.A., Lai C.**, Novice Teachers' Technology Integration and Professional Identity Reframing in the Chinese as an Additional Language Classroom, *Theory and Practice in second language teacher identity: Researching, theorising and enacting*, ed. by K. Sadeghi, F. Ghaderi, Springer, Cham, 2022, pp. 195–210. DOI: 10.1007/978-3-031-13161-5_14
- [38] **Marisa R., Rachmajanti S., Anugerahwati M.**, Investigating the digital proficiency of English as a Foreign Language (EFL) educators in association with their professional identity, *The JALT CALL Journal*, 20 (2) (2024) 1–31. DOI: 10.29140/jaltcall.v20n2.1315
- [39] **Morita-Mullaney T., Cushing-Leubner J., Benegas M., Greene M.C., Stolpestad A.**, Clashing roles and identities of EL teachers during emergency remote teaching and learning, *TESOL Quarterly*, 58 (2) (2024) 600–627. DOI: 10.1002/tesq.3238
- [40] **Block D.**, Emergent STEM lecturer identities: The shaping effects of EMI in action in an internationalised and Englishised HE context, *Language Teaching*, 54 (3) (2021) 388–406. DOI: 10.1017/S0261444820000221
- [41] **Brownell C.J.**, Inventing expert in English language arts: A case study of critical literacies in a third grade classroom, *Journal of Early Childhood Literacy*, 23 (2) (2023) 213–235. DOI: 10.1177/1468798420968267
- [42] **Ren B., Pan X.**, Understanding EFL teacher identity and identity tensions in a Chinese university context, *International Journal of Applied Linguistics*, 35 (1) (2025) 363–379. DOI: 10.1111/ijal.12622
- [43] **Eren Ö.**, Negotiating pre-service EFL teachers' identity orientations through telecollaboration, *Innovation in Language Learning and Teaching*, 17 (2) (2023) 469–484. DOI: 10.1080/175-01229.2022.2085280
- [44] **Loo D.B.**, “It feels like a performance when I teach online”: Autoethnography of tensions in teacher identity, *Profile: Issues in Teachers Professional Development*, 25 (2) (2023) 15–28. DOI: 10.15446/profile.v25n2.104914
- [45] **Chen W.L., Wong K.M.**, Leveraging Flip, a video discussion platform, to support the needs of international ESL pre-service teachers, *RELC Journal*, 54 (2) (2023) 489–499. DOI: 10.1177/00336882231175510
- [46] **Díaz-Martín C., Gómez-Parra M.E.**, Does video self-analysis influence pre-service language teachers' position within CLIL settings?, *Porta Linguarum. An International Journal of Foreign Language Teaching and Learning*, 38 (2022) 281–299. DOI: 10.30827/portalin.vi38.23877
- [47] **Bahari A.**, Teacher identity in technology-assisted language learning: Challenges and affordances, *E-learning and Digital Media*, 19 (4) (2022) 396–420. DOI: 10.1177/20427530221092855
- [48] **Yazici E.A., Atay D.**, ICT Transformation in Education: Its Impact on Language Teachers' Professional Identities, *Iranian Journal of Language Teaching Research*, 11 (1) (2023) 141–156. DOI: 10.30466/ijltr.2023.121276
- [49] **Chan C.**, I know how it feels: how online mentors help pre-service teachers negotiate practicum tensions in the third space, *Mentoring & Tutoring: Partnership in Learning*, 28 (2) (2020) 189–210. DOI: 10.1080/13611267.2020.1749348
- [50] **Song L.**, Identity Switching for Teaching Reflection – Example from Waikato Institute of Technology, *Theory and Practice in Language Studies*, 10 (1) (2020) 91–95. DOI: 10.17507/tpls.1001.13

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Dinkelberg A., MacCarron P., Maher P.J., O’Sullivan D.J.P., Quayle M.** Dyadic interaction shapes social identity in the Axelrod model using empirical data // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2023. Vol. 26, Iss. 2. Art. no. 2. DOI: 10.18564/jasss.4992
2. **Khawaja N.G., Schweitzer R.** A qualitative study of adolescents from refugee backgrounds living in Australia: Identity and resettlement // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2024. Vol. 21, Iss. 3. Art. no. 281. DOI: 10.3390/ijerph21030281
3. **Bucholtz M., Hall K.** Identity and interaction: A sociocultural linguistic approach // *Discourse Studies*. 2005. Vol. 7, Iss. 4–5. P. 585–614. DOI: 10.1177/1461445605054407
4. **Gonzalez-Vidal T.** Navigating linguacultures through fanfiction: unveiling opportunities and challenges in the Chilean EFL school context // *Computer Assisted Language Learning*. 2026. Vol. 39, Iss. 1–2. P. 89–114. DOI: 10.1080/09588221.2024.2366466
5. **Huertas-Abril C.A., Palacios-Hidalgo F.J.** Technology, identities and minorities: A systematic literature review // *Decir y comprender: saberes que circulan entre lenguas y realidades sociales / coord. por M. Valero Redondo, F.J. Rodríguez Mesa, E. Tarrío*. Madrid: Dykinson, 2025. P. 179–207.
6. **Palacios-Hidalgo F.J., Huertas-Abril C.A.** Impact of technology use on the construction of identity in language learners: A 2020–2024 systematic literature review // *International Journal of Multilingualism*. 2025. P. 1–19. DOI: 10.1080/14790718.2025.2546506
7. **Savski K.** Beyond teaching “just English”: Blurred Boundaries and Their Implications for Contemporary Language Education // *LEARN Journal: Language Education and Acquisition Research Network*. 2024. Vol. 17, Iss. 2. P. 26–29. DOI: 10.70730/EMKE2539
8. **Moccozet L., Böckh M.** Digital DLC Models as Instruments for Raising Awareness and Better Understanding of Current Multilingualism in HEI // *Language Awareness and Identity: Insights via Dominant Language Constellation Approach / ed. by L. Aronin, S. Melo-Pfeifer*. Cham: Springer, 2023. P. 45–65. DOI: 10.1007/978-3-031-37027-4_3
9. **Nogaibayeva A.** Exploring the use of ICT by language instructors at a university in Kazakhstan: Expectations, realities, and factors influencing adoption // *Teaching English as a Foreign Language Journal*. 2023. Vol. 2, Iss. 2. P. 110–123. DOI: 10.12928/tefl.v2i2.528
10. **Kayi-Aydar H.** Language teacher identity // *Language Teaching*. 2019. Vol. 52, Iss. 3. P. 281–295. DOI: 10.1017/s0261444819000223
11. **Leeman J.** Heritage language education and identity in the United States // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2015. Vol. 35. P. 100–119. DOI: 10.1017/s0267190514000245
12. **Lucero-Babativa E.** The enactment of teacher-educator interactional identities in the classrooms of English language education // *TESOL Journal*. 2023. Vol. 15, Iss. 2. Art. no. e766. DOI: 10.1002/tesj.766
13. **Manan S.A., Hajar A.** Understanding English medium instruction (EMI) policy from the perspectives of STEM content teachers in Kazakhstan // *TESOL Journal*. 2024. Vol. 15, Iss. 4. Art. no. e847. DOI: 10.1002/tesj.847
14. **Hassan M.** Decolonial Language Education and Identity Realization in Africa // *Current Issues in Comparative Education*. 2024. Vol. 26, Iss. 1. P. 98–107. DOI: 10.52214/cice.v26i1.12064
15. **Troyan F.J., Fernández L., Weng Z., Ferguson D.S., Iswandari Y.A., Avdakov S.** Toward humanizing SFL praxis: Coconstructing language teachers’ understandings of their intersectional identities via language use // *Foreign Language Annals*. 2023. Vol. 56, Iss. 4. P. 888–911. DOI: 10.1111/flan.12720
16. **Kwihangana F.** Teacher positioning in educational ICT policies: Implications for digital teacher identity development in under-resourced contexts // *Journal of Education Policy*. 2025. Vol. 40, Iss. 2. P. 242–265. DOI: 10.1080/02680939.2024.2386309
17. **Shin J., Choi J., T., Angay-Crowder Khote N.** U.S. preservice teachers learning with multilingual learners in Korea through educational technology: Bringing heteroglossic and global approaches to TESOL teacher education // *ECNU Review of Education*. 2023. Vol. 7, Iss. 2. P. 308–332. DOI: 10.1177/20965311231183004
18. **Gerlach D.** The (im)possible mission of language teacher educators in Germany: Identity formation, development, and practice in institutionalised settings // *TESOL Journal*. 2024. Vol. 15, Iss. 4. Art. no. e878. DOI: 10.1002/tesj.878

19. **Hiver P., Al-Hoorie A.** A Dynamic Ensemble for Second Language Research: Putting Complexity Theory into Practice // *The Modern Language Journal*. 2016. Vol. 100, Iss. 4. P. 741–756. DOI: 10.1111/modl.12347
20. **Miller E., Morgan B., Medina A.** Exploring language teacher identity work as ethical self-formation // *Modern Language Journal*. 2017. Vol. 101, Iss. S1. P. 91–105. DOI: 10.1111/modl.12371
21. **Ulla M.B., Lemana H.E., Kohnke L.** Unveiling the TikTok Teacher: The Construction of Teacher Identity in the Digital Spotlight // *Journal of Interactive Media in Education*. 2024. Vol. 2024, Iss. 1. Art. no. 12. DOI: 10.5334/jime.845
22. **Trinh A., Dinh H.** Language and home-culture integrated online learning curriculum for developing intercultural communicative competence // *Journal for Multicultural Education*. 2024. Vol. 18, Iss. 1–2. P. 38–52. DOI: 10.1108/JME-09-2023-0097
23. **Hemingway P., Breerton N.** What is a systematic review?, What is ...? series / ed. by H.T.D. Davis, I.K. Cromble. 2nd ed. Hayward Medical Group, 2009. P. 1–8.
24. **Moher D., Shamseer L., Clarke M., Ghersi D., Liberati A., Petticrew M., Shekelle P., Stewart L.** Preferred reporting items for systematic review and meta-analysis protocols (PRISMA-P) 2015 statement // *Systematic Reviews*. 2015. Vol. 4, Iss. 1. Art. no. 1. DOI: 10.1186/2046-4053-4-1
25. **Page M.J., McKenzie J.E., Bossuyt P.M., Boutron I., Hoffmann T., Mulrow C., Shamseer L., Tetzlaff J.M., Akl E.A., Brennan S.E., Chou R., Glanville J., Grimshaw J.M., Hróbjartsson A., Lalu M.M., Li T., Loder E.W., Mayo-Wilson E., McDonald S., Moher D.** The PRISMA 2020 statement: An updated guideline for reporting systematic reviews // *British Medical Journal*. 2021. Vol. 372, Iss. 71. Art. no. n71. DOI: 10.1136/bmj.n71
26. Impact of PRISMA, PRISMA 2020. URL: <https://bit.ly/4pxzcXn> (дата обращения: 04.05.2026).
27. **Gough D., Oliver S., Thomas J.** An introduction to systematic reviews // *Psychology Teaching Review*. London: Sage, 2017. 304 p.
28. **Krippendorff K.** Content analysis: An introduction to its methodologies. Beverly Hills: SAGE, 1980. 189 p.
29. **Weber R.P.** Basic Content Analysis. 2nd ed. Newbury Park: SAGE, 1990. 96 p.
30. **Belur J., Tompson L., Thornton A., Simon M.** Interrater Reliability in Systematic Review Methodology: Exploring Variation in Coder Decision-Making // *Sociological Methods & Research*. 2018. Vol. 50, Iss. 2. P. 837–865. DOI: 10.1177/0049124118799372
31. **Glaser B., Strauss A.** The discovery of grounded theory. Chicago: Aldine Publishing Company, 1967.
32. **Saldana J.** The Coding Manual for Qualitative Researchers. 3^d ed. London: Sage, 2015. 329 p.
33. **Liontas J.I.** Understanding language teacher identity: Digital discursive spaces in English teacher education and development, Language teacher identity in TESOL: Teacher education and practice as identity work / ed. by B. Yazan, K. Lindahl. New York: Routledge, 2020. P. 65–82. DOI: 10.4324/9780429342875-7
34. **Ashadi A., Andriyanti E., Purbani W., Fitriyaningsih I.** EFL teachers' identity in self-directed learning: A work-from-home phenomenology // *Studies in English Language and Education*. 2022. Vol. 9, Iss. 1. P. 132–151. DOI: 10.24815/siele.v9i1.21455
35. **Janes S., Chen J.** Enacting teacher emotion, agency, and professional identity: A netnography of a novice Chinese language teacher's crisis teaching // *Australian Journal of Applied Linguistics*. 2024. Vol. 7, Iss. 1. Art. no. 1333. DOI: 10.29140/ajal.v7n1.1333
36. **Li S., Wu J.G., Bian J., Ding Z., Sun Y.** Understanding Digital Identity During the Pandemic: An Investigation of Two Chinese Spanish Teachers // *Sustainability*. 2023. Vol. 15, Iss. 2. Art. no. 1208. DOI: 10.3390/su15021208
37. **Gong Y.F., Gao X.A., Lai C.** Novice Teachers' Technology Integration and Professional Identity Reframing in the Chinese as an Additional Language Classroom // *Theory and Practice in second language teacher identity: Researching, theorising and enacting*. ed. by K. Sadeghi, F. Ghaderi. Cham: Springer, 2022. P. 195–210. DOI: 10.1007/978-3-031-13161-5_14
38. **Marisa R., Rachmajanti S., Anugerahwati M.** Investigating the digital proficiency of English as a Foreign Language (EFL) educators in association with their professional identity // *The JALT CALL Journal*. 2024. Vol. 20, Iss. 2. P. 1–31. DOI: 10.29140/jaltcall.v20n2.1315
39. **Morita-Mullaney T., Cushing-Leubner J., Benegas M., Greene M.C., Stolpestad A.** Clashing roles and identities of EL teachers during emergency remote teaching and learning // *TESOL Quarterly*. 2024. Vol. 58, Iss. 2. P. 600–627. DOI: 10.1002/tesq.3238

40. **Block D.** Emergent STEM lecturer identities: The shaping effects of EMI in action in an internationalised and Englishised HE context // *Language Teaching*. 2021. Vol. 54, Iss. 3. P. 388–406. DOI: 10.1017/S0261444820000221
41. **Brownell C.J.** Inventing expert in English language arts: A case study of critical literacies in a third grade classroom // *Journal of Early Childhood Literacy*. 2023. Vol. 23, Iss. 2. P. 213–235. DOI: 10.1177/1468798420968267
42. **Ren B., Pan X.** Understanding EFL teacher identity and identity tensions in a Chinese university context // *International Journal of Applied Linguistics*. 2025. Vol. 35, Iss. 1. P. 363–379. DOI: 10.1111/ijal.12622
43. **Eren Ö.** Negotiating pre-service EFL teachers' identity orientations through telecollaboration // *Innovation in Language Learning and Teaching*. 2023. Vol. 17, Iss. 2. P. 469–484. DOI: 10.1080/17501229.2022.2085280
44. **Loo D.B.** “It feels like a performance when I teach online”: Autoethnography of tensions in teacher identity // *Profile: Issues in Teachers Professional Development*. 2023. Vol. 25, Iss. 2. P. 15–28. DOI: 10.15446/profile.v25n2.104914
45. **Chen W.L., Wong K.M.** Leveraging Flip, a video discussion platform, to support the needs of international ESL pre-service teachers // *RELC Journal*. 2023. Vol. 54, Iss. 2. P. 489–499. DOI: 10.1177/00336882231175510
46. **Díaz-Martín C., Gómez-Parra M.E.** Does video self-analysis influence pre-service language teachers' position within CLIL settings? // *Porta Linguarum. An International Journal of Foreign Language Teaching and Learning*. 2022. Vol. 38. P. 281–299. DOI: 10.30827/portalin.vi38.23877
47. **Bahari A.** Teacher identity in technology-assisted language learning: Challenges and affordances // *E-learning and Digital Media*. 2022. 19, Iss. 4. P. 396–420. DOI: 10.1177/20427530221092855
48. **Yazici E.A., Atay D.** ICT Transformation in Education: Its Impact on Language Teachers' Professional Identities // *Iranian Journal of Language Teaching Research*. 2023. Vol. 11, Iss. 1. P. 141–156. DOI: 10.30466/ijltr.2023.121276
49. **Chan C.** I know how it feels: how online mentors help pre-service teachers negotiate practicum tensions in the third space, *Mentoring & Tutoring: Partnership in Learning*. 2020. Vol. 28, Iss. 2. P. 189–210. DOI: 10.1080/13611267.2020.1749348
50. **Song L.** Identity Switching for Teaching Reflection – Example from Waikato Institute of Technology // *Theory and Practice in Language Studies*. 2020. Vol. 10, Iss. 1. P. 91–95. DOI: 10.17507/tpls.1001.13

INFORMATION ABOUT AUTHORS / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Francisco Javier Palacios-Hidalgo
Паласиос-Идальго Франсиско Хавьер
E-mail: francisco.palacios@uco.es
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4326-209X>

Cristina A. Huertas-Abril
Уэртас-Абриль Кристина А.
E-mail: cristina.huertas@uco.es
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9057-5224>

Submitted: 10.04.2026; Approved: 27.05.2026; Accepted: 17.06.2026.
Поступила: 10.04.2026; Одобрена: 27.05.2026; Принята: 17.06.2026.

Review article

UDC 81'42: 81'33

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17209>

EDN: <https://elibrary/NVTYMQ>

THE SEMIOTIC INTENSITY APPROACH: A SCOPING REVIEW OF AMPLIFICATION AND ATTENUATION MECHANISMS IN MULTIMODAL MEDIA DISCOURSE

Zehao Yin

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

 eric520magneto@gmail.com

Abstract. In the context of global communication, the construction of national images in the media has evolved from passive reporting to active meaning modulation. Using China as a case study, this research introduces the Semiotic Intensity Approach (SIA) to quantify how news media integrate verbal, visual, and layout resources to either amplify or attenuate specific narratives. By conceptualizing media discourse as a communicative event, this study conducts a systematic scoping review of a corpus of 56 core studies to construct a unified taxonomy of bias. The synthesis identifies 25 distinct cross-modal mechanisms (14 amplifying and 11 attenuating) that systematically deviate from a standard journalistic factual register. The analysis reveals a quantitative chasm in existing scholarship: while high-arousal amplification strategies dominate academic attention (70.2%), the equally strategic quiet mechanisms of attenuation (29.8%), such as spatial relegation or intersemiotic decoupling, remain under-theorized. The framework demonstrates how intersemiotic synergy acts as a multiplier effect to lock in preferred readings, whereas modal dissonance is frequently deployed to structurally suppress cooperative or positive narratives. The SIA reconceptualizes abstract framing concepts into operationalized metrics, serving as a diagnostic tool for researchers and educators to decode the anatomy of bias. This study establishes a foundation for reproducible, cross-cultural media analysis and highlights the theoretical necessity of moving beyond bias diagnosis toward the active restoration of narrative complexity.

Keywords: multimodal discourse analysis, media discourse, amplification and attenuation, semiotic intensity approach, intersemiotic synergy.

Citation: Yin Zehao, The Semiotic Intensity Approach: A Scoping Review of Amplification and Attenuation Mechanisms in Multimodal Media Discourse, *Terra Linguistica*, 17 (2) (2026) 152–168. DOI: 10.18721/JHSS.17209

Обзорная статья

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17209>

МЕТОД СЕМИОТИЧЕСКОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ: ОБЗОРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ АМПЛИФИКАЦИИ И ОСЛАБЛЕНИЯ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Цзэхао Инь

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация eric520magneto@gmail.com

Аннотация. В контексте глобальной коммуникации формирование национальных образов в СМИ эволюционировало от пассивного освещения событий к активной модуляции смысла. На примере Китая данное исследование представляет семиотический подход к интенсивности для количественной оценки того, как новостные СМИ интегрируют вербальные, визуальные и позиционные ресурсы для усиления или ослабления конкретных нарративов. Концептуализируя медиадискурс как коммуникативное событие, данное исследование проводит систематический обзор корпуса из 56 ключевых исследований для построения единой таксономии предвзятости. Синтез выявляет 25 различных кросс-модальных механизмов (14 усиливающих и 11 ослабляющих), которые систематически отклоняются от стандартного журналистского фактологического регистра. Анализ выявляет количественный разрыв в существующих исследованиях: в то время как стратегии усиления, вызывающие сильное возбуждение, доминируют в академическом фокусе (70,2%), столь же стратегические, но «тихие» механизмы ослабления (29,8%), такие как пространственная редегация или интерсемиотическая декомпозиция, остаются недостаточно теоретически обоснованными. Предложенная концепция демонстрирует мультипликативный эффект межсемиотической синергии, закрепляющей предпочтительные интерпретации, в то время как модальный диссонанс часто используется для структурного подавления кооперативных или позитивных нарративов. Семиотический подход к интенсивности переосмысливает абстрактные понятия фрейминга в операционализированные метрики, служащие диагностическим инструментом для исследователей и преподавателей, позволяющим расшифровать анатомию предвзятости. Данное исследование закладывает основу для воспроизводимого межкультурного анализа СМИ и подчеркивает теоретическую необходимость перехода от диагностики предвзятости к активному восстановлению сложности нарратива.

Ключевые слова: мультимодальный дискурсивный анализ, медиадискурс, усиление и ослабление, семиотический подход к интенсивности, межсемиотическая синергия.

Для цитирования: Инь Цзэхао. Метод семиотической частоты: обзорное исследование, амплификация и ослабление в мультимодальном медийном дискурсе // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 2. С. 152–168. DOI: 10.18721/JHSS.17209

Introduction: Why Amplification & Attenuation Matter

In the context of global communication, the construction of national images in the media has evolved from a paradigm of passive reporting to one of active meaning modulation – the systematic selection and coordination of semiotic mechanisms to guide audience perception and emotional response toward a preferred reading [1–4]. This discursive shift is underpinned by technological advancements that favor multimodal constructs, where visual and linguistic resources synergize to shape public perception [5–7]. In this study, China is selected as a strategic analytical case to examine these dynamics. This choice is methodological rather than normative; it reflects the high frequency and salience of China-related narratives in contemporary global media, offering a data-rich environment to rigorously test how multimodal mechanisms modulate meaning.

Synthesizing the reviewed literature, this study operationally defines amplification as any strategic choice of verbal, visual, or layout cue that increases the salience, emotional valence, or perceived threat/benefit of a particular frame. Conversely, attenuation denotes the systematic softening, marginalization, or omission of narrative elements, thereby reducing their semiotic and affective impact. Fundamental to these definitions is the establishment of a baseline for neutral presentation. Within this proposed framework, this baseline is operationally defined as the “standard journalistic factual register” – a mode of reportage characterized by the absence of evaluative modifiers, neutral visual framing, and non-hierarchical layout choices. Amplification and attenuation are thus conceptualized as semiotic modulations that deviate from this factual zero-point to either intensify or diminish the narrative’s weight.

Furthermore, “semiotic mechanisms” are defined as the specific, operational strategies within a given mode – such as hyperbolic lexis in language or visual relegation in layout – that function as the building blocks of “meaning modulation.” Meaning modulation itself is conceptualized as the systematic selection and coordination of these mechanisms to guide audience perception and emotional response toward a preferred reading.

Conceptualization of amplification and attenuation is rooted in Entman’s notion of framing as “highlighting and suppressing” [8], yet his text-centric model left an operational gap regarding material realization across modes. To bridge this, scholars have mobilized complementary frameworks: Martin and White’s (2005) Appraisal Theory [9] offers precision for verbal graduation, while Kress and van Leeuwen’s Visual Grammar [7] provides tools for analyzing visual salience and information value. Furthermore, Bateman’s GeM model [10] and Liu and O’Halloran’s work on intersemiotic texture [11] elucidate the layout and rhetorical cohesion necessary for multimodal meaning-making.

Although recent scholarship has expanded these foundations into digital and news value contexts (e.g., [3, 12]), a unified taxonomy that captures the synergistic mechanics of amplification and attenuation across these modes remains absent. Therefore, considering the semiotic complexity of modern media discourse as a communicative event, a cross-modal approach is required to analyze meaning modulation – the systematic selection and coordination of these mechanisms to guide audience perception and emotional response toward a preferred reading.

Addressing this gap, this article introduces the Semiotic Intensity Approach (SIA). This article operationally defines Semiotic Intensity as the aggregate measure of a discursive element’s salience, affective charge, and structural “prominence”. Unlike general concepts of “framing strength” or “news values,” the SIA specifically quantifies how verbal, visual, and layout resources synergize to amplify or attenuate specific meanings. This approach reconceptualizes amplification and attenuation not merely as abstract concepts but as quantifiable mechanisms, providing a framework to track how they work simultaneously across verbal, visual, and layout resources.

This article asserts three distinct claims for significance in the context of this scoping review. First, it addresses the fragmentation in multimodal studies by synthesizing a unified taxonomy – the SIA – which renders abstract framing strategies into operationalized, cross-modal metrics. Second, it theoretically identifies and maps the “quantitative chasm” in existing scholarship, shifting critical attention from the well-documented strategies of amplification to the under-theorized and subtle mechanisms of attenuation. Third, the resulting taxonomy serves as a diagnostic tool for researchers to conduct reproducible media analysis and for educators to decode the subtle “anatomy of bias” in journalistic training.

Methodology

1. Research Design: Why a Scoping Review?

This study employs a systematic scoping review design, following the methodological framework established by Arksey & O’Malley [13] and refined by Levac et al. [14]. Unlike systematic reviews that aim to answer precise questions via statistical meta-analysis, a scoping review is specifically designed

to “map key concepts underpinning a research area and the main sources and types of evidence available” [15].

This approach was selected as the most appropriate strategy for three reasons:

1. **Conceptual Heterogeneity:** The literature on “amplification” and “attenuation” spans disparate fields (linguistics, media studies, political communication) without a unified terminology.
2. **Taxonomic Goal:** The primary objective is not to aggregate effect sizes but to synthesize a typology of semiotic mechanisms across verbal, visual, and layout modes.
3. **Gap Identification:** A core function of this review is to identify the “quantitative chasm” between well-documented amplification strategies and under-theorized attenuation mechanisms [16].

The review protocol aligns with the Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses extension for Scoping Reviews (PRISMA-ScR) checklist to ensure transparency and replicability.

2. Search Strategy and Eligibility Criteria

A comprehensive search was conducted across three major academic databases: Scopus, Web of Science, and Communication & Mass Media Complete (EBSCOhost). The search strategy was designed to capture the intersection of three core concepts:

The Phenomena: Amplification and Attenuation (and their conceptual synonyms);

The Approach: Multimodality;

The Context: News Media Discourse.

The eligibility criteria were defined as follows:

Inclusion: The selection process utilized a dual-phase approach. Primary Inclusion focused on empirical studies published in English between 2000–2024 that analyzed meaning modulation through the interplay of at least two semiotic modes in print or digital news. Secondary Inclusion (Ancestry Approach) utilized citation tracking to intentionally incorporate foundational theories and methodological exemplars (e.g., Appraisal Theory, Visual Grammar). Crucially, while primary empirical studies were required to be multimodal, texts included via the Ancestry Approach were permitted to focus on a single mode (e.g., strictly verbal or visual) to provide necessary theoretical depth for the specific SIA mechanisms.

Exclusion: Within the primary database search, studies focusing on a single semiotic mode or those not centered on news media were excluded. Purely theoretical papers that did not directly contribute to the operationalization of the SIA mechanisms were also excluded.

3. Study Selection and Data Extraction Process

Following a multi-stage screening process based on the PRISMA-ScR protocol, 56 core texts were selected for synthesis (see Table 1).

To ensure methodological rigor, data extraction was conducted via a systematic qualitative coding approach. Each included study was analyzed to identify: (1) the specific semiotic mode addressed (verbal, visual, or layout); (2) the operational definition of the identified mechanism; and (3) its functional role in either amplification or attenuation. These extracted mechanisms were then cross-referenced across the corpus to establish their frequency and theoretical grounding, forming the basis for the SIA.

4. Analytical Synthesis: A Framework-Informed Thematic Analysis

The synthesis of findings was not a statistical meta-analysis but a framework-informed thematic analysis [17], structured and guided by the integrated multimodal framework. The analytical workflow proceeded from the qualitative codebook to hierarchical taxonomy construction, ensuring that the resulting schema was theoretically grounded rather than ad-hoc. Two coders independently categorized 15 % of extracted mechanisms; disagreements were resolved via negotiated consensus, achieving Cohen’s $\kappa = 0.84$ for final mechanism classification. This two-stage process – inductive coding followed by deductive framework mapping – balances analytical rigor with theoretical coherence.

The analysis proceeded in two stages:

Open Coding: Extracted mechanisms were first coded inductively based on the semiotic mode they pertained to (e.g., “use of metaphorical headline,” “high-salience photograph,” “decentralized layout”).

Thematic Framework Categorization: These initial codes were then systematically organized into a hierarchical taxonomy as a structuring matrix:

Mechanisms were classified under Verbal, Visual, or Layout/Typographic modes.

Within each mode, they were further analyzed through the lenses of:

Appraisal Theory (e.g., mechanisms of Graduation – intensification vs. diminishment) [9, 18];

Visual Grammar (e.g., mechanisms manipulating Salience, Information Value) [7];

GeM & RST (e.g., mechanisms governing layout structure and rhetorical relations between text and image) [10, 11].

Special attention was paid to synthesizing findings on intersemiotic complementarity – how mechanisms across different modes work in tandem to achieve a unified amplification or attenuation effect¹ [12].

5. Researcher Positionality and Reflexivity

As a Chinese qualitative researcher examining the multimodal discourse of British news media, I acknowledge that my cultural background shapes my analytical lens. My initial motivation for this study stemmed from a sensitivity to the negative biases often directed at China in Western media narratives. While a positivist approach might view this subjectivity as a limitation, a constructivist perspective recognizes that this insider identity provides a cultural intuition useful for detecting subtle ideological nuances and semiotic choices that might otherwise be missed. To ensure the trustworthiness and rigor of this study and to balance my personal perspective, this study developed and applied the SIA. By operationalizing abstract biases into quantifiable semiotic mechanisms (such as amplification and attenuation), the SIA serves as a methodological anchor. This approach ensures that my interpretations remain grounded in systematic textual and visual evidence rather than subjective assumptions.

The Semiotic Intensity Approach: A Taxonomic Synthesis

1. Overview of the Corpus

The review strategy yielded a final integrated corpus of 56 core texts. This comprises contemporary multimodal empirical studies (published between 2000 and 2024) retrieved via the primary search, synthesized alongside single- and multi-mode theoretical frameworks identified through citation tracking. The complete list of selected studies, along with their methodological details and primary semiotic focus, is provided in Table 1. The chronological distribution reveals a sharp increase in relevant scholarship post-2018, coinciding with intensifying geopolitical narratives surrounding Brexit, the COVID-19 pandemic, and international conflicts.

Table 1. List of Core Literature Included in the Synthesis

ID	Core Literature	Citations* (till 2025.12.20)	Verbal	Visual	Layout
S-20	Lakoff G., Johnson M., <i>Metaphors We Live By</i> , University of Chicago Press, 2003. DOI: 10.7208/chicago/9780226470993.001.0001	101752	☒	☐	☐
S-12	Entman R.M., <i>Framing: towards clarification of a fractured paradigm</i> , McQuail's Reader in Mass Communication Theory, ed. by D. McQuail, SAGE Publications, London, Thousand Oaks, New Delhi, 1993, pp. 390–397.	32194	☒	☐	☐

¹ Caple H., *Playing with words and pictures: Intersemiosis in a new genre of news reportage*, PhD thesis, Department of Linguistics, University of Sydney, 2009.

Continuation of Table 1

ID	Core Literature	Citations* (till 2025.12.20)	Verbal	Visual	Layout
S-05	Fairclough N., <i>Discourse and Social Change</i> , Polity Press, Cambridge, 1992.	32080	☒	☐	☐
S-01	Kress G., van Leeuwen, T., <i>Reading Images: The Grammar of Visual Design</i> , 3 ^d ed., Routledge, London, 2021. DOI: 10.4324/9781003099857	28031	☒	☒	☒
S-03	Fairclough N., <i>Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research</i> , Routledge, London, 2003.	25607	☒	☐	☐
S-04	Kress G.R., Van Leeuwen T., <i>Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication</i> , Arnold, London, Oxford University Press, New York, 2001.	13578	☒	☒	☒
S-02	Martin J.R., White P.R., <i>The Language of Evaluation</i> , Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2005. DOI: 10.1057/9780230511910	11333	☒	☐	☐
S-28	Haslam N., <i>Dehumanization: An Integrative Review</i> . <i>Personality and Social Psychology Review</i> , 10 (3) (2006) 252–264. DOI: 10.1207/s15327957pspr1003_4	4532	☒	☐	☐
S-09	Charteris-Black J., <i>Critical Metaphor Analysis, Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis</i> , Palgrave Macmillan, London, 2004, pp. 243–253. DOI: 10.1057/9780230000612_12	4005	☒	☐	☐
S-07	<i>The Routledge Handbook of Multimodal Analysis</i> , ed. by C. Jewitt, 1 st ed., Routledge, London, New York, 2009.	3171	☒	☒	☒
S-18	Van Leeuwen T., <i>The Representation of Social Actors, Texts and Practices</i> , Routledge, 2013, pp. 32–70. DOI: 10.4324/9780203431382	2740	☒	☐	☐
S-47	Leyens J.-P., Paladino P.M., Rodriguez-Torres R., Vaes J., Demoulin S., Rodriguez-Perez A., Gaunt R., <i>The Emotional Side of Prejudice: The Attribution of Secondary Emotions to Ingroups and Outgroups</i> . <i>Personality and Social Psychology Review</i> , 4 (2) (2000) 186–197. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0402_06	1383	☒	☐	☐
S-39	Bednarek M., <i>Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus</i> , Continuum, London, 2008.	1348	☒	☐	☐
S-23	Bednarek M., Caple H., <i>Why do news values matter? Towards a new methodological framework for analysing news discourse in Critical Discourse Analysis and beyond</i> , <i>Discourse & Society</i> , 25 (2) (2014) 135–158. DOI: 10.1177/0957926513516041	623	☒	☒	☒
S-30	Chouliaraki L., Stolic T., <i>Rethinking media responsibility in the refugee 'crisis': a visual typology of European news</i> , <i>Media, Culture & Society</i> , 39 (8) (2017) 1162–1177. DOI: 10.1177/0163443717726163	589	☐	☒	☐
S-46	Flusberg S.J., Matlock T., Thibodeau P.H. <i>War metaphors in public discourse</i> . <i>Metaphor and Symbol</i> , 33 (1) (2018) 1–18. DOI: 10.1080/10926488.2018.1407992	580	☒	☐	☐
S-19	<i>The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies</i> , ed. by J. Flowerdew, J.E. Richardson, Routledge, London, 2018, pp. 2–62.	558	☒	☐	☐
S-29	<i>The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies</i> , ed. by J. Flowerdew, J.E. Richardson, Routledge, London, 2018, pp. 2–62.	556	☒	☐	☐
S-15	Musolff A., <i>Metaphor, Nation and the Holocaust: The Concept of the Body Politic</i> , Routledge, 2010. DOI: 10.4324/9780203847282	392	☒	☐	☐
S-16	Liu Y., O'Halloran K.L., <i>Intersemiotic Texture: analyzing cohesive devices between language and images</i> . <i>Social Semiotics</i> , 19 (4) (2009) 367–388. DOI: 10.1080/10350330903361059	383	☒	☒	☒
S-22	Zillmann, D., Knobloch, S., Yu H.-S., <i>Effects of Photographs on the Selective Reading of News Reports</i> , <i>Media Psychology</i> , 3 (4) (2001) 301–324. DOI: 10.1207/S1532785XMEP0304_01	327	☒	☒	☐

Continuation of Table 1

ID	Core Literature	Citations* (till 2025.12.20)	Verbal	Visual	Layout
S-35	Peng Z., Representation of China: An across time analysis of coverage in the <i>New York Times</i> and <i>Los Angeles Times</i> , <i>Asian Journal of Communication</i> , 14 (1) (2004) 53–67. DOI: 10.1080/0129298042000195170	276	☒	☐	☐
S-11	Bednarek M., Caple H., 'Value added': Language, image and news values, <i>Discourse, Context & Media</i> , 1 (2–3) (2012) 103–113. DOI: 10.1016/j.dcm.2012.05.006	258	☒	☒	☒
S-45	Torabi Asr F., Taboada M., Big Data and quality data for fake news and misinformation detection, <i>Big Data & Society</i> , 6 (1) (2019) 2053951719843310. DOI: 10.1177/2053951719843310	232	☒	☐	☐
S-38	White P.R.R., Exploring the axiological workings of 'reporter voice' news stories – Attribution and attitudinal positioning, <i>Discourse, Context & Media</i> , 1 (2–3) (2012) 57–67. DOI: 10.1016/j.dcm.2012.10.004	219	☒	☐	☐
S-06	Machin D., Mayr A., <i>How to Do Critical Discourse Analysis: A Multimodal Introduction</i> , SAGE Publications, Inc., Thousand Oaks, 2023. DOI: 10.4135/9781036212933	199	☒	☒	☒
S-41	Maran T., <i>Ecosemiotics: The study of signs in changing ecologies</i> , Cambridge University Press, 2020. DOI: 10.1017/9781108942850	156	☒	☐	☐
S-13	Greenwood K., Jenkins J., Visual Framing of the Syrian Conflict in News and Public Affairs Magazines. <i>Journalism Studies</i> , 16 (2) (2015) 207–227. DOI: 10.1080/1461670X.2013.865969	145	☐	☒	☐
S-31	Greenwood D.N. Fame, Facebook, and Twitter: How Attitudes About Fame Predict Frequency and Nature of Social Media Use, <i>Psychology of Popular Media Culture</i> , 2 (4) (2013) 222. DOI: 10.1037/ppm0000013	139	☒	☐	☐
S-21	Kraidy M.M., The projectilic image: Islamic State's digital visual warfare and global networked affect, <i>Media, Culture & Society</i> , 39 (8) (2017) 1194–1209. DOI: 10.1177/0163443717725575	92	☐	☒	☐
S-42	Van Leeuwen T., Legitimation and multimodality, <i>The Routledge Handbook of Language and Politics</i> , ed. by B. Forchtner, R. Wodak, Routledge, New York, 2017, pp. 218–232. DOI: 10.4324/9781315183718	78	☒	☒	☐
S-17	Chen Ch., Visualizing the knowledge domain of multimodal discourse analysis (2009–2019): A bibliometric review, <i>Forum for Linguistic Studies</i> , 2 (1) (2020) 57–70. DOI: 10.18063/FLS.v2i1.1205	63	☒	☒	☒
S-40	Holsanova J., In the eye of the beholder: Visual communication from a recipient perspective, <i>Visual Communication</i> , ed. by D. Machin, De Gruyter, Berlin, 2014, pp. 331–335. DOI: 10.1515/9783110255492.331	58	☐	☒	☒
S-14	Tang L., Transitive representations of China's image in the US mainstream newspapers: A corpus-based critical discourse analysis, <i>Journalism</i> , 22 (3) (2021) 804–820. DOI: 10.1177/1464884918801116	56	☒	☐	☐
S-32	Munday J., <i>Evaluation and intervention in translation</i> , Text and Context, Routledge, London, New York, 2014, pp. 83–100. DOI: 10.4324/9781315759739	45	☒	☐	☐
S-26	Chen M., Zhang Ch., Framing corruption in the Chinese government: A comparison of frames between media, government, and netizens, <i>International Journal of Communication</i> , 10 (2016) 20.	32	☒	☐	☐
S-48	Li K., The media image of Chinese older people: From stigmatic stereotype to diverse self-representation, <i>Global Media and China</i> , 6 (3) (2021) 281–302. DOI: 10.1177/20594364211012513	28	☒	☒	☐
S-24	Liu Y., Li D., The US-China battle over Coronavirus in the news media: Metaphor transfer as a representation of stance mediation, <i>Discourse & Society</i> , 33 (4) (2022) 456–477. DOI: 10.1177/09579265221088122	27	☒	☐	☐
S-08	Bateman J.A., <i>Multimodality and genre</i> , Information Design, Routledge, London, 2017, pp. 237–258. DOI: 10.4324/9781315585680	24	☒	☒	☒

Continuation of Table 1

ID	Core Literature	Citations* (till 2025.12.20)	Verbal	Visual	Layout
S-25	Yang Z., Military metaphors in contemporary Chinese disease coverage: a case study of the <i>People's Daily</i> , 1946–2019, <i>Chinese Journal of Communication</i> , 14 (3) (2021) 259–277. DOI: 10.1080/17544750.2020.1818593	23	☒	☐	☐
S-51	Kimmelman V., Basic argument structure in Russian Sign Language, <i>Glossa: A Journal of General Linguistics</i> , 3 (1) (2018) 116. DOI: 10.5334/gjgl.494	23	☒	☐	☐
S-53	Bi M., Multimodal Discourse Analysis of News Pictures, <i>Theory & Practice in Language Studies</i> , 9 (8) (2019) 1035–1039. DOI: 10.17507/tpls.0908.23	22	☐	☒	☐
S-43	Li Z., Zhao R., Lou B., Corpus-based critical discourse analysis of reporting practices in English news reports on public health events in China and the United States, <i>Frontiers in Psychology</i> , 14 (2023) 1137382. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1137382	20	☒	☐	☐
S-44	Peng Y., Lu Y., Chapter 4: Computational visual analysis in political communication, <i>Research Handbook on Visual Politics</i> , ed. by D. Lilleker, A. Veneti, Edward Elgar Publishing, 2023, pp. 42–54. DOI: 10.4337/9781800376939.00010	19	☐	☒	☐
S-54	Tseng C.-I., Laubrock J., Bateman J.A., The impact of multimodal cohesion on attention and interpretation in film, <i>Discourse, Context & Media</i> , 44 (2021) 100544. DOI: 10.1016/j.dcm.2021.100544	19	☒	☒	☐
S-56	Li L., Gao F., Contrasting semantic and sentimental features between Chinese and American economic news discourse in the epidemic era: A corpus-based critical discourse analysis, <i>Social Sciences & Humanities Open</i> , 7 (1) (2023) 100435. DOI: 10.1016/j.ssaho.2023.100435	16	☒	☐	☐
S-52	Li X., Zhang, R., The diplomatic interpreter's negotiation of power and solidarity through engagement choices: A case study of the Chinese Foreign Minister's 2018 press conference, <i>Discourse, Context & Media</i> , 39 (2021) 100459. DOI: 10.1016/j.dcm.2020.100459	12	☒	☐	☐
S-27	Zhao J., Zhang D., Visual propaganda in Chinese central and local news agencies: a douyin case study, <i>Humanities and Social Sciences Communications</i> , 11 (2024) 588. DOI: 10.1057/s41599-024-03059-5	7	☐	☒	☐
S-34	Whitworth K., Li Y.-T., Visual Framing: The Use of COVID-19 in the Mobilization of Hong Kong Protest, <i>The China Quarterly</i> , 253 (2023) 19–34. DOI: 10.1017/S0305741022001564	7	☐	☒	☐
S-50	Fu H., Zhu H., Discursive construction of corporate identity through websites: An intercultural perspective on the commercial banks of the United States and China, <i>Frontiers in Psychology</i> , 13 (2022) 947012. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.947012	6	☒	☒	☒
S-10	Qinfeng X., Yulian C., A Multimodal Discourse Analysis of the National Publicity Film of China, <i>Communication and Linguistics Studies</i> , 6 (2) (2020) 16–22. DOI: 10.11648/j.cls.20200602.11	5	☒	☒	☐
S-36	Shahjahan R.A., Estera A., Vellanki V., 3 Global University Rankings' Visual Media, Cartography, and Geopolitics of Knowledge Global University Rankings and the Politics of Knowledge, ed. by M Stack, University of Toronto Press, 2021, pp. 74–92.	4	☐	☒	☒
S-33	Vila-Seoane M., Framing China: The Belt and Road Initiative in Argentine national media outlets, <i>Communication & Society</i> , 36 (4) (2023) 155–174. DOI: 10.15581/003.36.4.155-174	3	☒	☐	☐
S-55	Akinseye T., Social Actors' Representations in Newspaper Headlines on Domestic Violence against Men and Women in Sub-Saharan Africa, <i>Athens Journal of Mass Media and Communications</i> , 10 (4) (2024) 233–258. DOI: 10.30958/ajmmc.10-4-3	2	☒	☐	☐

End of Table 1

ID	Core Literature	Citations* (till 2025.12.20)	Verbal	Visual	Layout
S-37	Liu W., Du C., and Liu F., Communicating change: a multimodal critical discourse analysis of China’s poverty reduction posters, <i>Frontiers in Communication</i> , 9 (2024) 1444032. DOI: 10.3389/fcomm.2024.1444032	1	☒	☒	☒
S-49	Wu G., Gadavani S., The Representation of the Middle Class in Chinese Magazine: A Multimodal Critical Discourse Analysis, 1995–2021, <i>Language, Discourse & Society</i> , 12 (1 (23)) (2024) 117–133. DOI: 10.5281/zenodo.12570743	0	☒	☒	☐

Note*: Checkmarks (☑) denote the primary semiotic mechanisms extracted from each text for the construction of the SIA framework. While primary empirical studies are inherently multimodal, certain foundational texts incorporated via the Ancestry Approach may exhibit a single checkmark (e.g., only Verbal or Visual) as they were selected specifically to provide deep theoretical grounding for that particular mode.

The disproportionate academic focus on amplification is likely not accidental. Based on the aggregate frequency analysis in Table 2, amplification mechanisms were documented 252 times (70.2%), compared to only 107 instances (29.8%) for attenuation mechanisms. Media logic often exploits an evolutionary predilection for threat detection, prioritizing high-arousal content to capture audience attention. Consequently, scholars have followed suit, analyzing what is “loud” and visible. However, this article contends that attenuation is not synonymous with neutrality. The strategic removal of emotive language or the visual marginalization of actors (e.g., V-Att-3 Relegation) requires as much editorial agency as amplification. By systematically identifying these “quiet” mechanisms, the SIA framework reveals that bias is constructed as much by what is suppressed as by what is emphasized.

The review identified disjointed terminologies across the sampled literature. What some authors termed “foregrounding” (e.g., S-12 in Table 1) overlaps significantly with “intensification” (S-24), while “exclusion” (S-36) and “the passive voice” (S-41) are treated as isolated linguistic phenomena rather than connected strategies of attenuation.

Based on the systematic synthesis of the 56 core texts (empirical and theoretical), this review identified and operationalized a total of 25 distinct semiotic mechanisms (14 of Amplification, 11 of Attenuation). The frequencies detailed in Table 2 reflect the holistic foundational and operational prevalence of each mechanism within this integrated corpus. The full operational definitions and theoretical lineages for each mechanism are detailed in the Consolidated Taxonomy in Table 2. It should be noted that the citations listed in this table are representative rather than exhaustive; for each mechanism, the table prioritizes the most frequently cited empirical studies to illustrate the primary theoretical grounding found in the corpus.

To construct a comprehensive SIA, I categorized these mechanisms into four levels of research attention based on their empirical prevalence in the reviewed corpus:

1. High Attention (Explicitly identified in >40% / ≥22 studies): Dominant strategies such as Hyperbolic Lexical Intensification and High-Salience Imagery.
2. Medium Attention (15–40% / 8–21 studies): Established but secondary strategies like Metaphorical Framing.
3. Low Attention (<15% / ≤7 studies): Peripheral strategies often found in layout analysis.
4. Emergent (Theoretically deduced, <3 studies): Mechanisms logically necessitated by the framework (particularly within Attenuation) but empirically under-documented.

Crucially, this review adopts an inclusive typology. This study did not limit analysis to ‘High’ or ‘Medium’ frequency mechanisms. Instead, this review explicitly included all four levels, with a particular emphasis on ‘Low’ and ‘Emergent’ categories. This methodological decision was made to address the “blind spots” in current scholarship: While high-frequency mechanisms reveal observed media habits, the inclusion of emergent mechanisms allows this thesis to build a logically complete

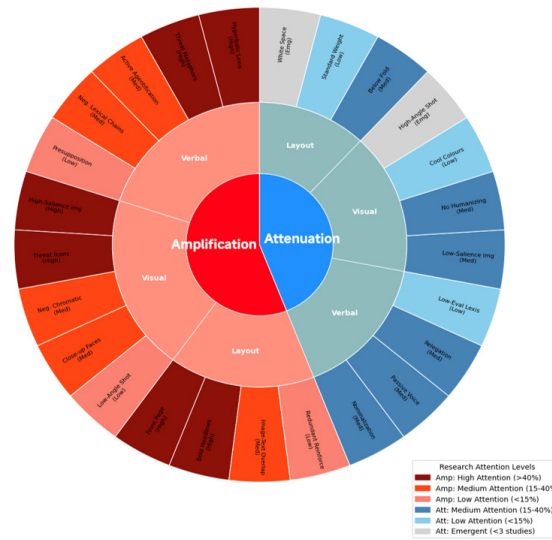

Fig. 1. The Hierarchical Taxonomy of Semiotic Intensity Mechanisms

theoretical model (the SIA) that accounts for the full spectrum of semiotic potential, rather than just repeating well-trodden findings.

The structural logic of this inclusive taxonomy is visualized in Figure 1, and these mechanisms function across three semiotic modes: Verbal, Visual, and Layout, which demonstrate how media producers systematically “turn up” (Amplify) or “turn down” (Attenuate) the volume of specific narratives.

As demonstrated in Table 2, the “hierarchy” established in Figure 1 is operationally grounded in the frequency of each mechanism’s occurrence across the reviewed corpus. This ensures that the SIA framework reflects the current state of academic attention, differentiating between dominant media habits and under-theorized emergent strategies.

Table 2. Consolidated Taxonomy of Semiotic Mechanisms

Mechanism ID	Mechanism Name	Functional Description	Research Attention (N = 56)	Representative Sources (ID) & Citations
V-Amp-1	Hyperbolic Lexical Intensification	Increases emotional valence and perceived urgency through graduation of force.	High (28/56)	1. S-12 – 32194 2. S-02 – 11333 3. S-39 – 1348 4. S-23 – 623 5. S-22 – 327
V-Amp-2	Threat-based Metaphorical Headlines	Transfers negative connotations through conceptual mapping.	High (24/56)	1. S-20 – 101752 2. S-09 – 4005 3. S-46 – 580 4. S-15 – 392 5. S-24 – 27
V-Amp-3	Active Agentification of the Target Actor	Constructs an “Actor-Responsibility” schema.	Medium (17/56)	1. S-18 – 2740 2. S-03 – 25607 3. S-14 – 56
V-Amp-4	Repetition of Negative Lexical Chains	Creates a cumulative emotional charge.	Medium (15/56)	1. S-03 – 25607 2. S-56 – 16
V-Amp-5	Presupposition and Assumed Consensus	Naturalizes controversial claims as background truth.	Low (6/56)	1. S-03 – 25607 2. S-19 – 558

Continuation of Table 2

Mechanism ID	Mechanism Name	Functional Description	Research Attention (N = 56)	Representative Sources (ID) & Citations
Vis-Amp-1	High-Salience Photographs	Prioritizes attention; anchors emotion.	High (31/56)	1. S-04 – 13578 2. S-23 – 623 3. S-22 – 327 4. S-06 – 199 5. S-10 – 5
Vis-Amp-2	Negative Chromatic Recursion	Evokes associations of danger, crisis, or authoritarianism.	Medium (19/56)	1. S-04 – 13578 2. S-06 – 199 3. S-40 – 58
Vis-Amp-3	Threat Iconography	Activates pre-existing fear schemas.	High (26/56)	1. S-12 – 32194 2. S-30 – 589 3. S-32 – 45 4. S-54 – 19 5. S-34 – 7
Vis-Amp-4	Low-Angle Camera Shots	Constructs a sense of dominance and intimidation.	Low (5/56)	1. S-04 – 13578 2. S-06 – 199
Vis-Amp-5	Close-Up Facial Expressions	Personalizes and emotionalizes abstract issues.	Medium (13/56)	1. S-04 – 13578 2. S-30 – 589 3. S-22 – 327
Lay-Amp-1	Front-Page Placement Above the Fold	Maximizes exposure and agenda-setting effects.	High (23/56)	1. S-12 – 32194 2. S-04 – 13578 3. S-23 – 623 4. S-45 – 232 5. S-08 – 24
Lay-Amp-2	Oversized, Bold Headlines	Visual shouting; frames the interpretive lens.	High (27/56)	1. S-05 – 32080 2. S-02 – 11333 3. S-39 – 1348 4. S-23 – 623 5. S-06 – 199
Lay-Amp-3	Image-Text Overlap	Forces semantic integration; reduces interpretive space.	Medium (11/56)	1. S-16 – 389 2. S-11 – 258 3. S-08 – 24
Lay-Amp-4	Redundant Multimodal Reinforcement	Creates a cross-modal “Lock-in” effect.	Low (7/56)	1. S-04 – 13578 2. S-16 – 389
V-Att-1	Nominalization	Extracts agency and vitality from beneficial narratives.	Medium (14/56)	1. S-05 – 32340 2. S-03 – 25607 3. S-04 – 13578
V-Att-2	Passive Voice	Obscures agency; lowers perceived responsibility for positive outcomes.	Medium (12/56)	1. S-04 – 13578 2. S-14 – 56 3. S-32 – 45
V-Att-3	Relegation to Later Sections	Weakens agenda-setting impact through spatial marginalization.	Medium (14/56)	1. S-12 – 32194 2. S-23 – 623 3. S-11 – 258
V-Att-4	Low-Evaluative Lexical Choices	Reduces emotional engagement with pro-China frames.	Low (5/56)	1. S-02 – 11333 2. S-39 – 1348
Vis-Att-1	Neutral/Low-Salience Imagery	Signals secondary importance; avoids emotional capture.	Medium (20/56)	1. S-01 – 28031 2. S-28 – 4532 3. S-18 – 2740 4. S-47 – 13835 5. S-30 – 589
Vis-Att-2	Absence of Humanizing Imagery	Prevents empathy formation with Chinese subjects.	Medium (16/56)	1. S-01 – 28031 2. S-04 – 13578 3. S-22 – 327 4. S-06 – 199

End of Table 2

Mechanism ID	Mechanism Name	Functional Description	Research Attention (N = 56)	Representative Sources (ID) & Citations
Vis-Att-3	Cool Colour Palettes	Weakens urgency; associates with calmness/non-threat regarding positive stories.	Low (4/56)	1. S-04 – 13578 2. S-06 – 199
Vis-Att-4	High-Angle/ Distant Shots	Visually diminishes the subject's power and agency.	Emergent (2/56)	1. S-01 – 28031 2. S-31 – 139w
Lay-Att-1	Below-the-Fold Placement	Lowers probability of encounter and perceived news value.	Medium (13/56)	1. S-12 – 32194 2. S-11 – 258 3. S-08 – 24
Lay-Att-2	Standard-Weight Headlines	Visual understatement; lack of “shouting” effect.	Low (5/56)	1. S-05 – 32080 2. S-06 – 199
Lay-Att-3	Wide White Space Separation	Hinders cross-modal meaning integration.	Emergent (2/56)	1. S-16 – 383 2. S-40 – 58

2. The Verbal Mode: Graduation of Force

Within the SIA framework, the verbal mode functions as the primary locus for explicit ideological graduation, dictating how a story is told before it is visualized. Rather than operating in isolation, verbal mechanisms synergize along two primary theoretical axes: the escalation of affective charge (Amplification) and the obscuring of agency (Attenuation).

Verbal Amplification is predominantly achieved through mechanisms that actively “upgrade” the news value and emotional impact of a communicative event. High-attention strategies like Hyperbolic Lexical Intensification (V-Amp-1) and Threat-based Metaphorical Headlines (V-Amp-2) function rhetorically to maximize narrative urgency (S-39; S-22; S-46). Theoretical lineages trace this to Framing and Appraisal Theories, where high-arousal lexis and negative metaphorical mappings (e.g., treating a geopolitical shift as a “flood”) define social reality and logically close off alternative policy outcomes (S-12; S-02; S-20; S-09). Furthermore, texturing systematically enforces an Actor-Responsibility schema through the Active Agentification of the Target Actor (V-Amp-3), syntactically monopolizing agency for the out-group (S-14; S-18). Combined with the Repetition of Negative Lexical Chains (V-Amp-4) and Presupposition (V-Amp-5), media discourse manufactures a saturated macro-narrative that naturalizes aggressive intent as background truth, effectively manufacturing consent (S-03; S-19; S-56).

Verbal Attenuation, conversely, works to dampen agency and visibility, particularly when reporting beneficial or cooperative narratives. Mechanisms such as Nominalization (V-Att-1) and the Passive Voice (V-Att-2) operate as theoretical technologies of Agentive Distancing; they extract the agent from positive actions, rendering achievements as abstract phenomena rather than competent governance (S-03; S-04; S-32). This linguistic neutralization is structurally reinforced through Relegation to Later Sections (V-Att-3) and Low-Evaluative Lexical Choices (V-Att-4). Grounded in the nucleus-satellite model and Appraisal Theory's interpersonal meaning, these mechanisms ensure that positive frames are buried in the textual periphery and stripped of affective alignment, thus failing to generate the emotional resonance required to shift public perception (S-12; S-11; S-02).

3. The Visual Mode: Salience and Affect

The visual mode within the SIA framework modulates intensity by managing affective intensity and social distance, effectively setting the “emotional temperature” of the communicative event (Table 2). The synthesis of the corpus indicates that visual resources are strategically deployed to either arrest attention through immediate emotional triggers or to enforce “visual cooling” through distancing mechanisms.

Visual Amplification mechanisms are designed to “up-scale” perceived threats and urgency by anchoring emotion and prioritizing attention. High-Salience Photographs (Vis-Amp-1) establish a “demand”

relationship through variables like size and sharpness, triggering emotional engagement that enhances subsequent text processing (S-01; S-22). This ideological utility is furthered by Negative Chromatic Recursion (Vis-Amp-2), where dark spectrums signify “menace” or “atmospheric priming,” ensuring even positive news feels jarring against a pre-set dark reality (S-06; S-40). Moreover, Threat Iconography (Vis-Amp-3) activates fear schemas by presenting subjects as a “faceless mass” or “state machinery,” a strategy empirically over-represented in conflict narratives (S-12; S-30; S-44). These affective weapons are reinforced by Low-Angle Camera Shots (Vis-Amp-4), which spatialize social hierarchy by conferring overwhelming power onto the subject, and Close-Up Facial Expressions (Vis-Amp-5), which replace humanitarian compassion with the “responsibility of ambient threat” (S-01 S-06; S-30).

Visual Attenuation functions through “mechanistic dehumanization,” increasing social distance to dampen the structural impact of positive or dissonant narratives (S-28). Neutral or Low-Salience Imagery (Vis-Att-1) and the Absence of Humanizing Imagery (Vis-Att-2) act as an “empathy blockade”, where the denial of emotional depth and the “demand” gaze renders subjects as interchangeable automatons or mere placeholders (S-04; S-47; S-18). This “affective damping” is achieved by pairing positive stories with “boring” visuals that fail to secure visual primacy within the page hierarchy (S-22). Furthermore, Cool Colour Palettes (Vis-Att-3) signal clinical detachment, while High-Angle/Distant Shots (Vis-Att-4) visually diminish the subject’s agency by analyzing them as “specimens” or ant-like patterns (S-04; S-06; S-31). Collectively, these mechanisms reinforce a detached, colonial gaze that systematically marginalizes the Other within the visual economy.

4. The Layout Mode: Hierarchy and Zoning

Within the SIA framework, the layout mode functions as the “instruction manual” for consuming the communicative event, organizing spatial relationships to determine the reading path and information hierarchy. As detailed in Table 2, layout mechanisms synthesize by either aggressively managing reader attention to enforce maximum visibility (Amplification) or spatially marginalizing dissonant, positive information to manage narrative prominence (Attenuation).

Layout Amplification ensures forced integration of meaning through structural primacy and intersemiotic fusion. Front-Page Placement Above the Fold (Lay-Amp-1) capitalizes on Western reading paths, acting as an institutional “spotlight” that elevates narratives to high salience. Grounded in Kress & van Leeuwen’s concept of the “Ideal” zone [7] and GeM model (S-08) grid, this spatial allocation mathematically constructs the news value of “Prominence.” This structural power is paired with Oversized, Bold Headlines (Lay-Amp-2), functioning as “visual shouting” to impose preferred intertextual frames. Categorized as a visual realization of Graduation: Force, heavy typography signals factual authority and “superlativeness”, transforming subjective claims into objective facts (S-02; S-06; S-23). To cement these frames, Image-Text Overlap (Lay-Amp-3) and Redundant Multimodal Reinforcement (Lay-Amp-4) maximize Intersemiotic Texture. By collapsing processing distance and creating high “cohesive density,” these mechanisms force a semantic fusion and a “truth effect” that eliminates interpretive doubt, leaving no gaps for alternative readings (S-16; S-08; S-04). Crucially, these spatial framing cues are often stripped by automated text classification, rendering layout amplification invisible to purely computational analysis (S-45).

Layout Attenuation functions spatially to satisfy journalistic diversity requirements while structurally rendering counter-narratives invisible. Below-the-Fold Placement (Lay-Att-1) signals secondary status by demoting information to the mundane Real zone (S-08), ensuring it lacks the salience required to activate framing effects (S-12; S-23). This Structural Demotion is compounded by Standard-Weight Headlines (Lay-Att-2), a typographic understatement or “visual quieting” that visually codes stories as “light news” so they merely “whisper” (S-05; S-06). Furthermore, Wide White Space Separation (Lay-Att-3) physically distances visual evidence from positive verbal text. By lowering the density of cohesive devices and breaking saccadic eye movement, media execute Intersemiotic

Decoupling, actively preventing cross-modal integration and stopping positive visual affect from validating the narrative (S-16; S-40).

Discussion: Synthesis, Synergy, and Contextualization

1. Intersemiotic Synergy: The Multiplier Effect

While the mechanisms detailed in Table 2 have been cataloged individually, a defining characteristic of the SIA is its recognition that these modes rarely operate in isolation. The framework posits that high-intensity framing is achieved not through single-mode graduation but through Intersemiotic Synergy – a “multiplier effect,” where verbal, visual, and layout resources mutually reinforce one another to close off alternative interpretations.

Synthesizing the data from the 56 reviewed studies (Table 1), the synthesis identified stable “coupling patterns” or “co-occurrence clusters” between modes. As illustrated in the integrated architecture of Figure 1, the most potent form of amplification occurs when Hyperbolic Lexical Intensification (V-Amp-1) is spatially anchored by High-Salience Photographs (Vis-Amp-1). Qualitative analysis of the corpus suggests that verbal threat narratives are predominately accompanied by simultaneous visual amplification, creating a closed semiotic loop.

This suggests that media producers instinctively align the “emotional temperature” of text and image to ensure maximum semiotic impact. For instance, a headline describing a “border crisis” is rarely presented alone; it is almost invariably accompanied by Threat Iconography (Vis-Amp-3), such as high-contrast images of chaotic crowds or military hardware. Bateman [19] defines this as a Resonance relation, where the visual evidence provides the “empirical proof” for the verbal claim, rendering the threat narrative empirically indisputable to the reader.

Conversely, the SIA reveals that attenuation often operates through Modal Dissonance or decoupling. A recurrent observation across the dataset is that positive China-related news (e.g., scientific cooperation) frequently lacks visual alignment. Instead of reinforcing the positive verbal message with high-salience imagery, media producers often employ Neutral/Low-Salience Imagery (Vis-Att-1) or utilize Wide White Space (Lay-Att-3) to physically separate the visual evidence from the favorable headline. This lack of synergy effectively “dampens” the positive signal. As a result, even when a cooperative story is explicitly told in the verbal mode, it fails to resonate visually or emotionally, leading to weak retention and low agenda-setting power.

2. Contextualizing Semiotic Intensity: Content and Selection Bias

The quantitative difference revealed in this study, where amplification mechanisms account for 70 % of the discourse compared to 30 % for attenuation, must be contextualized within the specific content of the analyzed narratives and the positionality of the primary researchers. The content itself drives much of the semiotic intensity. A substantial portion of the 56 empirical studies analyzed in this scoping review focused on crisis-driven topics, most notably the COVID-19 pandemic. Topics related to global health crises, lockdowns, and threats to human life are fundamentally negative and catastrophic. Consequently, media outlets naturally resort to strong amplification strategies like war metaphors and emotive modifiers to report on these issues. Furthermore, there is an underlying secondary selection bias. A subset of the authors of 56 studies shares a positionality as scholars aiming to expose negative Western biases against China. This shared ideological stance likely influenced their initial sampling, leading them to disproportionately select highly conflictual and adversarial texts for their analyses while potentially overlooking more neutral or positive topics like the Beijing Olympics or cultural exchanges. Therefore, the high frequency of amplification identified by the SIA is not solely an objective measure of routine Western media discourse. It also reflects the crisis-heavy content being analyzed and the collective selection bias of the researchers who originally curated these texts.

Conclusion

This study set out to resolve the fragmentation in multimodal discourse analysis by constructing a unified taxonomy of bias. By synthesizing 25 distinct semiotic mechanisms, the SIA successfully bridges the gap between qualitative interpretation and quantitative measurement. Crucially, the analysis confirms that media framing is not a binary operation of “biased” vs. “neutral,” but a dynamic continuum, where amplification and attenuation operate in synergy. The framework provides the missing vocabulary to describe how media outlets can simultaneously shout about a foreign threat while whispering about domestic complicity.

Unlike abstract conceptual models, the SIA offers a grounded blueprint for how media narratives are constructed. However, a theoretical taxonomy derived from past literature is retrospective: It reveals the tools scholars have used in individual case studies, but it has not yet captured how these mechanisms function dynamically over time.

Currently, comprehensive longitudinal datasets are needed to test how these mechanisms function dynamically over time. Future research should apply this framework to high-stakes coverage, such as ongoing geopolitical conflicts, to empirically validate these findings. Such an application will determine whether the academic literature’s focus on amplification reflects actual journalistic practice, or if reporters utilize attenuation strategies more frequently than currently theorized. Ultimately, the SIA is not merely a theoretical construct but a pedagogical and analytical tool. For journalism educators, it provides a structured vocabulary to teach the “anatomy of bias;” for the public, it offers a mechanism to resist discursive manipulation – empowering readers to recognize when their perception is being strategically modulated, whether through the amplification of fear or the attenuation of empathy.

Crucially, while this study operationalized the SIA using China-related narratives as a strategic analytical case, the generalizability of this framework to other geopolitical contexts, such as Russia, requires further empirical validation. Although its architecture is inherently transferable, the tripartite structure, measuring verbal graduation, visual salience, and layout hierarchy, must be rigorously tested before it can be equally applied to analyze power dynamics in other institutional contexts, such as corporate crisis communication, climate change discourse, or domestic electoral framing.

Beyond empirical application, the limitations of the diagnostic model point toward a necessary theoretical evolution. While the SIA effectively detects how media discourse simplifies reality, a crucial frontier remains: the active restoration of the nuance lost in this process. Future scholarship must move beyond diagnosis toward remediation, exploring protocols to systematically reintroduce excluded context and restore the complexity of crisis narratives.

Ultimately, this review does more than summarize; it reorients the field from mere criticism toward verifiable measurement. By staking out a clear research frontier centered on cross-modal synergy and quantifiable analysis, the taxonomy provides the necessary foundation upon which falsifiable, cross-cultural media analysis can be systematically built. This shift ensures that future inquiries into national image construction are grounded not in intuition, but in rigorous, reproducible semiotic evidence.

Acknowledgements

The authors wish to extend their heartfelt gratitude to anonymous reviewers for their insightful comments.

There is no conflict of interest affecting the publication of the article in this Journal. This research received no external funding. The data supporting the findings of this study are available from the corresponding author upon reasonable request.

REFERENCES

- [1] **Yin Z.**, Constructing China's Image in the British Media during International Crises: A Case Study of The Times Newspaper since February 2022, *Bulletin of Perm University. Political Science*, 19 (2) (2025) 130–142. DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-130-142
- [2] **Bateman J.A., Wildfeuer J.**, A multimodal discourse theory of visual narrative, *Journal of Pragmatics*, 74 (2014) 180–208. DOI: 10.1016/j.pragma.2014.10.001
- [3] **Machin D., Mayr A.**, *How to Do Critical Discourse Analysis: A Multimodal Introduction*, SAGE Publications, Inc., Thousand Oaks, 2023. DOI: 10.4135/9781036212933
- [4] **Zykova I.V.**, Parameters of pragmatic analysis of phraseology in multimodal discourse (the case study of feature films), *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 46–65. DOI: 10.18721/JHSS.16304
- [5] **McCombs M.E., Shaw D.L.**, The agenda-setting function of mass media, *Public Opinion Quarterly*, 36 (2) (1972) 176–187. DOI: 10.1086/267990
- [6] *The Routledge Handbook of Multimodal Analysis*, ed. by C. Jewitt, 1st ed., Routledge, London, New York, 2009.
- [7] **Kress G., Van Leeuwen T.**, *Reading Images: The Grammar of Visual Design*, 3rd ed., Routledge, London, 2021. DOI: 10.4324/9781003099857
- [8] **Entman R.M.**, Framing: towards clarification of a fractured paradigm, *McQuail's Reader in Mass Communication Theory*, ed. by D. McQuail, SAGE Publications, London, Thousand Oaks, New Delhi, 1993, pp. 390–397.
- [9] **Martin J.R., White P.R.**, *The Language of Evaluation*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2005. DOI: 10.1057/9780230511910
- [10] **Bateman J.**, *Multimodality and Genre: A Foundation for the Systematic Analysis of Multimodal Documents*, Palgrave Macmillan, London, 2008. DOI: 10.1057/9780230582323
- [11] **Liu Y., O'Halloran K.L.**, Intersemiotic Texture: analyzing cohesive devices between language and images. *Social Semiotics*, 19 (4) (2009) 367–388. DOI: 10.1080/10350330903361059
- [12] **Bednarek M., Caple H.**, Why do news values matter? Towards a new methodological framework for analysing news discourse in *Critical Discourse Analysis and beyond*, *Discourse & Society*, 25 (2) (2014) 135–158. DOI: 10.1177/0957926513516041
- [13] **Arksey H., O'Malley L.**, Scoping Studies: Towards a Methodological Framework, *International Journal of Social Research Methodology*, 8 (1) (2005) 19–32. DOI: 10.1080/1364557032000119616
- [14] **Levac D., Colquhoun H., O'Brien K.K.**, Scoping studies: advancing the methodology, *Implementation Science*, 5 (1) (2010) 69. DOI: 10.1186/1748-5908-5-69
- [15] **Munn Z., Peters M.D.J., Stern C., Tufanaru C., McArthur A.**, Aromataris., Systematic review or scoping review? Guidance for authors when choosing between a systematic or scoping review approach, *BMC Medical Research Methodology*, 18 (1) (2018) 143. DOI: 10.1186/s12874-018-0611-x
- [16] **Tricco A.C., Lillie E., Zarin W., O'Brien K.K., et al.**, PRISMA Extension for Scoping Reviews (PRISMA-ScR): Checklist and Explanation, *Annals of Internal Medicine*, 169 (7) (2018) 467–473. DOI: 10.7326/M18-0850
- [17] **Braun V., Clarke V.**, Reflecting on reflexive thematic analysis. *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*, 11 (4) (2019) 589–597. DOI: 10.1080/2159676X.2019.1628806
- [18] **Zielinska D.**, The selective mode of language use and the quantized communicative field, *Journal of Pragmatics*, 39 (5) (2007) 813–830. DOI: 10.1016/j.pragma.2006.12.006
- [19] **Bateman J.A.**, *Multimodality and genre*, Information Design, Routledge, London, 2017, pp. 237–258. DOI: 10.4324/9781315585680

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Инь Ц.** Формирование образа Китая в британских СМИ в условиях международных кризисов: на примере газеты The Times с февраля 2022 г. // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2025. Т. 19. № 2. С. 130–142. DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-130-142
2. **Bateman J.A., Wildfeuer J.** A multimodal discourse theory of visual narrative // *Journal of Pragmatics*. 2014. Vol. 74. P. 180–208. DOI: 10.1016/j.pragma.2014.10.001

3. **Machin D., Mayr A.** How to Do Critical Discourse Analysis: A Multimodal Introduction. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc., 2023. 240 p. DOI: 10.4135/9781036212933
4. **Зыкова И.В.** Параметры прагматического анализа фразеологии в полимодальном дискурсе (на материале художественных фильмов) // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 46–65. DOI: 10.18721/JHSS.16304
5. **McCombs M.E., Shaw D.L.** The agenda-setting function of mass media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. Iss. 2. P. 176–187. DOI: 10.1086/267990
6. The Routledge Handbook of Multimodal Analysis / ed. by C. Jewitt. 1st ed. London; New York: Routledge, 2009. 368 p.
7. **Kress G., Van Leeuwen T.** Reading Images: The Grammar of Visual Design. 3rd ed. London: Routledge, 2021. 310 p. DOI: 10.4324/9781003099857
8. **Entman R.M.** Framing: towards clarification of a fractured paradigm // McQuail's Reader in Mass Communication Theory / ed. by D. McQuail. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1993. P. 390–397.
9. **Martin J.R., White P.R.** The Language of Evaluation., Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. XII + 278 p. DOI: 10.1057/9780230511910
10. **Bateman J.** Multimodality and Genre: A Foundation for the Systematic Analysis of Multimodal Documents. London: Palgrave Macmillan, 2008. XIX + 312 p. DOI: 10.1057/9780230582323
11. **Liu Y., O'Halloran K.L.** Intersemiotic Texture: analyzing cohesive devices between language and images // Social Semiotics. 2009. Vol. 19. Iss. 4. P. 367–388. DOI: 10.1080/10350330903361059
12. **Bednarek M., Caple H.** Why do news values matter? Towards a new methodological framework for analysing news discourse in critical discourse analysis and beyond // Discourse & Society. 2014. Vol. 25. Iss. 2. P. 135–158. DOI: 10.1177/0957926513516041
13. **Arksey H., O'Malley L.** Scoping Studies: Towards a Methodological Framework, International Journal of Social Research Methodology. 2005. Vol. 8. Iss. 1. P. 19–32. DOI: 10.1080/1364557032-000119616
14. **Levac D., Colquhoun H., O'Brien K.K.** Scoping studies: advancing the methodology // Implementation Science. 2010. Vol. 5. Iss. 1. Art. no. 69. DOI: 10.1186/1748-5908-5-69
15. **Munn Z., Peters M.D.J., Stern C., Tufanaru C., McArthur A.** Aromataris. Systematic review or scoping review? Guidance for authors when choosing between a systematic or scoping review approach // BMC Medical Research Methodology. 2018. Vol. 18. Iss. 1. Art. no. 143. DOI: 10.1186/s12874-018-0611-x
16. **Tricco A.C., Lillie E., Zarin W., O'Brien K.K. et al.** PRISMA Extension for Scoping Reviews (PRISMA-ScR): Checklist and Explanation // Annals of Internal Medicine. 2018. Vol. 169. Iss. 7. P. 467–473. DOI: 10.7326/M18-0850
17. **Braun V., Clarke V.** Reflecting on reflexive thematic analysis // Qualitative Research in Sport, Exercise and Health. 2019. Vol. 11. Iss. 4. P. 589–597. DOI: 10.1080/2159676X.2019.1628806
18. **Zielinska D.** The selective mode of language use and the quantized communicative field // Journal of Pragmatics. 2007. Vol. 39. Iss. 5. P. 813–830. DOI: 10.1016/j.pragma.2006.12.006
19. **Bateman J.A.** Multimodality and genre, Information Design, London: Routledge, 2017. P. 237–258. DOI: 10.4324/9781315585680

INFORMATION ABOUT AUTHOR / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Zehao Yin

Инь Цзэхао

E-mail: eric520magneto@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5397-0485>

Submitted: 06.04.2026; Approved: 26.05.2026; Accepted: 17.06.2026.

Поступила: 06.04.2026; Одобрена: 26.05.2026; Принята: 17.06.2026.

Рецензии Review

Рецензия

УДК 81'42:314.15(049.3)

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17210>

EDN: <https://elibrary/PXMERB>

МИГРАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕГРАМ-ДИСКУРСА: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С.Л. КУШНЕРУК «КОНФЛИКТОГЕННОЕ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ В ТЕЛЕГРАМ-ДИСКУРСЕ О ТРУДОВЫХ МИГРАНТАХ». МОСКВА: ФЛИНТА, 2026. ISBN 978-5-9765-5873-1

Э.В. Будаев

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

 aedw@mail.ru

Аннотация. Рецензия посвящена монографии С.Л. Кушнерук, в которой представлены результаты исследования дискурсивных механизмов конфликтогенного смыслопорождения в русскоязычном телеграм-дискурсе на материале публичных каналов, освещающих трудовую миграцию. Актуальность работы обусловлена стремительной «телеграмизацией» публичной коммуникации, нарастающей социальной напряженностью в сфере межкультурного взаимодействия и острой потребностью в научно обоснованных инструментах диагностики деструктивного контента. Новым является интегративный подход, объединяющий установки социолингвистики третьей волны, дискурсологии, когнитивной лингвистики и социальной семиотики. Такой синтез позволяет автору выйти за рамки традиционного анализа вербальных конфликтогенов и впервые представить целостную концепцию конфликтогенного миромоделирования с учетом мультимодальной природы телеграм-коммуникации. Значимым научным вкладом является разработка оригинального понятия конфликтогенного миромоделирования, определяемого как процесс дискурсивного структурирования информации на основе оппозиции «свой – чужой», который служит индикатором социальной напряженности. К числу конкретных новаторских результатов исследования относятся: а) обоснование и операционализация системы критериев конфликтогенного миромоделирования, объединяющей правовые, социально-психологические, форматные и лингвистические параметры; б) создание типологии лингвосемиотических конфликтогенов, которая охватывает языковые, параграфемные, цифровые, визуальные и аудиальные средства; в) разработка и применение методики лингвосемиотического анализа визуальных фреймов для доказательства того, что доминирующей стратегией визуального фрейминга является «наведение» конфликтных смыслов на нейтральное изображение с помощью вербального кода. Монография безусловно вызовет интерес у широкого круга специалистов – лингвистов, социологов, политологов, экспертов в области медиакommunikации, а также государственных служащих, занимающихся вопросами миграционной политики, информационной безопасности, мультимодальной коммуникации.

Ключевые слова: телеграм-дискурс, телеграм-коммуникация, образ трудовой миграции, конфликтогенное миромоделирование, визуальное фреймирование.

Для цитирования: Будаев Э.В. Миграция в зеркале российского телеграм-дискурса: рецензия на монографию С. Л. Кушнерук «Конфликтогенное миромоделирование в телеграм-дискурсе о трудовых мигрантах». Москва: Флинта, 2026. ISBN 978-5-9765-5873-1 // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 2. С. 169–174. DOI: 10.18721/JHSS.17210

**MIGRATION IN THE MIRROR OF RUSSIAN
TELEGRAM DISCOURSE: A REVIEW OF S. KUSHNERUK'S
MONOGRAPH "CONFLICTOGENIC WORLD MODELING
IN TELEGRAM DISCOURSE ON LABOR MIGRANTS."
MOSCOW: FLINTA, 2026. ISBN 978-5-9765-5873-1**

E.V. Budaev

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation

 aedw@mail.ru

Abstract. The review analyzes S.L. Kushneruk's monograph, which presents the findings of a study on the discursive mechanisms of conflictogenic meaning-making in Russian-language Telegram discourse, based on public channels covering labor migration. The relevance of the work is determined by the rapid "Telegramization" of public communication, the growing social tension in the sphere of intercultural interaction, and the acute need for scientifically grounded tools for diagnosing destructive content. A novel integrative approach is proposed, combining the principles of third-wave sociolinguistics, discourse studies, cognitive linguistics, and social semiotics. This synthesis enables the author to move beyond the traditional analysis of verbal conflictogens and, for the first time, to present a holistic concept of conflictogenic world-modelling that takes into account the multimodal nature of Telegram communication. A significant scholarly contribution is the development of the original notion of conflictogenic world-modeling, defined as a process of discursive structuring of information based on the "self/other" dichotomy, which serves as an indicator of social tension. The study's innovative findings include: a) the substantiation and operationalisation of a system of criteria for conflictogenic world-modelling, encompassing legal, socio-psychological, format-related, and linguistic parameters; b) the creation of a typology of linguo-semiotic conflictogens, covering linguistic, paragraphemic, digital, visual, and audial means; c) the development and application of a methodology that proves that the dominant visual framing strategy consists in "imposing" conflict-related meanings onto a neutral image through the verbal code. The monograph will undoubtedly be of interest to a wide range of specialists, including linguists, sociologists, political scientists, media communication experts, as well as public officials dealing with migration policy, information security, and multimodal communication.

Keywords: Telegram discourse, Telegram communication, image of labor migration, conflictogenic world modeling, visual framing.

Citation: Budaev E.V. Migration in the Mirror of Russian Telegram Discourse: A Review of S. Kushneruk's Monograph "Conflictogenic World Modeling in Telegram Discourse on Labor Migrants". Moscow: Flinta, 2026. ISBN 978-5-9765-5873-1, Terra Linguistica, 17 (2) (2026) 169–174. DOI: 10.18721/JHSS.17210

Введение

Проблематика конфликтогенного смыслопорождения в телеграм-коммуникации все активнее разрабатывается в современной лингвистике. Исследуются языковые механизмы дегуманизации в украинских телеграм-каналах [1]. В этом же медийном сегменте разрабатываются проблемы использования прецедентных феноменов как речевых и ментальных структур концептуальной картины мира, отражающей внутривнутриполитические разногласия и противоречия [2]. Внимание уделяется вопросам конфликтного фреймирования политических событий с учетом аффордансов телеграм-среды [3]. Показательно, что зарубежные исследователи сосредоточены на использовании Telegram в политических кампаниях и стратегиях коммуникации

радикальных групп [4, 5]. В этих дискуссиях формируется запрос на обсуждение роли языка в объяснении процессов конструирования социальных структур в дискурсе [6], в числе которых дискурсивная репрезентация острых социальных проблем, таких как миграция [7].

На этом фоне монография Светланы Леонидовны Кушнерук продолжает наметившуюся тенденцию к анализу дискурсивных практик в цифровой среде, развивая собственный оригинальный подход, заложенный в предыдущих публикациях [8, 9]. Работа посвящена одной из острых и актуальных проблем современной лингвистики в частности и социогуманитарного знания в целом – исследованию дискурсивных механизмов конструирования конфликтогенных моделей реальности в русскоязычном сегменте Telegram. В эпоху, когда мессенджеры становятся не просто средством коммуникации, но и мощным инструментом формирования общественного мнения, а подчас и информационно-психологического воздействия, обращение к теме трудовой миграции сквозь призму конфликтогенного миромоделирования представляется исключительно своевременным и научно востребованным.

Актуальность рецензируемой монографии определяется несколькими факторами. Во-первых, это стремительная «телеграмизация» публичной коммуникации, приведшая к тому, что телеграм-каналы с многотысячной аудиторией стали полноправными, а часто и доминирующими игроками в медийном поле, особенно в обсуждении таких чувствительных тем, как межнациональные отношения и трудовая миграция. Во-вторых, это нарастающая социальная напряженность, связанная с миграционными процессами, и потребность в научно обоснованных инструментах диагностики и предупреждения конфликтогенных проявлений в цифровой среде. В-третьих, это недостаточная изученность когнитивно-дискурсивных и, что особенно важно, мультимодальных механизмов создания конфликтогенных смыслов в телеграм-дискурсе. Автор справедливо отмечает, что ощущение безнаказанности и анонимность в виртуальной среде способствуют поляризации аудитории и обострению межкультурных противоречий, что превращает Telegram в потенциальную технологическую площадку для информационно-психологических войн.

Новизна работы заключается в интегративном подходе, объединяющем установки социолингвистики третьей волны, дискурсологии, когнитивной лингвистики и социальной семиотики, что позволяет автору выйти за рамки традиционного анализа вербальных конфликтогенов и впервые в столь систематизированном виде представить концепцию конфликтогенного миромоделирования с учетом визуальной и мультимодальной специфики телеграм-коммуникации.

Монография обладает высокой **теоретической ценностью**. Автор не просто использует существующие понятия, но и развивает концептуальный аппарат, вводя и обосновывая ряд новых или уточненных терминов. Центральным является понятие «конфликтогенного миромоделирования», которое трактуется как процесс дискурсивного структурирования информации о социально значимом явлении с помощью семиотических ресурсов. При этом данный процесс направлен на создание репрезентационной структуры, основанной на оппозиции «свой – чужой» и служащей индикатором социальной напряженности (с. 60). Данное определение четко фиксирует деятельностную, конструктивную и оценочную природу исследуемого феномена.

Особого внимания заслуживает типология направлений исследования миромоделирования в российской лингвистике (лингвокогнитивное, концептуальное, лингвоаксиологическое, семантико-стилистическое, функциональное, когнитивно-прагматическое, лингвоидеологическое), представленная автором в первой главе. Эта систематизация создает прочную методологическую основу для последующего анализа и демонстрирует широту научной эрудиции автора. Значимым теоретическим вкладом является также обоснование понятий «визуальный фрейм» (с. 144), «иконографический код» изображения (с. 155), а также критериев конфликтогенного миромоделирования (с. 95), которые органично объединяют правовые, социально-психологические, форматные (гипертекстовый, мультимодальный) и собственно лингвистические

параметры (частотность, семантико-стилистический, этико-речевой, метатекстовый). Предложенная в работе типология лингвосемиотических конфликтогенов (лингвистические, параграфемные, цифровые, визуальные, аудиальные) выводит анализ на новый уровень, позволяя учитывать гетерогенную природу современных цифровых текстов. Данная типология может рассматриваться как инструмент диагностики межкультурного взаимодействия в цифровой среде, позволяющий оценить «меру риска» возникновения конфликта между представителями социальных групп.

Монография опирается на солидную эмпирическую базу – совокупность конфликтогенных текстов телеграм-постов, опубликованных в 2023–2024 гг. в новостных и политических каналах с охватом 150–200 тысяч подписчиков. Всего проанализировано 1058 фотоизображений и значительный корпус вербальных текстов (587431 словоупотребление). Методология исследования отличается междисциплинарностью и многоступенчатостью: автор сочетает методы дискурс-анализа, когнитивного анализа (теория фреймов, концептуальный анализ), количественного анализа (подсчет частотности этнонимов с привлечением данных Национального корпуса русского языка), а также методики анализа визуальной репрезентации конфликта. Такой комплексный подход обусловлен сложностью предмета исследования и обеспечивает достоверность и убедительность полученных результатов.

Утверждение В.Е. Чернявской о том, что «речь представляет собой одну из самых сильных форм воздействия»¹, находит убедительное подтверждение в телеграм-дискурсе о трудовых мигрантах: здесь речевые средства последовательно работают как действенный инструмент формирования враждебных установок. Во второй главе монографии автор демонстрирует, каким образом фрейм «преступления» становится ключевым концептуальным инструментом конфликтогенного миромоделирования. Автор детально реконструирует структуру этого фрейма, выделяя субфреймы преступлений против личности (убийства, изнасилования), против общественной безопасности (бандитизм, хулиганство), против собственности и др. Особого внимания заслуживает анализ того, как языковые средства (метафоры «диких набегов», зооморфизмы «обезьяны», «крысы», жаргонизмы «обнести», «передознуться») не просто описывают, но и конструируют стигматизированный образ трудового мигранта, лишая его человеческого облика. Важным выводом является то, что проблематизация трудовой миграции строится на фреймовой иерархии, которая включает в себя не только преступления, совершаемые мигрантами, но и преступления, совершаемые российскими гражданами (фиктивная регистрация, незаконная трудовая деятельность), что добавляет анализу дополнительную глубину.

В третьей главе автор убедительно доказывает, что фотоизображения в телеграм-дискурсе не являются нейтральным отражением реальности, а выступают в качестве активного семиотического ресурса, обладающего свойствами иконичности, индексальности и синтаксической имплицитности. Установлено, что доминирующей моделью визуального фреймирования является комбинация нейтральной изобразительной субстанции с конфликтогенной языковой субстанцией (до 78% случаев). Именно язык «наводит» конфликтный смысл на относительно нейтральную картинку (паспорт, здание, улица), направляя интерпретацию адресата в нужное русло. Выделение открыто и латентно конфликтогенных стратегий миромоделирования, а также анализ визуализации субъектных центров (преступники, жертвы, представители власти, население) дает целостное представление о том, как формируется поляризованная картина межкультурного взаимодействия.

Практическая значимость монографии не вызывает сомнений. Разработанные критерии конфликтогенного миромоделирования могут быть использованы для мониторинга и идентификации деструктивного контента в социальных сетях органами государственной власти и правоохранительной системы, а также специалистами в области медиабезопасности. Предложенный

¹ Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. С. 7.

инструментарий позволяет не просто констатировать наличие «языка вражды», но и анализировать глубинные когнитивные механизмы его воспроизводства. Работа также может служить основой для учебных курсов по медиалингвистике, политической лингвистике, конфликтологии и межкультурной коммуникации.

Заключение

Монография С.Л. Кушнерук «Конфликтотенное миромоделирование в телеграм-дискурсе о трудовых мигрантах» представляет собой оригинальное и высокопрофессиональное научное изыскание, выполненное на стыке лингвистики, социологии, семиотики и медиаисследований. Автору удалось предложить убедительные решения комплекса теоретических и эмпирических задач, связанных с изучением того, как цифровая коммуникация конструирует конфликтную реальность. Работа вносит существенный вклад в развитие социалингвистики, медиалингвистики, когнитивной лингвистики и социальной семиотики, предлагая оригинальный теоретический подход и эмпирически обоснованные выводы, которые имеют значение не только для академической науки, но и для практики государственной миграционной политики и обеспечения информационной безопасности России.

К перспективам для дальнейших изысканий можно отнести следующие соображения.

В разделе 2.3.2 автор справедливо выделяет гипертекстовый критерий, указывая на возможность нелинейного доступа к информации через гиперссылки. Было бы интересно провести детальный анализ того, как именно архитектура гиперссылок (репосты, перекрестные ссылки на другие каналы, в том числе оппозиционные) влияет на «эмерджентность» конфликтотенной миромодели. Создает ли сетевая природа Telegram эффект «эхо-камеры» и как это ускоряет радикализацию аудитории?

Автор проводит сравнение двух каналов — политического («Русский меч») и новостного («Мигранты — всё как есть»), что ставит вопрос о корреляции между различиями в их контент-стратегии (идеологическая vs. аналитическая) и выбором конкретных вербальных и визуальных конфликтотенов. Поиск ответа представляет собой перспективную область для дальнейших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чудинов А.П., Будаев Э.В., Никифорова М.В. Метафоры дегуманизации как способ формирования образа России в украинских Telegram-каналах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 3. С. 52–61.

2. Будаев Э.В., Руженцева Н.Б. Прецедентные феномены из повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» в украинских телеграм-каналах // Филологический класс. 2025. № 3. С. 125–135. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-125-135

3. Кушнерук С.Л. Фреймирование предвыборной политической ситуации в дискурсе телеграм-канала // Медиалингвистика. 2022. Т. 9. № 3. С. 220–236. DOI: 10.21638/spbu22.2022.304

4. Alonso-Muñoz L., Tirado-García A., Casero-Ripollés A. Telegram in campaign: The use of mobile instant messaging services in electoral political communication // Communication and Society. 2022. Vol. 35. Iss. 4. P. 71–88. DOI: 10.15581/003.35.4.71-88

5. Krona M. Collaborative Media Practices and Interconnected Digital Strategies of Islamic State (IS) and Pro-IS Supporter Networks on Telegram // International Journal of Communication. 2020. Vol. 14. P. 1888–1910.

6. Чернявская В.Е. Текст и социальный контекст: Социалингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: Ленанд, 2024. 208 с.

7. Юсифли Г.М., Ленец А.В. Вербализация каузального параметра категоризации мигрантов в немецком медиадискурсе // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 1. С. 60–78. DOI: 10.18721/JHSS.17104

8. **Кушнерук С.Л.** Критерии конфликтогенного миромоделирования в анонимном политическом дискурсе Telegram // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1343–1357. DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1343-1357

9. **Кушнерук С.Л.** Индикаторы конфликтогенности межкультурного взаимодействия в телеграм-каналах: дискурсивный анализ визуальных фреймов // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 74–91. DOI: 10.18721/JHSS.16405

REFERENCES

[1] **Chudinov A.P., Budayev E.V., Nikiforova M.V.**, Metafory degumanizatsii kak sposob formirovaniya obraza Rossii v ukrainiskikh Telegram-kanalakh [Metaphors of dehumanization as a way to shape Russia's image in Ukrainian Telegram channels], *Issues of Cognitive Linguistics*, 3 (2025) 52–61.

[2] **Budaev E.V., Ruzhentseva N.B.**, Precedent Phenomena from N.V. Gogol's Novella "Taras Bulba" in Ukrainian Telegram Channels, *Philological Class*, 3 (2025) 125–135. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-125-135

[3] **Kushneruk S.L.**, Framing of Pre-Election Political Situation in the Telegram Channel Discourse, *Media Linguistics*, 9 (3) (2022) 220–236. DOI: 10.21638/spbu22.2022.304

[4] **Alonso-Muñoz L., Tirado-García A., Casero-Ripollés A.**, Telegram in campaign: The use of mobile instant messaging services in electoral political communication, *Communication and Society*, 35 (4) (2022) 71–88. DOI: 10.15581/003.35.4.71-88

[5] **Krona M.**, Collaborative Media Practices and Interconnected Digital Strategies of Islamic State (IS) and Pro-IS Supporter Networks on Telegram, *International Journal of Communication*, 14 (2020) 1888–1910.

[6] **Chernyavskaya V.E.**, *Tekst i sotsialnyy kontekst: Sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smysloporozhdeniya* [Text and social context: Sociolinguistic and discursive analysis of meaning generation], Lenand, Moscow, 2024.

[7] **Iusifli G.M., Lenets A.V.**, The Verbalization of the Causal Parameter in Migrant Categorization in German Media Discourse, *Terra Linguistica*, 17 (1) (2026) 60–78. DOI: 10.18721/JHSS.17104

[8] **Kushneruk S.L.**, Criteria of Conflictogenic World-Modeling in Anonymous Political Discourse of Telegram, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16 (4) (2025), 1343–1357. DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1343-1357

[9] **Kushneruk S.L.**, Conflictogenicity of Intercultural Interaction on Telegram Channels: Discourse Analysis of Visual Frames, *Terra Linguistica*, 16 (4) (2025) 74–91. DOI: 10.18721/JHSS.16405

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Будаев Эдуард Владимирович

Eduard V. Budaev

E-mail: aedw@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2137-1364>

Поступила: 18.05.2026; Одобрена: 16.06.2026; Принята: 22.06.2026.

Submitted: 18.05.2026; Approved: 16.06.2026; Accepted: 22.06.2026.

Рецензия

УДК 81"33

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17211>

EDN: <https://elibrary/KTWEDK>

**ЛИНГВИСТИКА МЕДИА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ОБУЧЕНИИ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
В.Е. ЧЕРНЯВСКОЙ «МЕДИАЛИНГВИСТИКА: ЖАНРЫ,
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ, МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ».
МОСКВА: ФЛИНТА, 2026 Г. ISBN 978-5-9765-5869-4**

Н.И. Клушина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

 nklushina@mail.ru

Аннотация. Медийный поворот способствовал становлению медиалингвистической парадигмы, в рамках которой базовые коммуникативные категории текст, жанр, дискурс получают новое научное измерение. В книге В.Е. Чернявской представлена оригинальная концепция медиалингвистики, в которой современная медиакommunikация репрезентирована через жанры, дискурсивные практики и мультимодальность. Жанры рассматриваются с точки зрения сложившихся, традиционных образцов-моделей для передачи различных смыслов. Жанр становится одним из основополагающих критериев для типологии текстов в медиа. Жанровая функция напрямую коррелирует с типами текстов. Данный подход позволяет по-новому осмыслить роль жанров в медиалингвистической парадигме, поскольку именно жанры оформляют дискурсивные практики в текстах. Проблема гибридных жанров в книге освещается через призму доминирующих в современной коммуникации тенденций. К ним относятся гибридизация, мультимодальность, визуальная интертекстуальность и др., чье «давление» способствует трансформации жанров и транспозиции жанровых форм по условиям новой технологической среды. Помимо адаптации медиатекстов к ведущим тенденциям (медиа) коммуникации происходит их подстраивание под каналы распространения и возможности платформ, на которых они размещаются. Поэтому внимание в книге уделяется форматным характеристикам, а также лингвистическому и типографическому ландшафтам, которые еще не были предметом медиалингвистики. Книга формирует новые, нетривиальные подходы к изучению медиакommunikации в рамках медиалингвистической парадигмы и представляет собой целостную научную концепцию, содержащую выверенную методологию, с помощью которой преподавание медиалингвистики в вузах получит фундаментальный характер.

Ключевые слова: медиалингвистика, текст, дискурс, корпус, жанры, гибридизация, мультимодальность.

Для цитирования: Клушина Н.И. Лингвистика медиа: новые подходы в исследованиях и обучении. Рецензия на книгу В.Е. Чернявской «Медиалингвистика: Жанры, дискурсивные практики, мультимодальность». Москва: Флинта, 2026 г. ISBN 978-5-9765-5869-4 // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 2. С. 175–182. DOI: 10.18721/JHSS.17211

**LINGUISTICS OF MEDIA: NEW APPROACHES
IN RESEARCH AND TEACHING. REVIEW OF THE BOOK
BY V.E. CHERNYAVSKAYA “MEDIALINGUISTICS: GENRES,
DISCURSIVE PRACTICES, AND MULTIMODALITY.”
MOSCOW: FLINTA, 2026. ISBN 978-5-9765-5869-4**

N.I. Klushina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ nklushina@mail.ru

Abstract. The media turn has contributed to the development of the mediallynguistic paradigm, within which the basic communicative categories of text, genre, and discourse are given a new scientific dimension. V.E. Chernyavskaya’s book presents an original concept of mediallynguistics, in which modern media communication is represented through genres, discursive practices, and multimodality. Genres are examined from the perspective of established, traditional patterns and models for conveying various meanings. Genre becomes one of the fundamental criteria for the typology of media texts. The genre function directly correlates with the type of texts. This approach allows us to rethink the role of genres in the media-linguistic paradigm, as it is genres that shape discursive practices into texts. The problem of hybrid genres in the book is covered through the prism of the dominant trends in modern communication. These include hybridization, multimodality, visual intertextuality, etc., whose “pressure” contributes to the transformation of genres and the transposition of genre forms under the conditions of the new technological environment. In addition to the adaptation of media texts to the leading trends (media)communication, there is their adjustment to the distribution channels and the capabilities of the platforms on which they are placed. Therefore, the book focuses on format characteristics, as well as the linguistic and typographic landscapes, which have not yet been the subject of media linguistics. The book presents new, non-trivial approaches to the study of media communication within the media linguistic paradigm and represents a comprehensive scientific concept that includes a well-defined methodology for teaching media linguistics in universities.

Keywords: mediallynguistics, text, discourse, corpus, genres, hybridization, multimodality.

Citation: Klushina N.I. Linguistics of Media: New Approaches in Research and Teaching. Review of the book by V.E. Chernyavskaya “Mediallynguistics: Genres, Discursive Practices, and Multimodality.” Moscow: Flinta, 2026. ISBN 978-5-9765-5869-4, Terra Linguistica, 17 (2) (2026) 175–182. DOI: 10.18721/JHSS.17211

Медиалингвистика сегодня заняла достойное место среди важнейших научных направлений. Стремительное развитие медиа на основе новых технологий и, как следствие, медиатизация всех сторон жизни общества создали предпосылки для становления так называемой медийной парадигмы в лингвистике и выдвижению в центр исследований лингвистических особенностей современной медиакоммуникации.

Мы говорим о медийной парадигме в том понимании, что эмпирическую базу для большинства лингвистических исследований составляют медиатексты, а функционирование языка в медиапространстве стало предметом для обнаружения и описания многих системных и новых (узусных) его возможностей.

Отметим, что, на наш взгляд, медиалингвистика не явилась новостью для отечественной лингвистики, поскольку язык медиа традиционно был предметом изучения функциональной

стилистики, в частности теории публицистического стиля [1–3], которая и сегодня активно развивается в отечественном поле и за рубежом, преимущественно в славянских странах¹ [4–10].

Но вместе с тем медиалингвистика смогла поднять изучение языка СМИ на более высокий и всеобъемлющий уровень, включив его в глобальную научную повестку. На современном этапе медиалингвистика стала закономерным развитием исследований языка медиа новейшего времени под влиянием экстра- и интралингвистических факторов, изучением его реализаций в дискурсивных практиках, как традиционных, так и новых. Именно поэтому она расширяет репертуар методов, включая в него методологические достижения смежных с ней дисциплин: дискурсологии, прагмалингвистики, социалингвистики, теории текста и т.п.

Здесь мы видим два очевидных вызова для медиалингвистики на современном этапе ее развития.

Первый, о котором нам не раз приходилось говорить, – это эклектизм подходов и методов медиалингвистических исследований, по крайней мере в отечественном ее изводе. Слишком широкое понимание предмета исследования приводит к неоперациональности базовых понятий медиалингвистики (к тому же, до сих пор почти не определенных), к неразборчивости в выборе методов, к их некритическому смешению. На наш взгляд, современным медиалингвистам не хватает строгости в подходах к избираемым для изучения фрагментам медиакоммуникации, а порой наблюдается и полное отсутствие научной рефлексии, в каком научном направлении и с помощью какой методологии, в рамках каких существующих концепций будет проведено их исследование.

Второй вызов мы видим в том, что сама область изучения в медиалингвистике не имеет очерченных границ. Такое положение дел позволяет дать широкую картину развития языковых процессов, происходящих в медиапространстве, показать трансформацию жанровой системы медиадискурса, выявить типологические особенности медиатекстов, в нем функционирующих. В рамках медиалингвистики также изучаются различные прагматические ситуации и контексты, учитываются социалингвистические характеристики участников (акторов) медиакоммуникации, интенции и стратегии их речевого поведения. Иными словами – предметом медиалингвистики становится сама коммуникация, ограниченная только рамками медиапространства. И с такой точки зрения в современной медиалингвистике еще множество лакун, которые ждут своих исследователей.

В.Е. Чернявская – авторитетный и признанный научным сообществом ученый в области лингвистики текста и лингвистики дискурса, ее работы составляют фундамент современных лингвистических учений [11–13]. Поэтому не случайно в книге «Медиалингвистика: Жанры, дискурсивные практики, мультимодальность» автор предлагает изучать лингвистику медиа не как абсолютно новый, революционный период в развитии коммуникации, а как ее закономерный путь развития, сопровождающий и обеспечивающий развитие общества в целом. С такой точки зрения новая технологическая среда, которая привычно рассматривается как основной триггер развития современных коммуникативных процессов, в книге предстает в качестве «медиаально специфичной», а медиакоммуникация – как технологически сложенная, поскольку акцент делается именно на саму коммуникацию, имеющую длительную историю становления, непрерывность развития в любых технологических (от письменности до интернета) условиях, а не на ее техническое обеспечение и технологическую «обертку». Такой, можно сказать диахронический, взгляд на современную (медиа)коммуникацию позволяет наиболее полно увидеть те ее особенности, которые дополняют сложившиеся научные представления о тексте, жанре, корпусе, дискурсе как важнейших коммуникативных категориях.

¹ Болотнов А.В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Томск, 2016.

Подчеркнем, что, на наш взгляд, целостное исследование не сводится к простой сумме наблюдаемых эмпирических фактов, отдельных лингвистических явлений или избранных для изучения научных категорий — оно всегда выявляет внутреннюю логику их взаимозависимостей и взаимообусловленностей. В таком понимании в отечественном научном поле мало комплексных медиалингвистических работ — в основном они строятся либо на описании отдельных сторон функционирования языка в медиа (неолексем, словообразовательных моделей, синтаксических последовательностей и т.п.), либо на изучении конкретных жанровых моделей, либо на выявлении стилистических особенностей в медиатекстах. Все это предстает как пестрая картина слабо связанных между собой (методологически и концептуально) медиалингвистических работ в отечественном научном поле. Именно это и создает трудности в преподавании медиалингвистики как вузовской дисциплины, хотя ее актуальность и востребованность очевидны.

С этой обозначенной нами перспективы рецензируемая книга выгодно отличается строгостью принятого научного подхода, логической выверенностью методологии для изучения лингвистики медиа в русле современного прагмалингвистического, дискурсологического и корпусного направлений. Учебник В.Е. Чернявской позволяет дать новый угол зрения на обрисованные нами проблемы и вызовы: в нем представлен целостный оригинальный взгляд на медиалингвистику как на науку, изучающую особый, технически осложненный тип коммуникации — коммуникации в медиа, при сохранении уже достигнутых научных результатов и глубоком анализе новых явлений. Автор четко обозначил предмет исследования. Это жанры, дискурсивные практики и мультимодальность. Такой комплекс взаимосвязанных «узлов» медиакоммуникации, представленный в книге, позволяет объяснить саму суть современной медиакоммуникации, в которой новые дискурсивные практики, связанные с доминированием мультимодальности в медиа, «вынуждают» жанры трансформироваться. Поэтому проблема жанровой системы в медиа становится одной из центральных для медиалингвистики.

Учебник В.Е. Чернявской позволяет выстроить изучение медиалингвистики по строгой научной траектории: текст — жанр — дискурс — коммуникация (в медиа).

В первой главе «Медиа и медиалингвистика» даны определения медиа и медиалингвистики, позволяющие сразу определить особенности данного научного направления, которые детально будут раскрыты в последующих главах.

Вторая глава «Текст как лингвистический объект» дает академическое описание концепций, изучающих лингвистику текста, в частности текстуальность и определяющие ее категории, такие как когезия, когерентность, интенциональность и др. Лингвистика текста сложилась относительно недавно, когда после изучения языка как системы появилась необходимость выйти на понимание функционирования этой системы. В книге раскрываются базовые положения лингвистики текста в строгом соответствии с авторской концепцией: типы текста описываются с точки зрения его семиотического кода, а текстуальность представлена сквозь призму формально-ориентированного, семантико-ориентированного и функционально-ориентированного подходов к пониманию текста. На наш взгляд, в главе раскрыты важнейшие аспекты современной теории текста, без которых невозможно понять специфику медиатекста и особенности его текстуальности.

Любой текст «одет» в жанровую форму. Без жанра текста нет. И если текст (его внутренняя структура, текстовые категории, лингвистические особенности и т.п.) все-таки на сегодня описан довольно-таки разносторонне и многоаспектно, то жанр — проблемная зона, особенно для медиалингвистики. Существуют различные типологии жанров на различных основаниях, множество разрозненных концепций не позволяет дать единого определения и классификации, дискуссионной остается дифференциация жанра и формата, жанра и типа текста, жанра и речевого жанра. В рецензируемой книге жанрам посвящена третья глава «Жанры текста». В.Е. Чернявская подчеркивает, что «жанры являются одними из самых стабильных индикаторов

коммуникации и культуры. Цифровизация смещает некоторые концептуальные границы, которые раньше работали для устной, письменной, печатной коммуникации. Возникновение новых жанров напрямую обусловлено двумя ключевыми факторами: изменениями в обществе и его институтах и распространением новых технологий» [13, с. 4]. Автор в объяснении новых, недавно возникших жанровых форм следует своей научной идее о преемственности традиции и показывает прототипы, казалось бы, эксклюзивных медиажанров, таких как, например, блог.

Теоретически и методологически интересно, что жанр в данной главе рассматривается как единица типологии текста, равно как и функция, которая также является критерием для типологии текста. На основе функции языка логично выстроена типология текстов по модели: функция – тип текста (информативный, оценочный, персуазивный и др. типы текстов в строгой корреляции с информативной, оценочной, персуазивной и др. функциями). Данные типологии (по критерию жанра и функции) очевидно имеют открытый характер и могут дополняться в соответствии с развитием новых типов текста в цифровой коммуникации.

Отдельно (в четвертой главе) представлены гибридные жанры. В.Е. Чернявская исходит из того, что вопреки сложившемуся постулату о языковой форме, которая «полностью следует (должна следовать) за функцией и содержанием, как внешнее следует за внутренним», в действительности «полный изоморфизм поверхностного и функционального уровней текстовой организации соответствует, скорее, идеальным представлениям о человеческой коммуникации, нежели всем ее практически наблюдаемым проявлениям» [13, с. 49]. В книге рассматривается гибридизация как зонтичный термин, «объединяющий аналитический инструментарий для описания процессов диалогизации, полифонии, интертекстуальности, смешения и переключения кода, трансязыковых и транскультурных явлений в создании и выражении смыслов» [13, с. 50]. Такое понимание гибридизации нам представляется весьма продуктивным. В медиакommunikации функционирует множество трансформированных и транспонированных жанров, отклоняющихся от своих прототипических (доцифровых) моделей, что позволяет активно использовать жанровую креативность для выражения авторской интенции и для воздействия на адресата. В данной главе описаны механизмы создания гибридных жанров и сами гибридные жанры современной медиакommunikации. Это позволяет не только понять научную составляющую явления гибридизации, но и на представленных в книге интересных примерах увидеть разнообразие возможностей создания гибридных текстов в медиа.

Тексты, оформленные по моделям определенных жанров, включаются в дискурс, реализующийся в дискурсивных практиках. Для медиалингвистики это медиатексты, образующие медиадискурс. В пятой главе «Жанры текста в дискурсивных практиках» дана краткая операциональная дефиниция данного базового понятия для медиалингвистики: «Медиадискурс – это совокупность текстов (продуктов речевой деятельности), соотнесенных со средствами массовой информации» [13, с. 115]. Здесь мы как раз сталкиваемся с обозначенной выше проблемой методологии описания медиадискурса, не решенной в медиалингвистике. Один из оригинальных путей, и, на наш взгляд, весьма продуктивных, предложен В.Е. Чернявской. Это описание жанров медиатекстов через анализ дискурсивных практик и корпусные исследования.

Совокупность медиатекстов составляют медиадискурс, который в то же время являет собой корпус. Таким образом, корпусная лингвистика, наряду с лингвистикой текста, лингвистикой жанра и лингвистикой дискурса, – еще один способ научного изучения в медиалингвистике. В.Е. Чернявская данный подход объясняет и характеризует следующим образом: «Ключевой вектор развития лингвистической методологии усматривается в последовательном переходе от анализа структуры языка к анализу корпуса текстов и реального употребления языка в живой речи, в ситуативных контекстах. Корпус – это собрание текстов в электронной форме, предназначенное не для чтения, но для изучения в соответствии с целями исследователя, и в этом состоит принципиальное отличие корпуса от электронной библиотеки» [13, с. 114]. Мы полагаем,

что такая методология исследования – несомненный научный вклад в разработку отечественной медиалингвистики, поскольку снимает эклектику и противоречия в способах и методах изучения коммуникации в медиа.

Поскольку, подчеркнем, в представленной В.Е. Чернявской концепции медиадискурс является актуальной и значимой, но все же только частью современной коммуникации, его необходимо исследовать с точки зрения базовых характеристик целой коммуникации. Именно такой подход реализован исследователем в последних главах книги. В шестой главе «Дискурсивное сообщество и его роль в определении жанровой функции» рассматриваются такие основные понятия, как дискурс, дискурсивное сообщество, функция жанра, жанровая компетенция, жанровые ожидания, жанровые предписания, важнейшие для понимания осуществления коммуникации. На седьмой главе «Мультимодальный ландшафт» хотелось бы остановиться несколько подробнее.

Согласимся с автором, что мультимодальность – базовая коммуникативная категория, сопровождавшая коммуникацию уже на начальных этапах ее становления. Термин «мультимодальность» актуален для современной научной ситуации, он удачно заменил предыдущие термины «креолизованность» и «поликодовость», употребляемые для характеристики текстов как сложных семиотических знаков. «Креолизованность» вызывал дополнительные ассоциации, что размывало строгость научного понятия, «поликодовость» акцентировал способ кодирования текста – комбинацию различных кодов. «Мультимодальность», на наш взгляд, переносит акцент с кодирования на «считывание» и декодирование текста (различными органами чувств). В любом случае история развития данной терминологии отражает современный углубленный взгляд на понимание сложных коммуникативных феноменов.

В книге мультимодальность рассматривается через мультимодальный ландшафт коммуникации, который имеет различные разновидности, объясненные на очень интересных примерах (семиотический ландшафт, визуальный ландшафт, типографический ландшафт), а также через визуальную интертекстуальность. Отдельную роль в мультимодальной медиакommunikации играют форматы представления медиатекстов, связанные с технологическими возможностями каналов передачи информации и особенностями цифровых платформ, предназначенных для размещения текстов. Здесь мы полностью согласны с выводами автора о том, что «собственно, значение медиального поворота (medial turn), отмеченного для языкознания и гуманитарного знания в целом с конца 1990-х годов, формулируется как изучение оформленности смысла, привязанности смысловыражения к определенному формату» [13, с. 129].

Как видим, в книге Е.В. Чернявской освещаются базовые вопросы лингвистики текста, лингвистики дискурса, корпусной лингвистики, с одной стороны, а с другой – определяется проблемное поле современной медиалингвистики как динамично развивающейся области лингвистики, в тесной ее связи с дискурсологией, медиалогией и теорией коммуникации. Медийный поворот и медиатизация всех сторон общественной жизни выдвинули на первый план медиатексты как наиболее социально и культурно значимые, а медиакommunikация становится основным типом коммуникации. С этой точки зрения выдвинутые в книге новые вопросы и проблемы значимы для исследования и преподавания медиалингвистики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 322 с.
2. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / под ред. М.Н. Володиной. М.: Издательство Московского университета, 2003. 457 с.

3. **Солганик Г.Я.** О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики / сост. Г.Я. Солганик. М.: ФЛИНТА, 2005. С. 13–31.
4. **Басовская Е.Н.** Идеологизация терминов в советской науке (из истории термина «публицистический стиль») // Филология в XXI веке. 2022. № 1 (9). С. 14–22.
5. **Коньков В.И.** Публицистичность, медийность, публицистический стиль // Актуальные проблемы стилистики. 2020. № 6. С. 50–57.
6. **Клушина Н.И.** Медиастилистика. М.: ФЛИНТА, 2018. 184 с.
7. **Кушнерук С.Л.** Индикаторы конфликтогенности межкультурного взаимодействия в телеграм-каналах: дискурсивный анализ визуальных фреймов // Terra Linguistica. 2025. Т. 16, № 4. С. 74–91. DOI: 10.18721/JHSS.16405
8. **Северская О.И., Туркина Е.В.** Искусственный интеллект в современном медиадискурсе: сильный, слабый, персональный // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 3. С. 74–80. DOI: 10.18721/JHSS.15307
9. **Каминская Т.Л.** Трансформация жанровой системы медиа // Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия: сборник материалов международной научно-практической конференции. М.: Факультет журналистики МГУ, 2021. С. 447–448.
10. **Тошович Б.** Структура интернет-стилистики. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 492 с.
11. **Чернявская В.Е.** Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Ленанд, 2018. 200 с.
12. **Чернявская В.Е.** Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: Ленанд, 2024. 208 с.
13. **Чернявская В.Е.** Медиалингвистика: Жанры, дискурсивные практики, мультимодальность. М.: ФЛИНТА, 2026.

REFERENCES

- [1] **Kostomarov V.G.**, Yazykovoy vkus epokhi: Iz nablyudeniyy nad rechevoy praktikoy massmedia [The linguistic taste of the era: From observations on the speech practices of the mass media], 3rd ed., Zlatoust, St. Petersburg, 1999.
- [2] Yazyk SMI kak obyekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya [Language of the media as an object of interdisciplinary research], ed. by M.N. Volodina, Moscow University Press, Moscow, 2003.
- [3] **Solganik G.Ya.**, O strukture i vazhneyshikh parametrah publitsisticheskoy rechi (yazyka SMI) [On the structure and most important parameters of journalistic speech (media language)], Yazyk sovremennoy publitsistiki [The language of modern journalism], FLINTA, Moscow, 2005, pp. 13–31.
- [4] **Basovskaya E.N.**, Ideologization of Terminology in Soviet Science (from the History of the Term “Publicistic Style”), Filologiya v XXI veke, 1 (9) (2022) 14–22.
- [5] **Konkov V.I.**, Journalism, Media, Journalistic Style, Actual Problems of Stylistics, 6 (2020) 50–57.
- [6] **Klushina N.I.**, Mediastilistika [Media stylistics], FLINTA, Moscow, 2018.
- [7] **Kushneruk S.L.**, Conflictogenicity of Intercultural Interaction on Telegram Channels: Discourse Analysis of Visual Frames, Terra Linguistica, 16 (4) (2025) 74–91. DOI: 10.18721/JHSS.16405
- [8] **Severskaya O.I., Turkina E.I.**, Artificial intelligence in modern media discourse: strong, weak, personal, Terra Linguistica, 15 (3) (2024) 74–80. DOI: 10.18721/JHSS.15307
- [9] **Kaminskaya T.L.**, Transformatsiya zhanrovoy sistemy media [Transformation of the media genre system], Zhurnalistika v 2020 godu: tvorchestvo, professiya, industriya [Journalism in 2020: Creativity, Profession, and Industry], collection of materials from the international scientific and practical conference, Faculty of journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, 2021, pp. 447–448.
- [10] **Toshovich B.**, Struktura internet-stilistiki [The structure of Internet stylistics], FLINTA, Nauka, Moscow, 2018.
- [11] **Chernyavskaya V.E.**, Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa [Linguistics of text. Discourse linguistics], Lenand, Moscow, 2018.
- [12] **Chernyavskaya V.E.**, Tekst i sotsialnyy kontekst: Sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smyslopороzhdeniya [Text and social context: Sociolinguistic and discursive analysis of meaning generation], Lenand, Moscow, 2024.

[13] Chernyavskaya V.E., *Medialinguistics: Genres, Discursive Practices, and Multimodality*, FLINTA, Moscow, 2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Клушина Наталья Ивановна

Natalia I. Klushina

E-mail: nklushina@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4666-5433>

Поступила: 25.04.2026; Одобрена: 09.06.2026; Принята: 22.06.2026.

Submitted: 25.04.2026; Approved: 09.06.2026; Accepted: 22.06.2026.